

Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Рецензируемый научный журнал

Январь 2021 г.

НОМЕР 69

ЧАСТЬ 4

Самара 2021

УДК 001.1
ББК 60

T34

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Январь 2021 г. № 69, Часть 4 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2021. – 160 с.

DOI 10.18411/lj-01-2021-p4

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

<http://ljournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ XXII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	6
Айдинов А.-Г.Р., Бекирова Ф.С. Договор авторского заказа: особенности и правовая природа.....	6
Ардаширова К.И., Павлов С.Ю. Конфликт интересов на муниципальной службе.....	9
Бердиус М.А., Кириенко К.Н. Защита деловой репутации юридических лиц в арбитражном процессе.....	12
Бобровникова А.В. Роль таможенных органов в борьбе с незаконным оборотом наркотиков	16
Бондаренко В.Г. Проблемы доказывания в арбитражном процессе	18
Бялт В.С., Чимаров С.Ю. Институт защиты прав осужденных в Российской Федерации.....	21
Бялт В.С., Талянин В.В. Институт толкования права: понятие и сущность	23
Гаврик А.Е. К вопросу о переводе земель из одной категории в другую в Российской Федерации	25
Гарипов Д.И., Галяутдинов Р.Р. Способы совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа	27
Глушко Д.К. К вопросу о порядке заключения договора субподряда: анализ предпосылок и специфических способов заключения	31
Григорьева Д.Р., Джеббаров Б.А. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина	36
Демьянова В.С. Актуальные вопросы государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество	40
Денисов А.А. Арбитражный суд в судебной системе России.....	42
Дядькин Д.С., Зорькина А.А. Толерантность, как фактор противодействия экстремизму	46
Исаева А.В. Проблемы правоприменительной практики по делам о преступлениях против общественной нравственности.....	48
Коростиев А.А. Позиции Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека по защите права на изображение гражданина	52
Коростиев А.А. Реестр коррупционеров и его роль в противодействии коррупции	58
Куандыкова К.К., Чуракова Е.Н. Использование скриншотов в качестве доказательств в арбитражном процессе.....	66
Мирзаева А.А. Круг лиц, которые могут быть признаны несостоятельными, и принцип справедливости: некоторые вопросы соотношения.....	69

Мудрая Д.А. Наименование места происхождения товаров, страна происхождения товаров, маркировка пищевой продукции: соотношение понятий и общая характеристика	72
Навальный С.В., Валебная А.А., Астраханцев Д.В. Цифровизация как средство юридической техники	76
Палеха Р.Р., Соловьева Л.Л. Понимание права и его сущности в отечественной юридической мысли XIX-XX вв	79
Палеха Р.Р., Дудкина К.Е. Судебная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации	82
Паринова Д.В., Чуракова Е.Н. Свидетельские показания в арбитражном процессе ...	84
Петрова М.А. Правовое государство: развитие идеи, понятие, признаки	88
Пышнова Е.С. Особенности правового статуса несовершеннолетних в уголовном праве	91
Радакина А.М. История становления института лишения и ограничения родительских прав	95
Рафагутдинов И.И., Павлов С.Ю. Правовой статус самокатов и других средств индивидуальной мобильности, как участников дорожного движения	100
Рафагутдинов И.И., Павлов С.Ю. Проблемы привлечения к ответственности несовершеннолетних, управляющих транспортными средствами без водительского удостоверения	103
Рябченко А.Г., Гаврик А.Е. Проблема развития института юридического лица в Древнем Риме.	106
Самсонов А.И. Проблемы определения применимого права судом к деликтным правоотношениям	108
Симонян Р.З., Алфимова К.А. К вопросу об альтернативном разрешении конфликтов в сфере здравоохранения через досудебные, судебные и внесудебные процедуры.....	111
Скрылева Ю.А., Маслов А.В. Ретроспектива становления уголовной ответственности за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны в Российской Империи	116
Соколова К.М. Актуальные проблемы применения законодательства о защите конкуренции в сфере пресечения недобросовестной конкуренции	120
Соломко М.К., Павлов С.Ю. Сравнительный анализ трудоустройства на государственную службу в РФ и США	125
Степанян Е.К. Актуальные вопросы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц вне рамок банкротного процесса	129
Степанян Е.К. Проблемы эффективности государственного управления земельными ресурсами	132
Удычак Ф.Н., Шадже А.М., Ревенко В.Э. Легитимация как обоснование права власти	134

Удычак Ф.Н., Шадже А.М., Белая М.О. Федерализация как способ изменения формы государства.....	137
Удычак Ф.Н., Шадже А.М., Фулапов С.С. От истоков к утверждению принципа равноправия	140
Лузан Д.К., Хохлова Д.Р. Представитель как участник арбитражного процесса	144
Чеботарева И.Ю., Удычак Ф.Н. Правовые ограничения государственной власти....	147
Чимаров Н.С. Правовые основы организации парламентского контроля в странах «Восточного партнерства»	152
Чимаров С.Ю., Бялт В.С. Правовая основа укрепления служебной дисциплины в полиции Российской империи по «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г.	156

РАЗДЕЛ XXII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Айдинов А.-Г.Р., Бекирова Ф.С.

Договор авторского заказа: особенности и правовая природа

ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия»

(Россия, Черкесск)

doi: 10.18411/lj-01-2021-124

idsp: ljjournal-01-2021-124

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению правовой природы и особенностей договора авторского заказа. Выявляются признаки договора авторского заказа и анализируются сходства и различия с договором на создание служебного произведения и договором заказа произведений, лицензионным договором, договором на выполнение проектных и изыскательских работ.

Ключевые слова: договор авторского заказа, результат интеллектуального труда, авторский договор, служебное произведение, произведение науки, литературы и искусства, материальный носитель.

Abstract

This article deals with the legal nature and features of the contract of author's order. Revealed signs the contract of author's order and analyzes the similarities and differences with the Treaty on the establishment of the service and the contract-order works, license agreement, agreement on execution of design and survey works.

Keywords: contract of author's order, result of intellectual work, author's contract, service work, work of science, literature and art, material carrier.

Гражданско-правовая природа договора авторского заказа является достаточно сложной, так как предполагает наличие нескольких смежных договорных конструкций, посредством которых могут оформляться гражданско-правовые отношения, преследующие цель создания некоего результате интеллектуальной (творческой) деятельности. Такими договорными конструкциями являются договор авторского заказа (ст. 1288 ГК РФ), договор о создании служебного произведения (ст. 1295 ГК РФ), договор заказа произведений (ст. 1296 ГК РФ), лицензионный договор (ст. 1233 ГК РФ), договор подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (ст. 758 ГК РФ). Рассматриваемые отношения, кроме подряда, получили правовую регламентацию в части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации [5]. Для того чтобы разобраться в особенностях каждого договора, следует определиться с предметом договора и объектом договорного обязательства, с целью заключения договора, с субъектным составом договорных отношений в каждом из обозначенных случаев.

Если говорить о договоре авторского заказа, договоре о создании служебного произведения, договоре заказа произведений, то во всех указанных случаях создание произведения является целью договора. Само произведение еще не существует. Также если сравнивать договор авторского заказа с подрядом на выполнение проектных и изыскательских работ, то такие работы к моменту заключения договора еще не выполнены. В описанных случаях заказчик имеет возможность сформулировать требования к результату интеллектуально-творческой деятельности или к результату будущих работ по проектированию или проведению изысканий.

В случае же с лицензионным договором речь идет о распоряжении правообладателем, принадлежащими ему исключительными правами на существующий результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, путем его отчуждения или предоставления другому лицу права использования соответствующего результата интеллектуальной деятельности.

При анализе субъектного состава рассматриваемых договорных правоотношений, следует отметить, что их всех объединяет то, что заказчик заинтересован в использовании результате интеллектуальной деятельности.

Однако правовая природа каждого договора, и участие конкретного лица в создании результате интеллектуального труда имеет существенные отличия.

В договоре авторского заказа сам автор должен создать произведение науки, литературы или искусства.

В отношениях, вытекающих из договора заказа произведения, а также в отношении из договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, результат интеллектуального труда может быть создан как непосредственно подрядчиком, так и другим лицом, которому подрядчик делегирует данные полномочия.

Договор о создании служебного произведения предполагает, что произведение создается творческим трудом работника, т.е. лица, находящегося в трудовых отношениях с заказчиком.

П. 1 ст. 1288 ГК РФ содержит дефиницию договора авторского заказа, согласно которой таким договором является соглашение, в силу которого одна сторона (автор) обязуется по заказу другой стороны (заказчика) создать обусловленное договором произведение науки, литературы или искусства и передать материальный носитель, содержащий произведение, заказчику.

Данный договор предполагает передачу заказчику не исключительных прав на произведение, как это имеет место в лицензионном договоре, а передачу материального носителя, содержащего произведение.

Здесь уместно уделить внимание тому, что является произведением. По данному вопросу существует множество мнений.

О.С. Иоффе к произведению относил творческую мысль автора, при том, однако, непременно условии, что она получила объективное выражение... [6, с. 64].

По мнению М.В. Гордона произведением является не просто работа автора и не идеи, выраженные автором, а произведением выступает комплекс идей и образов, получивших свое объективное выражение в готовом труде [3, с. 59].

По мнению Э.П. Гаврилова, объектом договора авторского заказа должно быть произведение, уже задуманное автором, а может быть, даже уже сложившееся в голове автора, но еще технически не созданное им [2, с. 206].

По мнению В. Витко объектом договора авторского заказа являются не мысли (идеи) автора, не сам по себе умственный труд автора по созданию произведения, а результат творческого труда автора - произведение. При этом данный ученый отмечает, что произведение - это идеальный объект, и по прямому указанию закона необоротоспособно (п. 4 ст. 129 ГК РФ) и приходит к выводу о том, что произведение не может быть объектом правоотношения, возникающего из договора авторского заказа, указывая на то, что передаче подлежит не само произведение, а материальный носитель, на котором оно запечатлено [1, с. 12].

Положения п. 1 ст. 1288 ГК РФ указывают на то, что по договору авторского заказа должно быть создано произведение и передан материальный носитель с произведением, а не права на произведение не само произведение.

Права на произведение могут передаваться по лицензионному договору или по смешанному договору, сочетающему договор авторского заказа и лицензионный договор.

Получается, что заказчик преследует цель создания исполнителем (автором) произведения и передачу материализованного результата, носителя.

Сложность заключается в том, что в ряде случаев произведение может быть создано, воплощено, объективировано не только на материальном носителе. Так, например, произведение в сфере боди-арта, татуировка, наносится на тело человека, как правило, модели, которой вовсе не обязательно будет заказчик. Если говорить о татуировке, то даже в учетом длительности по времени ее пребывания на теле конкретного человека, в связи с биологическими процессами, рано или поздно произведение в виде татуировки изменится. Что уже говорить о боди-арте, картинах написанных на теле человека. Успех в создании произведения будет зависеть не только от мастерства автора, но и от состояния и особенностей тела модели.

Передать такое произведение в непосредственном выражении не возможно. Его можно запечатлеть в виде фото-, видеозаписи, т.е. зафиксировать изображение, содержащее такое произведение.

Еще одну сложность влечет создание и устное выражение произведения.

Устное творчество тоже предполагает фиксацию воспроизведения произведения на материальном носителе, а не само воплощение произведения.

Вышеупомянутая легальная дефиниция договора авторского заказа допускает ситуацию, предполагающую возможность создания произведения без обязанности автора ознакомить заказчика с самим произведением.

По нашему мнению, передача материального носителя, на котором содержится произведение (запечатлено произведение), является еще одним существенным отличием от договора авторского заказа от договоров подряда и подрядного типа. В данном случае автор передает не результат выполненной работы, а материальный носитель, на котором зафиксировано произведение. Содержание произведения до его передачи вполне может оказаться неизвестным заказчику до принятия материального носителя. Далее право заказчика - знакомиться с содержанием произведения или нет.

Возвращаясь к вопросу об использовании самого произведения или прав на него, следует отметить, что легальная дефиниция договора авторского заказа ничего не говорит по поводу использования заказчиком или автором произведения или материального носителя с произведением.

Закон не ограничивает автора в рассматриваемых договорных отношениях в его праве делать копии материальных носителей, содержащих произведение. Следовательно, автор может передать заказчику как единственный экземпляр или оригинал материального носителя, содержащего произведение (за исключением случаев воплощения произведения голосом, на теле человека или на материи – объекте, принадлежащем заказчику), так и один из экземпляров материального носителя, содержащего произведение или фото-, аудио-, видеофиксацию произведения как результата творческой деятельности.

Заказчик при этом получает право ознакомиться с произведением, использовать материальный объект, на котором зафиксировано произведение, как объект вещного права – права собственности.

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о самостоятельности правовой природы договора авторского заказа, его направленности на создание произведения, передачу материального носителя (одного из материальных носителей), содержащих объективированную фиксацию произведения заказчику, для дальнейшего

использования такого материального носителя как объекта права собственности, без перехода к заказчику исключительных прав на производство.

***

1. Витко В. Авторский взгляд на объект и предмет договора авторского заказа // ИС. Авторское право и смежные права. 2018. № 7. С. 5 - 24.
2. Гаврилов Э.П. Комментарий к Закону РФ «Об авторском праве и смежных правах». 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2005.
3. Гордон М.В. Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
6. Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. / Сост., предисл. И.П. Грешникова; вступ. ст. А.Г. Диденко, А.Г. Потюкова; перевод Д.М. Короткова. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2010. Т. IV.

Ардаширова К.И., Павлов С.Ю.

Конфликт интересов на муниципальной службе

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-125

idsp: ljjournal-01-2021-125

Аннотация

В статье рассматривается понятие «конфликт интересов» на муниципальной службе, его причины и меры по предотвращению и урегулированию

Ключевые слова: коррупция, конфликт интересов, муниципальная служба, личная заинтересованность

Abstract

The article discusses the concept of "conflict of interest" in the municipal service, its causes and measures to prevent and resolve

Keywords: corruption, conflict of interest, municipal service, personal interest

Согласно ст. 2 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации», муниципальная служба – это профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта) [1]. Устраиваясь на муниципальную службу, человек приобретает определенные права, круг которых значительно шире, чем у обычного гражданина. Эти права необходимы муниципальному служащему для выполнения своих должностных обязанностей.

Однако, как известно, в XXI веке человеческое общество не стоит на месте и стремительно развивается во всех сферах деятельности. В ходе развития у людей также возрастают различные потребности и желания. Соответственно, могут возникать такие ситуации, когда личная заинтересованность муниципального служащего удовлетворяется за счет его полномочий.

Под личной заинтересованностью понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) лицом, замещающим должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами

(родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми данное лицо, и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями [2]. Конфликт интересов – это когда вверенные должностные полномочия могут использоваться для достижения личной имущественной выгоды. Особым обстоятельством конфликта интересов является то, что личная заинтересованность влияет на его наличие и при этом дает возможность получения выгоды.

Проблема коррупции очень актуальна в современном мире, так как она мешает полноценному развитию страны и эффективной работе органов власти. В процессе осуществления своих должностных обязанностей у муниципального служащего периодически могут возникать различные ситуации, когда определенные факты влияют на его объективность и приводят к противоречию между его собственными интересами и интересами общества и государства.

Если говорить о причинах возникновения конфликта интересов, то можно отметить то, что нет строго определенного перечня действий или ситуаций, которые приводят к этому. К одним из причин относят нарушение принципов муниципальной службы, невыполнение первоочередных обязанностей муниципальным служащим, неисполнение или ненадлежащее исполнение им своих должностных инструкций, несоблюдение прав и законных интересов граждан, общества и государства, а также действующего законодательства, дисбаланс между профессиональным уровнем муниципального служащего и его должностным положением.

Как следствие конфликта интересов – это нарушение конституционных прав граждан, общества, самого государства и его субъектов, снижение уровня авторитета государства, нанесение ущерба муниципальной службе, престижу и имиджу органов местного самоуправления.

Для того чтобы избежать все эти негативные последствия, существуют различные меры для предотвращения и урегулирования конфликта интересов. Во-первых, перед поступлением на муниципальную службу каждый кандидат заполняет анкету, указывает всех своих родственников и места их работы, потому что недопустимо наличие близкого родства муниципального служащего с главой муниципального образования или с другим муниципальным служащим, если обязательна непосредственная подчиненность или подконтрольность одного из них другому. Во-вторых, проводится конкурс на замещение вакантной должности, в ходе которого оценивается профессиональный уровень каждого кандидата. В-третьих, Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» закрепляет такие обязанности муниципальных служащих, как соблюдение ограничений и уведомление в письменной форме работодателя о личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов, а также принятие мер по предотвращению подобного конфликта. Непринятие муниципальным служащим, являющимся стороной конфликта интересов, мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является правонарушением, влекущим увольнение муниципального служащего с муниципальной службы [1].

Конечно же, на одном муниципальном служащем ничего не заканчивается. После уведомления им своего работодателя о наличии личной заинтересованности, способной привести к конфликту интересов, работодатель в свою очередь обязан принять меры по предотвращению или урегулированию данной ситуации. Эти действия могут состоять в отстранении этого муниципального служащего от замещаемой им должности. Обычно отстранение осуществляется на период урегулирования конфликта интересов с сохранением за ним денежного содержания на

все время. Работодатель также несет ответственность за непринятие мер по предотвращению ставшего ему известным конфликта интересов.

Еще одним способом для предупреждения конфликта интересов является создание различных комиссий по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликтов интересов. Состав комиссии определяется муниципальным правовым актом. Например, согласно Постановлению Администрации городского округа г. Уфа Республики Башкортостан «Об утверждении Положения о комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов в Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан», в состав комиссии входят:

- а) председатель комиссии - заместитель главы Администрации ГО г. Уфа РБ;
- б) заместитель председателя комиссии, назначаемый главой Администрации ГО г. Уфа РБ из числа членов комиссии, замещающих должность муниципальной службы в Администрации ГО г. Уфа РБ;
- в) секретарь комиссии - начальник отдела координации антикоррупционной деятельности Управления кадрового обеспечения и муниципальной службы Администрации ГО г. Уфа РБ;
- г) члены комиссии - муниципальные служащие Управления кадрового обеспечения и муниципальной службы, Правового управления, других подразделений Администрации ГО г. Уфа РБ [3].

Необходимо также подчеркнуть, что в состав комиссии также входят лица, не замещающие должности муниципальной службы в Администрации ГО г. Уфа РБ. Число таких членов комиссии должно составлять не менее одной четверти от общего числа. Состав комиссии формируется так, чтобы не возникало ни малейшей возможности для возникновения конфликта интересов внутри комиссии, который мог бы повлиять на принимаемые решения.

Суть таких комиссий в том, что при наличии вопроса есть конфликт интересов в той или иной ситуации или нет, в комиссию поступают представления о проверке материалов о несоблюдении муниципальным служащим требований об урегулировании конфликта интересов. Далее назначается заседание комиссии, по итогам которого устанавливается, имело ли место быть конфликту интересов, а также соблюдал или не соблюдал муниципальный служащий требования о регулировании такого конфликта.

Подводя итоги всему выше сказанному, хочется отметить то, что в настоящее время существует множество различных мер регулирования и предотвращения конфликта интересов на муниципальной службе. Однако это все еще остается актуальной проблемой современности. Поэтому, на наш взгляд, стоит ввести дополнительные меры для предупреждения конфликта интересов:

1. на этапе приема кандидата на муниципальную службу проводить с ним беседы на коррупционные темы, давать ему теоретические задачи с определенными условиями и смотреть, какой выход он будет искать из сложившейся ситуации;
2. совершенствовать связи подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений и кадровых служб;
3. проводить различные мероприятия: семинары, конференции по антикоррупционной тематике;
4. создать различные курсы повышения квалификации муниципальных служащих;
5. добавить материальное стимулирование соблюдения муниципальными служащими запретов и ограничений, а также обязанностей;
6. создать комплекс мероприятий, которые направлены на формирование атмосферы реальности наступления ответственности за невыполнение

обязанностей по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

***

1. Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 04.12.2020).
2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 04.12.2020).
3. Постановление Администрации городского округа г. Уфа Республики Башкортостан «Об утверждении Положения о комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов в Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан» от 24 июня 2016 года № 985 [Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 04.12.2020).
4. Глазырин Т.С., Козлов Т.Л., Колосова Н.М. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование. М.: ИНФРА-М, 2016. 224 с.
5. Панкратов А.Ю., Сибгатов Л.Г., Ильдарханова-Балчиклы Г.И. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе. Предотвращение и урегулирование. Набережные Челны: Набережночелнинский государственный педагогический университет, 2016. 29 с.
6. Бурылова Л.А., Штырно М.Р. Конфликт интересов на муниципальной службе: социальный и правовой аспекты. Пермь: Вестник пермского национального исследовательского политехнического университета, 2018. № 5. С. 68-76.

Бердиус М.А., Кириенко К.Н.

Защита деловой репутации юридических лиц в арбитражном процессе

*Кубанский Государственный аграрный Университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-126

idsp: ljjournal-01-2021-126

Аннотация

В законодательстве Российской Федерации нет определения понятия «деловая репутация», однако оно часто упоминается в различных нормативно-правовых актах. Иногда несколько одинаковых понятий могут иметь противоположный смысл. В вопросах судебной практики в настоящее время также нет единообразного подхода относительно вопросов защиты деловой репутации.

Ключевые слова: деловая репутация, юридические лица, моральный вред, компенсация, возмещение.

Abstract

The legislation of the Russian Federation does not define the concept of "business reputation", but it is often mentioned in various legal acts. Sometimes several identical concepts can have the opposite meaning. In matters of judicial practice, there is also currently no uniform approach to the protection of business reputation.

Keywords: business reputation, legal entities, moral damage, compensation, compensation.

Рассмотрение вопросов, связанных с защитой деловой репутации юридических лиц следует начать с анализа положения ГК РФ, посвященных объектам гражданских прав, нематериальным благам, компенсации морального вреда, а также вопросам защиты чести, достоинства и деловой репутации. Согласно положениям ст. 150 ГК РФ, деловая репутация связана с категорией нематериальных благ. Нематериальные блага характеризуются такими признаками как не отчуждаемость и непередаваемость.[1]

Согласно положения ст. 128 ГК РФ нематериальные блага относятся к объектам гражданских прав. Положения ст. 151 ГК РФ предусматривают компенсацию

морального вреда за причинение гражданину моральных и нравственных страданий. Положения ст. 152 ГК РФ предусматривают, что положения о компенсации морального вреда и о защите чести и достоинства гражданина распространяются также и на юридических лиц.

Однако ГК РФ предусматривает ряд положений, которые ставят под сомнение вопрос о том, что деловая репутация является неотчуждаемой. Например, положения о договоре коммерческой концессии предусматривают использование исключительных прав юридического лица, а также его деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя. Договор может предусматривать максимальный и минимальный объем использования исключительных прав. Соответственно, согласно данным положениям, деловая репутация может передаваться, при чем объем использования деловой репутации устанавливается сторонами договора.[2] Положения ст. 1042 ГК РФ предусматривают, что в качестве вклада товарища в общее имущество товарищества может рассматриваться деловая репутация и деловые связи. Однако вклад каждого из товарищей подлежит денежной оценке, которая проводится по соглашению между товарищами. Денежная оценка деловой репутации противоречит положениям ст. 150 ГК РФ. Положения НК РФ в ст. 38 предусматривают определение идентичности товаров, которая основана на сравнении их физических характеристик, качества, функционального назначения, страны происхождения и производителе. Речь также идет и о деловой репутации, которая связана с определением репутации производителя. Использование товарного знака при обозначении продукции говорит о том, что деловая репутация может иметь денежную оценку, у нее есть имущественная характеристика. Примером стоимостной оценки деловой репутации является Положения по бухгалтерскому учету нематериальных активов, которые были разработаны Министерством финансов, в качестве нематериальных благ данное положение предусматривает произведения науки, литературы, искусства, программ для электронных вычислительных машин, изобретения и полезные модели. В состав нематериальных активов входит и деловая репутация, которая связана с приобретением предприятия как имущественного комплекса.[3]

Таким образом, можно говорить о двойственном характере права на деловую репутацию, поскольку во многих нормативно-правовых актах отмечается ее имущественный характер. Деловая репутация может быть объектом передачи, она связана с налогообложением, а также отражается в документах бухгалтерского учета. При этом данные положения находятся в противоречии со ст. 150 ГК РФ, которая предусматривает отнесение деловой репутации к нематериальным благам. Соответственно деловая репутация имеет нематериальный элемент, но во многом превалирует имущественный, который и определяет особенности данного института.[4]

Двойственный характер деловой репутации предусматривает и особенности способов защиты. Компенсация морального вреда, предусмотренная для физических лиц, эволюционировала в компенсацию морального вреда, который был причинен юридическому лицу. Положения п. 7 ст. 152 ГК РФ в предыдущей редакции предусматривали применение положений о компенсации морального вреда гражданину к компенсации морального вреда, причиненного юридическим лицам. Исследователи отмечали, что длительное время в АПК РФ отсутствовали положения, позволяющие рассматривать споры о защите деловой репутации с участием юридических лиц. Данную категорию дел рассматривали районные суды, которые назначали компенсацию морального вреда юридическим лицам. Однако у арбитражного суда была противоположная точка зрения, согласно которой, юридические лица не могут испытывать страдания и получать моральные травмы. Данная ситуация кардинально изменилась после принятия Конституционным Судом РФ в 2003 году определения № 508-О, которым было отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.А. Шлафмана.[5] В жалобе заявитель оспаривал положения п. 7 ст. 152 ГК РФ, которая

говорит о применимости положений о компенсации морального вреда к юридическим лицам. Конституционный Суд отметил, что положения о защите деловой репутации гражданина применяются к защите деловой репутации юридического лица, которая определяется на основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».[6]

В указанном постановлении Конституционный Суд предлагает вместо понятия «моральный вред» использовать понятия «нематериальный вред». Данное понятие по своему содержанию имеет отличия от понятия «моральный вред», которое связано с характером противоправных действий, а также с нарушением норм права.

В обоснование своей позиции Конституционный Суд РФ обратил внимание на положения Конституции, а также на практику Европейского суда по правам человека. Речь шла о праве юридических лиц на компенсацию ущерба, причиненного деловой репутации. В одном из решений Европейского Суда по правам человека от 6 апреля 2000 г. «Компания Комингерсол С.А. против Португалии» указал, что суд не должен лишать юридических лиц права на получение компенсации за понесенные нематериальные убытки, которые связаны с субъективными требованиями. Среди таких требований речь, в том числе идет и о репутации компании. Суды Российской Федерации на основании положений приведенных актов стали принимать решения в пользу юридических лиц, взыскивая суммы причиненного ущерба. Однако на практике не было единого подхода относительно единообразного использования терминов «моральный вред», репутационный вред», «вред, причиненный деловой репутации». При этом относительно данных понятий не проводились различия. Ясность в данный вопрос удалось внести благодаря отдельным постановлениям Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. В одном из Постановлений от 23 ноября 2010 г. № 6763/10 было указано, что компенсация нематериального вреда – это особый публично-правовой способ исполнения государством обязанности возмещения вреда, который был причинен незаконными действиями органов государственной власти и органов местного самоуправления.[7]

В Постановлении от 17 июля 2012 г. № 17528/11 было предусмотрено, что юридическое лицо, чье право на деловую репутацию нарушено действиями, связанными с распространением сведений, которые порочат деловую репутацию, имеет право требовать возмещения нематериального вреда, если будут доказаны общие условия деликтной ответственности. К таким условиям относятся наличие противоправного деяния, наступление неблагоприятных последствий, наличие причинно-следственной связи. Исключением является отсутствие необходимости доказывать вину ответчика, поскольку на основании действующей редакции ГК РФ, вина не относится к обязательным условиям ответственности за вред, который был причинен распространением сведений, порочащих деловую репутацию. Чтобы доказать наступление неблагоприятных последствий в виде причинения морального вреда деловой репутации, необходимо установить факт наличия деловой репутации, а также факт утраты доверия к репутации. Факт утраты доверия к репутации может быть связан с сокращением числа клиентов, а также утратой конкурентоспособности. Президиум Высшего арбитражного суда при этом исходит из понимания двойственного характера деловой репутации.

После принятия поправок к ГК в 2013 году, положения статьи 152 ГК РФ больше не содержали право на компенсацию морального вреда юридическим лицам, однако некоторые суды продолжили выносить решения о взыскании компенсации репутационного (морального вреда). Однако находились и противоположные решения.

Например, Постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 ноября 2014 г. по делу № А07-081/2014 указано, что положения ст. 152 о компенсации морального вреда распространяются и на юридические лица.

Конституционный Суд поддерживает позицию о возможности взыскания вреда, причиненного репутации юридического лица. Соответственно, компенсации подлежит нематериальный вред, причиненный репутации действиями или бездействиями, связанными с нарушением неимущественных прав юридического лица. Верховный Суд РФ провел анализ судебной практики за 2010- 2015 гг. по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации и в 2016 году утвердил Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Данный Обзор включал в себя 20 пунктов разъяснений, однако в нем не был разъяснен вопрос о компенсации морального вреда юридическим лицам, а также не был рассмотрен вопрос о соотношении морального и репутационного (нематериального) вреда.[8]

Как субъекты предпринимательской деятельности юридические лица и индивидуальные предприниматели имеют право защищать свою деловую репутацию, требуя опровержения сведений, которые порочат их репутацию, а также требовать возмещение убытков за распространение таких сведений. Несмотря на сходство понятий «компенсация морального вреда» и «компенсация нематериального вреда» они неравнозначны, поскольку имеют разные основания и связаны с выполнением различных функций. Запрет на компенсацию морального вреда юридическим лицам не связан с запретом на компенсацию нематериального вреда. Многие авторы высказываются о необходимости закрепления на законодательном уровне института нематериального (репутационного) вреда, который причиняется юридическим лицам, а также закрепить четкие правила применения положений такого института, в частности, о необходимости изменения названия ст. 151 ГК РФ на «Компенсация морального и репутационного вреда», а также дополнение ее положением о компенсации репутационного вреда юридическому лицу.[9]

Надо отметить, что с некоторого времени известен и такой способ возмещения репутационного вреда как возмещение причиненных убытков. Ранее положения главы 59 ГК РФ, связанные с компенсацией репутационного вреда, предусматривали обязанность юридического лица доказывать точный размер причиненного вреда. В 2015 году после внесения изменений в ст. 393 ГК РФ, связанных с запретом суду отказать в требованиях о возмещении убытков на том основании, что их размер не определен. Верховный Суд РФ в своем Обзоре разъяснил данное положение, указав, что в удовлетворении требований о возмещении убытков не может быть отказано на основании отсутствия определения точного размера убытков. При этом суд также должен учитывать, к каким последствиям могло привести такое нарушение.

Таким образом, возмещение убытков на новых условиях может со временем заменить институт взыскания репутационного вреда. Однако во многом определяющим в данном вопросе могут стать позиции Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, без их мнения решение данного вопроса нельзя считать закрытым.

***

1. Гринь Е.А. Процедура медиации в спорах, связанных с интеллектуальной собственностью: проблемы и перспективы. // Аграрное и земельное право. 2019. № 8 (176). С. 106-107
2. Бичерова А.Д. Защита деловой репутации юридического лица в сети Интернет: проблемы правового регулирования // Юстиция. 2018. № 3. С. 15 - 21.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 ГК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2004.
4. Еременко В.И. Вопросы защиты деловой репутации юридических лиц // Адвокат. 2017. № 2. С. 9 - 17.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации

- Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2004.
6. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) // Российская газета. № 29. 08.02.1995.
  7. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.11.2010 № 6763/10 по делу № А53-6358/08 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.
  8. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 10, 2016.
  9. Алексеев А.П. Защита деловой репутации коммерческого корпоративного юридического лица // Судья. 2018. № 10. С. 28 - 31.

Бобровникова А.В.

Роль таможенных органов в борьбе с незаконным оборотом наркотиков

*ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
(Россия, Оренбург)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-127

idsp: ljjournal-01-2021-127

*Научный руководитель
Баглай Ю.В.*

Аннотация

В статье исследуются действия таможенных органов, которые в свою очередь направлены на предупреждение и выявление контрабанды наркотических средств и психотропных веществ в рамках осуществления таможенного контроля.

Ключевые слова: таможня, должностные лица, наркотики, оборот, противодействие преступности

Abstract

The article examines the actions of customs authorities, which in turn are aimed at preventing and detecting the smuggling of narcotic drugs and psychotropic substances within the framework of customs control.

Keywords: customs, officials, drugs, trafficking, crime prevention

В настоящее время весьма остро стоит проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вероятно, в России нет регионов, которые не связаны с оборотом наркотиков. Благодаря своему географическому положению наша страна находится в центре борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Масштабы массового потребления наркотиков среди населения настолько велики, что представляют реальную угрозу экономической безопасности страны. Преступность, связанная с наркотиками, является движущей силой в преступных кругах и хорошей средой для террористов и других групп, которые опасны для общества.

Незаконный оборот наркотических средств в разное время становился предметом исследования многих ученых. Среди них можно отметить работы Иванов М.К., Исиченко А.П., Прокументов Л.М., Шеслер А.В. и других.

Противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров посвящена Глава VI ФЗ от 8 января 1998г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [3].

Российские таможенные органы лучше осведомлены о масштабах и степени риска незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, чем кто-либо другой. В 1989 году в таможенных органах было создано специальное подразделение по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. За последние 10 лет

российские таможенники изъяли невероятное количество наркотических средств и психотропных веществ. На данный момент можно с уверенностью сказать, что на российском рынке наркотиков сформировалась целая отрасль, в которой одной из основных составляющих является система незаконной доставки товаров на свою территорию.

Федеральная таможенная служба России принимает меры по усилению безопасности государственных границ. Важной частью этой работы является предоставление таможенным органам ресурсов и средств, необходимых для борьбы с незаконным оборотом наркотиков, оснащение таможенных органов, создание информационной системы, соответствующей всем современным высоким технологиям, и обеспечение таможенных органов новейшими системами досмотра.

Так же следует отметить, о том, что на сайте Федеральной таможенной службы указываются результаты правоохранительной деятельности в период с мая по октябрь 2020 года таможенными органами во взаимодействии с МВД России проводится межведомственная комплексная оперативно-профилактическая операция «Мак-2020», направленная на выявление и уничтожение незаконных посевов наркосодержащих культур, задержание и изобличение изготовителей, перевозчиков и сбытчиков наркотиков [4].

В первом полугодии 2020 года таможенными органами Российской Федерации в ходе таможенного контроля лиц, транспортных средств и грузов, следующих через государственную границу Российской Федерации, а также оперативно-розыскных мероприятий выявлен 721 факт незаконного перемещения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и сильнодействующих веществ, из незаконного оборота изъято 7865,817 кг. По выявленным фактам контрабанды наркотиков таможенными органами возбуждено 313 уголовных дел, в том числе по статье 229.1 УК РФ возбуждено 109 уголовных дел, по статье 226.1 УК РФ возбуждено 204 уголовных дела [4].

Стоит добавить, что в целях предотвращения незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ, а также выявления лиц, причастных к такой перевозке, пограничные таможенные органы применяют метод контролируемой доставки, т.е. разрешить ввоз в Российскую Федерацию в каждом случае в соответствии с соглашениями с таможенными и иными правоохранительными органами иностранного государства или в соответствии с международными договорами Российской Федерации, вывоз наркотических средств и психотропных веществ из Российской Федерации или транзит через ее таможенную территорию.

Контролируемая доставка наркотических средств через таможенную границу – это оперативно-розыскная деятельность, которая позволяет с разрешения и под контролем оперативных органов осуществлять ввоз на таможенную территорию Российской Федерации, вывоз с этой территории или перемещение по этой территории ввезенных наркотических средств.

Контролируемые поставки делятся на три основных типа :

- 1 национальный (проводится на территории Российской Федерации);
- 2 внешние (осуществляются в соответствии с международными договорами и соглашениями, установленными на территории иностранных государств);
- 3 транзит (осуществляется в отношении объектов, пересекающих территорию Российской Федерации по инициативе правоохранительных органов иностранных или международных государств, правоохранительных организаций).

Учитывая то, что таможенные органы приносят огромный вклад по борьбе с контрабандой наркотических веществ и вышеуказанный метод достаточно эффективен, так же стоит рассмотреть иные способы по противодействию распространения наркотических препаратов и психотропных веществ в Российской Федерации.

Чтобы искоренить торговлю наркотиками, стоит более тщательно рассмотреть главу 15.1 уголовного кодекса Российской Федерации, точнее, предусматривающий конфискацию имущества за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ. Для максимальной эффективности борьбы с контрабандой наркотиков важна координация и сотрудничество Федеральной таможенной службы и Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, подготовка специалистов по борьбе с преступностью в этой области.

Необходимо также укрепить международные отношения в области борьбы с торговлей наркотическими веществами и психотропными веществами, так как это явление представляет угрозу для всего мирового сообщества. В соответствии можно выстроить мероприятия таможенных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотических веществ и психотропных веществ. Первое направление – осуществление общих мер в рамках таможенного контроля по предупреждению, выявлению и прекращению незаконного провоза наркотических средств и психотропных веществ через таможенную границу, их задержанию и изъятию. В местах, где проводятся таможенные проверки, часто обнаруживаются попытки тайно или мошеннически переправить наркотики через таможенную границу. Участие в борьбе с контрабандой наркотических средств и психотропных веществ в этом случае не принимается таможенниками, осуществляющими таможенный контроль. При этом раскрытие и задержание контрабанды наркотиков является результатом тщательного и скрупулезного осмотра перемещенных товаров и транспортных средств или тщательного изучения документов, поданных на таможенное оформление.

***

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.12.2020)
2. Федеральный закон "О таможенном регулировании в Российской Федерации" [Электронный ресурс]: от 27.11.2010 N 311-ФЗ (последняя редакция) - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107181/ (дата обращения: 07.12.2020)
3. Федеральный закон "О наркотических средствах и психотропных веществах" [Электронный ресурс]: от 08.01.1998 N 3-ФЗ (последняя редакция) - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 07.12.2020)
4. Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-por-bor-be-s-kontrabandoj/document/244209>
5. Иванов М.К. Совершенствование деятельности таможенной службы России на современном этапе: Автореф. дисс. канд. социолог. наук. М., 2009, 22 с.
6. Исиченко А.П. Оперативно-розыскная криминология: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2001, 69 с.
7. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: Учеб. пособие. Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1997, 256 с.

Бондаренко В.Г.

Проблемы доказывания в арбитражном процессе

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

(Россия, Краснодар)

doi: 10.18411/lj-01-2021-128

idsp: ljjournal-01-2021-128

Аннотация

В связи с развитием и совершенствованием системы арбитражного судопроизводства Российской Федерации одним из наиболее важных этапов является развитие принципа состязательности в арбитражном процессе. Ключевой фигурой в

создании эффективного механизма применения принципа состязательности выступает институт доказывания, который является неотъемлемой частью процесса на любом его этапе. Именно правильно и своевременно представленные доказательства способствуют принятию законного, обоснованного и справедливого решения. Важным моментом здесь является всестороннее и полное исследование судом представленных субъектами арбитражного процесса доказательств, что в последующем выступает твердой основой при принятии того или иного решения. К сожалению, в настоящее время нередки случаи, когда одна из сторон арбитражного процесса пренебрегает принципом состязательности; предоставляет суду доказательства, собранные с нарушением закона; не предоставляет суду такого необходимого количества доказательств, достаточного для вынесения решения и др. В настоящей статье исследуются актуальные на сегодняшний день проблемы системы доказывания в арбитражном процессе, а также предлагаются их пути решения.

Ключевые слова: доказательства, бремя доказывания, арбитражный процесс, состязательность.

Abstract

In connection with the development and improvement of the system of arbitration proceedings in the Russian Federation, one of the most important stages is the development of the adversarial principle in the arbitration process. The key figure in creating an effective mechanism for applying the adversarial principle is the institution of proof, which is an integral part of the process at any stage. It is the correct and timely presented evidence that contributes to the adoption of a legal, reasonable and fair decision. An important point here is a comprehensive and complete study by the court of the evidence presented by the subjects of the arbitration process, which subsequently serves as a solid basis for making this or that decision. Unfortunately, it is not uncommon today that one of the parties to the arbitration process neglects the adversarial principle; provides the court with evidence collected in violation of the law; does not provide the court with such a necessary amount of evidence sufficient to make a decision, etc. This article examines the current problems of the system of evidence in the arbitration process, and also suggests their solutions.

Keywords: proof, burden of proof, arbitration process, competitiveness.

Сложившаяся судебная и правоприменительная практика показывает, что для вынесения законного, обоснованного и справедливого решения по окончании любого судопроизводства, суд должен всесторонне и в полной мере исследовать представленные процессуальными сторонами доказательства.

Институт доказывания и доказательств в арбитражном процессе имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как правильное его применение влияет на исход рассматриваемого дела по существу.

Процессу судебного доказывания в научной литературе посвящены многочисленные учебники, монографии, различные публикации, статьи.

Так, например, известный юрист начала 20 века Е.В. Васьковский в своих научных трудах отмечает, что помимо внутреннего убеждения судьи, он должен, в первую очередь, руководствоваться теми доказательствами, которые предоставили процессуальные стороны. Автор считает, что, даже принимая исковое заявление, судебный орган не может доверять истцу без наличия соответствующих доказательств, подтверждающих обоснование его доводов, изложенных в заявлении.

Таким образом, Е.В. Васьковский под доказыванием в арбитражном процессе понимает закрепление судебными органами достоверности утверждений сторон в установленной законом форме.

Немного иначе считает известный специалист по гражданскому и арбитражному процессу Решетникова И.В. Под доказыванием она понимает сложный механизм, который включает в себя не только процессуальную деятельность субъектов доказывания, но и мыслительную, так как важное значение имеет не только собирание доказательств, но и его обоснование, а также отнесение к конкретному спору.

Несмотря на развитие и совершенствование процессуальной реформы в сфере арбитражного судопроизводства, на практике зачастую возникают проблемы, которые необходимо регулировать на законодательном уровне нашего государства.

Согласно нормам АПК РФ доказательствами признаются достоверные сведения о тех или иных фактах, которые получены в соответствии с требованиями действующего арбитражного законодательства, и на основании которых суд может сделать вывод об их признании или исключении из дела. Важным моментом в данном процессе является факт того, подтверждают ли данные сведения представленные суду требования сторон или нет, а также имеют ли они значение для дела.

Отметим, что, говоря о признанном юридической литературой принципе состязательности, арбитражное процессуальное законодательство нашего государства закрепляет право участников процесса на ознакомление собранных по делу доказательств своего оппонента. Данное право носит двойственный характер, так как параллельно оно является еще и обязанностью сторон. Выражается это в обязанности раскрыть свои доказательства перед другими участниками арбитражного судопроизводства в установленные законом сроки.

Важно подчеркнуть, что арбитражный суд как единственный орган государственной власти, осуществляющий правосудие, в соответствии с АПК РФ не наделен властными полномочиями по осуществлению сбора и предоставления доказательств по своей инициативе.

На мой взгляд, сказанное выше является законодательным пробелом, ведь такое полномочие судебного органа закреплено лишь косвенно. Так, арбитражный суд, осуществляя предписанные действующим законодательством полномочия, вправе лишь предложить сторонам процесса предоставить дополнительные доказательства в случае, если для разрешения конкретного дела и вынесения обоснованного решения не будет в полной мере раскрываться элемент достаточности доказательственной базы, что, в свою очередь, является нарушением закона.

Таким образом, обращая внимание на теоретическую и практическую составляющую рассматриваемого института доказывания, можно сделать вывод, что бремя доказывания в полной мере возлагается на стороны арбитражного судопроизводства.

Решение по делу выносится арбитражным судом на основании тех доказательств, которые были представлены сторонами процесса.

Для принятия того или иного доказательства суд и его аппарат проверяет каждое доказательство с точки зрения закрепленных законом критериев: относимости, допустимости, достоверности и достаточности. В случае, если какое-либо из доказательств было собрано с нарушением данных критериев, арбитражный суд должен отказать в его принятии и приобщении к материалам рассматриваемого дела. На основании таких доказательств не может строиться аргументированное решение.

По моему мнению, рассматриваемые выше положения являются законодательным пробелом, требующим соответствующего разрешения. В связи с этим, необходимо урегулировать данный пробел путем внесения изменений в части полномочий суда по формированию доказательственной базы для разрешения дела по существу и вынесения законного, обоснованного и справедливого решения.

Считаю целесообразным закрепить в АПК РФ полномочие арбитражного суда по дополнению рассматриваемого дела необходимыми доказательствами в случае, если это имеет существенное значение для разрешения того или иного спора.

***

1. Гринь Е.А. Принудительное прекращение прав на земельные участки: теория и практика правового регулирования. Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 203 с;
2. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016;
3. Арбитражный процесс. Практикум. Учебно-методическое пособие / под ред. Воронова А. Ф. М.: Городец, 2018. 256 с.;
4. Решетникова И.В. Размышления о судопроизводстве: Избранное / И.В. Решетникова. - Москва: Статут, 2019. - 510 с.

Бялт В.С., Чимаров С.Ю.

Институт защиты прав осужденных в Российской Федерации

*Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-129

idsp: ljjournal-01-2021-129

Аннотация

В статье авторы исследуют вопросы, касающиеся защиты прав осужденных в аспекте дальнейшего построения в Российской Федерации правового государства. Рассматривая особенности функционирования административно-правового механизма защита прав осужденных с позиции совершенствования нормативной правовой базы и правоприменительной практики в данной области, авторы формулируют и обосновывают ряд выводов по указанной проблематике.

Ключевые слова: правовой статус личности; права осужденных; правовое государство; защита прав личности.

Abstract

In the article, the authors explore issues related to the protection of the rights of convicts in the aspect of further building the rule of law in the Russian Federation. Considering the features of the functioning of the administrative and legal mechanism for the protection of the rights of convicts from the point of view of improving the regulatory framework and law enforcement practice in this area, the authors formulate and justify a number of conclusions on this issue.

Keywords: legal status of the individual; rights of convicts; legal state; protection of individual rights.

Исследование вопросов, связанных с защитой прав личности, было, есть и, безусловно, будет одной из самых важнейших проблем теоретико-правовой науки. Проблема прав личности имеет многоплановый, универсальный характер не только для отдельных государств, но и для всего мирового сообщества в целом. Одним из существенных аспектов рассмотрения данной проблемы является анализ института защиты прав осужденных. В научной литературе указанным вопросам уделяется серьезное внимание [6; 8; 9; 10]. Развитие и совершенствование института защит прав осужденных в государстве является, несомненно, одним из обязательных условий развития гражданского общества в нем и становления государства как правового. Сообразно с этим, можно констатировать, что вопросы, посвященные рассмотрению и анализу защиты прав осужденных, являются весьма актуальными.

Мировым сообществом в XX веке уделялось серьезное внимание формированию нормативной правовой базы, регулирующей отношения в области защиты прав осужденных. Был принят ряд международных нормативных правовых актов с общей тенденцией повышения уровня защищенности прав осужденных [1; 2; 3; 4; 5].

В Российской Федерации на сегодняшний день основными нормативными правовыми актами в сфере защиты прав осужденных являются:

- Закон РФ от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;
- Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 года № 1-ФЗ;
- Приказ Минюста России от 30 декабря 2005 года № 259 «Об утверждении Положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний»;
- Приказ Минюста России от 30 декабря 2005 года № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы».

Статья 38 обозначенного закона регулирует вопросы контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы. В ней в частности содержится перечень должностных лиц, имеющих право посещать учреждения, исполняющие наказания, и следственные изоляторы без специального разрешения в целях защиты прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Глава 2 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации закрепляет основные права осужденных. В пункте 2 Положения об отряде осужденных исправительного учреждения, утвержденного приказом Минюста России № 259, перечисляются задачи отряда, связанные с обеспечением некоторых прав осужденных, а также задачи, связанные с созданием условий для реализации некоторых прав осужденных. Раздел IV Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы, утвержденного приказом Минюста № 262, содержит перечень прав и обязанностей сотрудников группы социальной защиты осужденных, который направлен на создание условий для более полной реализации осужденными своих прав.

Таким образом, анализ вышеприведенных нормативных правовых актов позволяет утверждать, что Российская Федерация на современном этапе формирования и совершенствования института прав личности в государстве имеет правовую базу, закрепляющую права осужденных и механизм контроля за их соблюдением.

Тем не менее, следует отметить, что наличие в национальном законодательстве определенных правовых норм, удостоверяющих права осужденных, является, бесспорно, важнейшим элементом системы защиты их прав, однако не всегда эффективна практика реализации данных норм [7, с. 24]. В соответствии с этим считаем целесообразным в рамках совершенствования правоприменительной практики в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, разработать и внедрить комплекс организационно-правовых мероприятий, который позволил бы повысить эффективность защиты и реализации закрепленных в законодательстве прав осужденных.

Все вышесказанное позволяет сформулировать следующие выводы:

- 1) исследование стандартов защиты прав осужденных занимает одно из важнейших мест в теоретико-правовой науке с точки зрения комплексного анализа института прав личности;
- 2) на наш взгляд эволюция представлений о стандартах защиты прав осужденных обусловлена реализацией принципа гуманизма в отношении осужденных, улучшением условий их содержания и совершенствованием общественного и государственного

административно-правового механизма контроля за соблюдением прав осужденных;

- 3) по нашему мнению институт защиты прав осужденных в Российской Федерации нуждается в дальнейшем всестороннем анализе и совершенствовании.

***

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 года).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 год).
3. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 года, одобрены Экономическим и Социальным Советом на 994-ом пленарном заседании 31 июля 1957 года).
4. Процедуры эффективного выполнения минимальных стандартных правил, касающихся обращения с заключенными (Резолюция Экономического и Социального Совета ООН 1984/47 от 25 мая 1984 года).
5. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утвержден Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 года).
6. Бакулина Л. В. Правовой статус и обеспечение личных и социально-экономических прав осужденных к лишению свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000.
7. Белик В. Н. Обеспечение правовой защиты осужденных к лишению свободы: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2015.
8. Галицкова И. Ю. Защита прав несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012.
9. Губарев Н. В. Реализация прав осужденных к лишению свободы в процессе отбывания наказания в исправительных колониях в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
10. Кашоида В. В. Проблемы регулирования и реализации прав осужденных при исполнении наказания в виде лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.

Бялт В.С., Тальянин В.В.

Институт толкования права: понятие и сущность

*Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-130

idsp: ljournal-01-2021-130

Аннотация

Статья посвящена исследованию понятия и сущности толкования права как одного из важнейших правовых институтов. Авторы, анализируя существующие подходы ученых правоведов к определению толкования права, обобщают их мнения, а также формулируют и обосновывают собственные выводы касательно рассматриваемых вопросов.

Ключевые слова: интерпретация; герменевтика; толкование; уяснение; разъяснение.

Abstract

The article is devoted to the study of the concept and essence of the interpretation of law as one of the most important legal institutions. The authors analyze the existing approaches of legal scholars to determining the interpretation of law, summarize their opinions, and formulate and justify their own conclusions regarding the issues under consideration.

Keywords: interpretation; hermeneutics; interpretation; elucidation; explanation.

Исследование вопросов, касающихся толкования правовых предписаний, является особенно интересным и актуальным, поскольку от того насколько правильно и полно субъекты правоотношений понимают смысл правовых норм, заложенный законодателем, зависит в конечном итоге эффективность правового регулирования отношений в обществе. Особенно это важно в процессе применения норм права должностными лицами государственных органов, призванных реализовывать различные функции государства. Не случайно Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркивает важность повышения качества оказываемых государственными служащими услуг населению, которые непосредственно обусловлены точным уяснением государственными служащими смысла правовых предписаний, регламентирующих их правовой статус [1]. Это в свою очередь позволяет утверждать, что рассмотрение понятия и сущности толкования права как одного из важнейших правовых институтов, являются весьма актуальным.

В научной литературе встречаются различные подходы к пониманию толкования права. А.Ф. Черданцев указывает, что под толкованием права понимается, во-первых, определенный мыслительный процесс, направленный на установление смысла (содержания) нормы права; во-вторых – результат указанного мыслительного процесса, выраженный в совокупности суждений (грамматических предложений), в которых раскрывается содержание толкуемых норм [9, с. 264]. С точки зрения М. Н. Марченко толкование представляет собой особый вид деятельности государственных органов, должностных лиц, граждан и их объединений, направленной на раскрытие смыслового содержания правовых норм и на выявление содержащейся в них государственной воли [4, с. 614]. В. С. Нерсисянц считает, что толкование нормы права – это уяснение и разъяснение ее подлинного содержания, подлежащего реализации в данных конкретных условиях ее действия [6, с. 495]. Н. И. Матузов подчеркивает, что толкование бывает уяснительным и разъяснительным. При толковании-уяснении норма права толкуется субъектом для себя; при толковании-разъяснении толкование осуществляется не только для себя, но и для других [5, с. 342-343]. С. А. Комаров определяет толкование норм права как деятельность по выявлению воли законодателя, выраженной в правовой норме [3, с. 271]. В. К. Бабаев полагает, что толкование норм права – это процесс, который имеет место, когда необходимо установить смысл нормативных установлений. По его мнению, данный процесс протекает в основном в сознании человека в виде различных внутренних интеллектуально-волевых операций (уяснение требований норм), которые находят выражение вовне (разъяснение) в виде интерпретационного акта, юридического совета [8, с. 572].

На наш взгляд представляется вполне обоснованным и целесообразным, с точки зрения оптимального раскрытия сущности и содержания понятия «толкование права», согласиться с мнением Р. А. Ромашова, который утверждает, что толкование (интерпретация) права – это сложный волевой процесс, направленный на установление точного смысла предписаний правовых норм, заложенного правотворческим органом и доведение необходимой информации до сведения заинтересованных лиц [7, с. 193].

Толкование права, таким образом, включает в себя два этапа:

- уяснение – процесс осознания смысла и содержания нормы права «для себя»;
- разъяснение – процесс доведения смысла и содержания нормы права «до других» [2, с. 72].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно констатировать следующее:

- рассмотрения института толкование права имеет существенное значение с точки зрения систематизации теоретико-правовых знаний в данной области;

- юридическая наука выделяет различные подходы к определению понятия «толкование права»;
- с нашей точки зрения для раскрытия сущности понятия «толкование права» уместно использовать системно-структурный подход к пониманию государственно-правовых явлений, позволяющий описать процесс толкования права через анализ двух его этапов: уяснение и разъяснение.

***

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 года // Российская газета, 2020, 16 января.
2. Бялт В. С. Теория государства и права: Учебное пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020.
3. Комаров С. А. Общая теория государства и права: Учебник, 6-е изд. дополн. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2001.
4. Марченко М. Н. Теория государства и права: Учебник. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник, 6-е изд., испр. и доп. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
6. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: Учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018.
7. Ромашов Р. А. Теория государства и права. – СПб.: Питер, 2009.
8. Теория государства и права: Учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019.
9. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 1999.

Гаврик А.Е.

К вопросу о переводе земель из одной категории в другую в Российской Федерации

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-131

idsp: ljjournal-01-2021-131

Аннотация

В настоящей статье автором были рассмотрены основные проблемные вопросы, которые возникают в рамках реализации процедуры изменения категории земли. Автор выделил определенный спектр пробелов в законодательстве Российской Федерации и предложил определенные пути решения.

Ключевые слова: категория земли, земельные правоотношения, законодательство, институт перевода земель, границы земель, правовое регулирование, земельные участки.

Abstract

In this article, the author considered the main problematic issues that arise in the framework of the implementation of the procedure for changing the category of land. The author identified a certain range of gaps in the legislation of the Russian Federation and proposed certain solutions.

Keywords: land category, land legal relations, legislation, land transfer institution, land boundaries, legal regulation, land plots.

В настоящее время в связи с постоянно увеличивающимся уровнем оборотоспособности земли и земельных участков, а также с изменением типа осуществляемой хозяйственной или иной деятельности либо расширением границ земельных участков, возникает потребность в изменении их категорий.

Основания и порядок перевода земель из одной категории в другую, нашли свое отражение в Федеральном законе «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую». Между тем, в данном акте существует ряд пробелов и неточностей, которые приводят к разногласиям в правоприменительной практике.

На данный момент абсолютно каждый земельный участок имеет свою категорию по целевому назначению. Однако ситуация меняется в силу различных обстоятельств, например, строительство населенных пунктов, промышленных поселков и расширение их границ, строительство дорог и коммуникаций. Поэтому необходимы некоторые изменения правового режима в уже существующих категориях земель [2].

Реализация этих потребностей осуществима только благодаря эффективно-работающему механизму с четко проработанными правовыми инструментами по переводу земель из одной категории в другую [4].

Данный институт призван выполнять множество функций, таких как регулирование оснований и процедур передачи категорий земель. Если институт перевода земли из одной категории в другую не будет эффективно работать, то данная неурегулированность в земельных правоотношениях может привести к нерешенным проблемам, например, субъекты земельных правоотношений, которые владеют землей, не смогут полноценно использовать ее в общественных целях и извлекать общественные блага [3]. В связи с этим хотелось бы раскрыть проблемы перевода земель из одной категории в другую с теоретической и практической стороны, которые на сегодняшний день существуют и весьма актуальны в Российской Федерации.

В качестве основных и наиболее важных проблем были выделены следующие:

1. Проблема, связанная с необходимым пакетом документов, прилагаемых к ходатайству о переводе земель. Пункт 2 статьи 2 вышеназванного Федерального Закона устанавливает, что состав документов самостоятельно определяют органы государственной власти субъектов Российской Федерации в отношении земель сельскохозяйственного назначения, в отношении других категорий земель данное полномочие предоставляется Правительством РФ соответствующему федеральному органу исполнительной власти. Однако пункт 4 этой же статьи предусматривает закрытый перечень документов, которые следует прилагать к ходатайству о переводе земель.

2. Проблема использования нефиксированных юридических понятий, таких как: «ненадлежащее лицо», «заинтересованное лицо», «правообладатель», которые могут трактоваться и соответственно применяться по-разному в различных регионах России. Это обстоятельство дает возможность государственным органам, непосредственно участвующим в процедуре передачи земли и земельных участков, толковать эти понятия по-своему, что порой приводит к нарушению такого конституционного принципа, как равноправие [1].

3. Проблема перевода земель сельскохозяйственного назначения. В соответствии со статьей 77 Земельного Кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ), земли сельскохозяйственного назначения подразделяются на сельскохозяйственные и несельскохозяйственные угодья. Однако Федеральным законом «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» предусмотрены только случаи перевода земель сельскохозяйственных угодий, а переводы иных земель сельскохозяйственного назначения остаются неурегулированными, нуждаются в доработке.

4. В качестве еще одной проблемы можно выделить пробел, связанный с основаниями отказа о переводе земель. В частности, в статье 2 Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» закреплено, что для осуществления перевода земель необходимо согласие правообладателя. Однако в перечне оснований для отказа, который установлен в статье 4 данного закона несогласие правообладателя законодателем не упоминается.

Анализ существующей практики разрешения земельных споров и специфики правового регулирования земельных сделок показывает, что землевладельцы и землепользователи, арендаторы сталкиваются с серьезными проблемами в сфере земельных правоотношений, а также непосредственно при осуществлении своих прав на землю или их охране [5]. Такая ситуация обусловлена тем, что в настоящее время, помимо ЗК РФ, земельные отношения регулируются большим количеством федеральных законов. Ситуация часто усугубляется наличием пробелов и противоречий в действующем земельном законодательстве, которые являются катализатором возникновения новых проблем.

Таким образом, обобщая все вышесказанное можно сделать вывод о том, что институт перевода земель из одной категории в другую не урегулирован в полной мере и это приводит к проблемам в правоприменительной практике. Считаем, что Федеральный закон «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» должен быть дополнен некоторыми положениями, которые смогут внести ясности в конкретные вопросы и устранить пробелы в законодательстве Российской Федерации.

***

1. Липски С.А. Правовое регулирование отношений при проведении землеустройства: учебник. - М.: Изд-во Кнорус, 2019. – 196 с.
2. Рощина Д.С. Проблемы, возникающие при переводе земель из одной категории в другую/ Рощина Д.С. /Право и права человека Сборник студенческих статей. Отв. ред. А.В. Звонарев. – Москва, 2018. С. 572-576.
3. Колиева А.Э. Некоторые юридические коллизии доверительных отношений в договорном праве // Современная научная мысль. 2013. № 6. С. 169-175.
4. Колиева А.Э. Проблемы возмещения государством вреда, причиненного при отправлении правосудия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2009. № 1. С. 93-98.
5. Карелина, Е.М., Вилачева, М.Н. Проблемы правового регулирования земель из одной категории в другую / Е.М. Карелина, М.Н. Вилачева // Аллея науки. – 2017. – №16. – С.646.

Гарипов Д.И., Галяутдинов Р.Р.

Способы совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-132

idsp: ljjournal-01-2021-132

Аннотация

В этой статье рассматриваются способы совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа, а также проблемы уголовно-правовой оценки данного вида мошенничества, ответственность за которое в настоящее время предусмотрена несколькими статьями Уголовного кодекса РФ. Выделены типовые следственные действия для раскрытия данного преступления. Автором сделан вывод об основных проблемах расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа и предложен путь для их устранения.

Ключевые слова: мошенничество, способ совершения преступления, электронные средства платежа.

Abstract

This article discusses the ways of committing fraud using electronic means of payment, as well as the problems of criminal legal assessment of this type of fraud, the responsibility for which is currently provided for by several articles of the Criminal Code of

the RF. Typical investigative actions for solving this crime are highlighted. The author draws a conclusion about the main problems of fraud investigation with the use of electronic means of payment and suggests a way to eliminate them.

Keywords: fraud, method of committing a crime, electronic means of payment.

На сегодняшний день информационные технологии задействованы практически во всех сферах жизнедеятельности. Удобства ее применения, несомненно, упрощают и ускоряют решение задач стоящих перед нами ежедневно. Но при этом имеются и негативные последствия. Так, злоумышленники, преследуют различные противоправные цели, но в большей степени личное обогащение. Преступления, связанные с хищением денежных средств из банков и иных финансовых организаций, у физических и юридических лиц, совершаемых с использованием современных ИТТ, ответственность за которые в зависимости от способа хищения предусмотрена ст.ст. 158, 159, 159.3, 159.6 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). В связи с доступностью к информационным технологиям, которые способствуют более быстрому достижению преступной цели и широкому охвату круга потерпевших, данные преступления набирают популярность и распространение в преступном сообществе и при этом все чаще появляются новые способы и методы совершения преступлений с использованием информационных технологий.

Доказательством того, что данные преступления набирают оборот, является официальная статистика, которая показывает число таких преступлений с ежегодным увеличением. Согласно сведениям Российской газеты № 17(8071) от 28.01.2020 в 2019 году было зарегистрировано 294,4 тысяч преступлений, совершенных с использованием ИТТ и это на 68,5 % больше, чем в 2018 году 174,6 тысячи преступлений. Также, согласно ежемесячному сборнику за январь-октябрь 2020 г. Генеральной прокуратуры РФ зарегистрировано 619 296 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее - ИТТ) или в сфере компьютерной информации.

На данный момент наличные денежные средства имеют меньший спрос и в связи с этим перестают быть в центре финансового обращения. Поэтому большую популярность имеют электронные способы платежа, использование которых придает ряд преимуществ. При всех достоинствах данного способа платежа имеются и существенные недостатки. Одной из главной проблемы выступает отсутствие практической системы защиты, что делает их уязвимыми перед преступным сообществом.

В связи с увеличением роста преступлений, связанных с использованием электронных средств платежа, законодательство РФ предприняло действие по комплексному совершенствованию мер уголовно-правового характера с целью противодействия противоправной деятельности данной направленности, в результате чего ФЗ от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ» в УК РФ внесены изменения, направленные на дифференциацию ответственности за различные виды мошенничества, в том числе совершенные в сфере экономической деятельности.

Таким образом, в УК РФ появляется статья 159.3 «Мошенничество с использованием платежных карт» которая в 2018 году была отредактирована и получила более полное и конкретное наименование «Мошенничество с использованием электронных средств платежа».

В первоначальном варианте статьи имелся признак, существенно сужающий сферу ее действия. По данной статье мошеннические действия должен был совершать уполномоченный сотрудник кредитной, торговой или какой-либо другой организации. В связи со сложностью ее применения диспозиция данной нормы была в скором времени переименована. Изменение понятия «мошенничество с использованием

платежных карт» в понятие «мошенничество с использованием электронных средств платежа» конкретизировало восприятие данных терминов и стало яснее, с чем имеет дело.

Определение содержания криминалистического способа совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа возможно с учетом содержания способа в уголовном праве, понятия электронных средств платежа и порядка их использования.

Согласно п. 19 ст. 3 ФЗ от 27.06.2011 № 161 «О национальной платежной системе» под электронным средством платежа понимается средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием ИТТ, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

Средством совершения данного преступления является поддельная или принадлежащая другому лицу кредитная, расчетная, иная платежная карта. Используя названное средство для совершения мошенничества, виновный приобретает имущество, услуги и т.п. за счет принадлежащих держателю карты средств.

Существует множество способов мошенничества с электронными платежными средствами. Чаще всего они связаны с завладением информацией о карте или электронного кошелька и получением пароля или CVV-кода карты. Злоумышленники находят множество вариантов для введения граждан в заблуждение с целью завладения данными карты. Например, отправляют SMS-сообщения, якобы адресованные банком, об изменениях в системе безопасности или о блокировке карты. Затем мошенники представляются сотрудниками банка, требуя предоставить данные карты. Другим примером выступает поддельный интернет-магазин. Злоумышленниками создаются сайты с интернет-магазинами по привлекательно низким ценам, целью которого является списание денег с карты жертвы, а не продажа товара.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, злоумышленник использует не принадлежащую ему карту, расходует средства ее держателя в собственных целях и вопреки воле лица, которому эти средства принадлежат, т.е. потерпевшим выступает владелец счета.

Так, 22.05.2020 г. по делу № 1-70/2020 Сибайским городским судом Республики Башкортостан был вынесен обвинительный приговор в отношении гр. Б, который умышленно, из корыстных побуждений с целью хищения чужого имущества похитив с грудного кармана куртки Потерпевший №1 дебетовую карту №1, оформленную в ПАО «Сбербанк» на имя последнего, с единым умыслом на хищение денежных средств с использованием данного электронного средства платежа. В этот же день гр. Б, введя в заблуждение продавцов разных магазинов относительно принадлежности дебетовой картой №1, производя оплату указанной картой за продукты питания и алкогольную продукцию в нескольких магазинах через терминал безналичной оплаты. Тем самым причинив потерпевшему №1 материальный ущерб на общую сумму 5 906 рублей. Таким образом, гр. Б был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.159.3 УК РФ.

Исходя из этого, подготовка к совершению данного вида мошенничества будет выражаться в получении доступа к электронным средствам платежа любыми законными или незаконными способами.

Практическое значение криминалистического изучения мошенничества, совершенного с использованием электронных платежных систем, обусловлено необходимостью формирования новых и уточнения существующих криминалистических рекомендаций по производству отдельных следственных

действий, позволяющих совершенствовать частную методику расследования рассматриваемого вида преступления.

Достаточно часто информация о хищениях с использованием электронных средств платежа поступает в органы внутренних дел (далее - ОВД) из следующих источников: заявление о противоправном использовании платежной карты от держателя карты - 45,8 %; получение оперативно-розыскной информации (из негласных источников, в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий и пр.) - 35,7 %; сообщения банков-эмитентов, процессинговых компаний о проведении несанкционированных транзакций с использованием платежной карты - 14,6 %; сообщения торгового учреждения, других предприятий сферы обслуживания о факте получения карты с признаками подделки - 3,2 %; иные источники - 0,7 %.

Предоставляемая информация из различных источников позволяет выдвинуть оперативно-следственные версии, возникающие на начальном этапе расследования и определить дальнейшие направления первоначальных оперативно-розыскных и следственных действий.

Большую часть преступлений связанных с использованием электронных средств платежа выявляют сотрудники оперативного подразделения «К» бюро специальных технических мероприятий, подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции ОВД, а также службами безопасности коммерческих структур – участников оборота платежных карт.

Для раскрытия данных преступлений после возбуждения уголовного дела необходимо производить следующие типовые следственные действия: осмотр места происшествия; допрос подозреваемого; обыск по месту жительства и работы подозреваемого; осмотр изъятых у подозреваемого платежных карт и иных вещественных доказательств, относящихся к расследуемому событию; допрос законного держателя платежной карты; выемка подлинной платежной карты у ее законного держателя и ее осмотр; допрос лиц – очевидцев фактов изготовления или сбыта поддельных электронных инструментов, среди которых могут быть как сослуживцы подозреваемого по месту работы, так и руководители производств, если изготовление подделок осуществлялось с использованием оборудования и материалов, принадлежащих конкретному предприятию или фирме; допрос соседей и знакомых подозреваемого; предъявление подозреваемого для опознания; назначение необходимых судебных экспертиз.

При совершении следственных действий осуществляются оперативно-розыскные мероприятия, направленные на сбор информации, характеризующей задержанного (его судимости, преступных связей с сотрудниками банковской сферы и сервисных предприятий, материального положения).

При квалификации действий злоумышленника основной проблемой является неточность в понимании признаков составов преступлений, предусматривающих ответственность за различные формы хищения безналичных, электронных денежных средств, и проблемы квалификации анализируемых составов преступлений, представляется необходимым исключение п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3 и ст. 159.6 из УК РФ с одновременным введением самостоятельного состава преступления «Хищение с использованием информационных технологий».

В научной литературе мнения по данному вопросу разделяются.

С.В. Сляров считает, возможность признания объектом обмана иных лиц и в результате вероятность квалификации действий виновного как мошенничества зависит от момента окончания мошенничества, то есть наличия реальной возможности распорядиться похищенным имуществом, а это имеет место быть только при совершении мошенничества путем приобретения права на чужое имущество. В случае же с электронными денежными средствами объектом обмана может быть исключительно фактический владелец имущества, то есть лицо, у которого имущество

находилось в момент совершения хищения и у которого оно с помощью обмана изымается. Косвенно такой же точки зрения придерживаются и другие авторы, считая, что обмана уполномоченного работника не происходит, поскольку он не обязан проверять законность правообладания электронным средством платежа.

Таким образом, правоприменительная практика свидетельствует, что криминалистическое содержание стадии способа реализации преступного умысла характеризуется использованием электронных средств платежа. Как правило, с учетом существующей системы их защиты, использование происходит в мелких торговых организациях и на сумму, при приобретении товара на которую не требуется введение пин-кода.

Подводя итог, можно сделать вывод, что состав преступления не позволяет говорить о большом разнообразии криминалистических способов совершения рассматриваемого преступления, которые иногда рассматриваются как способы совершения кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Отсутствие четкого понимания содержания рассматриваемого элемента криминалистической характеристики преступления связано с острой конкуренцией мошенничества с использованием электронных средств платежа и кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ), влекущей за собой квалификационные ошибки, наличие которых влияет на процесс расследования. Поэтому, только при полном изучении, осмыслении и изменении рассматриваемой правовой нормы возможно удовлетворить существующую потребность в выработке криминалистических рекомендаций по выявлению и расследованию мошенничества с использованием электронных средств платежа.

***

1. Черных В.В. Проблемы расследования мошенничества, совершенного с использованием банковских карт, и пути их решения // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2018. № 1 (27). С. 123 - 126.
2. Вишнякова А.В. Расследования мошенничеств с использованием электронных средств платежа: выпускная квалификационная работа. г. Челябинск: ЮУрГУ, 2018 г. 88 с.
3. Квасова Е.В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: дипломная работа. г. Тольятти: ТГУ ИП, 2019 г. 76 с.
4. Мазуров И.Е. Методика расследования хищений, совершенных с использованием интернет-технологий: диссертация. г. Казань: КЮИ МВД РФ, 2017 г. 188с.
5. Харламова А.А. Проблемные вопросы квалификации мошенничества с использованием платежных карт. // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017.
6. Морозова А.О. Проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт / А.О. Морозова // Инновационные 28 технологии научного развития. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 5 частях. - Уфа: Аэтерна, 2017. - С. 135-138.

Глушко Д.К.

К вопросу о порядке заключения договора субподряда: анализ предпосылок и специфических способов заключения

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-133

idsp: ljjournal-01-2021-133

Аннотация

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с порядком заключения договора субподряда. Автором проанализированы специфические способы заключения договора субподряда. Проводится анализ эффективности способов заключения договора в субподрядных отношениях: общего способа – через оферту и акцепт, а также

специального - через торги. Помимо этого, были рассмотрены предпосылки заключения договора субподряда.

Ключевые слова: заключение субподряда, договор субподряда, субподряд, предпосылки заключения договора, способы заключения договора субподряда

Abstract

This article discusses issues related to the procedure for concluding a subcontract agreement. The author has analyzed the specific ways of concluding a subcontract agreement. The analysis of the effectiveness of the methods of concluding a contract in subcontracting relations is carried out: the general method - through the offer and acceptance, and also the special - through the auction. In addition, the preconditions for concluding a subcontract were considered.

Keywords: subcontracting, subcontracting, subcontracting, preconditions for concluding a contract, methods of concluding a subcontracting agreement.

С точки зрения практической значимости вопросы, касающиеся порядка заключения договора, являются актуальными для исследования в рамках рассмотрения любого гражданско-правового договора. Однако, значимость такого исследования существенно возрастает в вопросах, которые не находят прямой регламентации в тексте законодательства. Говоря о порядке заключения договора субподряда, стоит отметить, что в силу производности указанных отношений от основного подряда, к ним применяются общие нормы гражданского законодательства о договоре подряда. Несмотря на это существуют нюансы, о которых можно утверждать после анализа специального законодательства также соответствующей юридической практики. Указанные вопросы будут рассмотрены в данной статье.

Заключение договора является первым этапом возникновения юридических отношений между субъектами. Данный процесс можно охарактеризовать следующим образом: стороны достигают соглашения по обычным и случайным условиям договора в порядке, предусмотренном законодательством. Из положений закона, касающихся требований к сделкам и, в частности, к договорам, можно сформулировать понятие «заключенный договор» — это согласованная в законном порядке воля двух и более лиц, в отношении условий, указанных в законе в качестве существенных и других, облеченная в надлежащую форму.

Проведя анализ судебной статистики по категории дел, касающихся споров о признании договора заключенным, которые доходили до кассационной инстанции и были отменены с 2010 по 2018 года, можно наблюдать рост. Такая прогрессия была отмечена и Верховным Судом Российской Федерации, в связи с чем, в целях обеспечения единства практики применения судами законодательства о заключении и толковании договора было принято постановление с соответствующими разъяснениями.

Отмечается, что соглашение сторон может быть достигнуто путем принятия (акцепта) одной стороной предложения заключить договор (оферты) другой стороны (п. 2 ст. 432 ГК РФ), путем совместной разработки и согласования условий договора в переговорах, иным способом, например, договор считается заключенным и в том случае, когда из поведения сторон явствует их воля на заключение договора (п. 2 ст. 158, п. 3 ст. 432 ГК РФ).

Из указанной формулировки несложно выделить стадии заключения договора: преддоговорные контакты сторон (переговоры), направление оферты, рассмотрение оферты, акцепт оферты. Как отмечает Суханов Е.А. стадии оферты и акцепта являются обязательными в рамках заключения любого гражданско-правового договора

В подрядных отношениях в последнее время распространена практика привлечения подрядчика, например, из другого региона. В силу чего способ обмена

документацией (оферта, акцепт оферты) особенно удобен для заключения указанного договора.

Заключение и исполнение договора субподряда непосредственно обусловлено существованием основного договора подряда. Оформление договора субподряда связано с заключением основного договора подряда, и первый может быть заключен только после подписания основного договора. Согласие заказчика по общему правилу на заключение договора субподряда не требуется, если из закона или договора не вытекает обязанность подрядчика выполнить предусмотренную работу лично.

Отметим, что в доктрине выделяют несколько видов предпосылок, предшествовавших заключению договора – это организационно-правовые и формально-юридические. Первая группа предполагает наличие особых требований к участникам правоотношений. В рамках подрядных отношений указанные предпосылки имеют большое значение, так как, например, в договоре строительного подряда в качестве должника может выступать только специализированное лицо, имеющее разрешение на те работы, которые необходимо выполнить по договору. Следовательно, субподрядчик, привлекаемый для выполнения определенной работы, должен отвечать требованиям, предъявляемым к исполнителю той части работ, которые поручил ему генеральный подрядчик.

Можно определить, что формально-юридические предпосылки заключаются в оформлении документации в отношении предмета договора или предварительного соглашения. Стоит отметить, что в рамках гражданского законодательства нет норм, которые бы содержали обязательные требования к утверждению предварительной документации. Данные предпосылки можно найти в специальных нормах федеральных законов, а также подзаконных актов, которые устанавливают требования к предмету договора подряда.

О.Г. Строкова к числу предпосылок заключения договора строительного подряда относит: документ, устанавливающий права на земельный участок; разрешение на строительство. Можно увидеть, что указанные документы в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации относятся к исходно-разрешительной документации. Возникает вопрос, является ли такая документация предпосылкой для заключения договора субподряда? Отметим, что исходно-разрешительная документация — это совокупность актов, выдаваемых органами государственной или муниципальной власти, требующихся в обязательном порядке для реализации строительных работ. Такая документация может быть получена заинтересованным лицом (не только заказчиком, но и подрядчиком) также и после непосредственного заключения договора. Таким образом, исходно-разрешительная документация не может являться предпосылкой заключения договора субподряда.

В данном контексте назревает ещё один вопрос по поводу отнесения к предпосылкам заключения договора утверждение проектно-сметной документации. Г.М. Заяханов дает положительный ответ по этому поводу в отношении договора строительного подряда.

Проанализировав законодательные акты, можно отметить, что проектная документация как основание для выполнения работ необходима только в рамках договора строительного подряда. Так как в рамках бытового подряда не выполняются столь сложные и комплексные работы, законодательством не предусмотрено никаких требований об утверждении проектной документации. Рассматривая подряд на выполнение проектных работ, можно отметить, что данная документация будет являться предметом указанного договора, следовательно, предшествовать его заключению она не может. Так, в соответствии со ст. 759 ГК РФ по договору подряда на выполнение проектных работ заказчик обязан передать подрядчику задание на проектирование. Задание формируется на основе производственной потребности. Сама

потребность побуждает заказчика в случае невозможности самостоятельного исполнения заключать договор с другим субъектом – подрядчиком. Исходя из этого задание на проектирование можно определить в рамках договора на выполнение проектных работ как предпосылку его заключения.

Рассмотрим проектную документацию как предпосылку заключения договора строительного подряда. В соответствии со ст. 743 ГК РФ договором строительного подряда должны быть определены состав и содержание технической документации, а также должно быть предусмотрено, какая из сторон и в какой срок должна предоставить соответствующую документацию. Проектная документация является частью технической документации, составляющей основу для будущих работ. Таким образом, исходя из буквального толкования можно сделать вывод, что проектная документация, являясь совокупностью актов, оформляющих возникшую у заказчика потребность, может быть сформирована и после заключения договора. А так как заключение проектной документации предшествует составлению технического задания, следовательно, именно указанный акт будет являться предпосылкой. Подтверждение данного утверждения можно будет увидеть при рассмотрении специального способа заключения договора – аукциона.

Однако, если рассматривать вышеописанные предпосылки применительно к субподрядным отношениям, необходимо отметить, что несмотря на то, что обязанность по подготовке актов, предшествующих заключению договора, может лежать на заказчике, не являющимся участником правоотношений с субподрядчиком, на основе данной документация также заключается и договор субподряда. На этапе заключения договора между генеральным подрядчиком и субподрядчиком необходимо отразить в содержании обязанность подготовки технической документации, а также срок его предоставления. Так как исполнитель не может приступить к работам в силу их отсутствия.

Рассмотрим специфические черты заключения договора субподряда через классификацию способов заключения, которые подразделяются на общие и специальные. К специальным относится заключение договора во исполнение предварительного договора и заключение договора с применением торгов.

Обратимся к конструкции предварительного договора. Смысл такого договора сводится к тому, что хозяйствующие субъекты приходят к соглашению, по которому добровольно возлагают на себя обязанности в будущем заключить основной договор о передаче имущества, выполнении работы или оказании услуги. При этом законодатель определяет ряд обязательных критериев предварительного договора, которые обусловлены элементами основного договора: зависимость по форме заключения и содержанию. Так, предварительный договор заключается в форме, которая установлена для основного договора, а если форма не установлена, то в письменной форме (в противном случае предварительный договор признается недействительным). Если срок не определен, то основной договор должен быть заключен в течение года с момента заключения предварительного договора.

Отмечается, что для признания предварительного договора заключенным достаточно установить предмет основного договора или условия, позволяющие его определить.

Предварительный договор дает возможность участникам отношений избежать отказа в оплате организационных действий и издержек, которые были произведены в целях реализации предмета будущего основного договора. В данном случае необоснованный отказ в заключении основного договора подряда позволяет не только заявить требование о понуждении к заключению, но и требование о возмещении убытков, которые понесла сторона, например, в связи с подготовкой строительства. Также исполнение предварительного договора может быть обеспечено задатком, неустойкой за уклонение от заключения основного договора.

Таким образом, применение конструкции предварительного договора дает подрядным организациям возможность установления предварительных хозяйственных связей, в которых взаимно учтены интересы сторон.

Однако, возникает вопрос: подходит ли основной договор подряда под категорию предварительного договора? Если сравнить две категории договоров по временному признаку, можно отметить, что они заключаются до согласования воли по последующему договору. Однако, субъектный состав в рамках предварительного и будущего договора одинаков. Если рассматривать субподрядные отношения, то в рамках основного договора подряда участники – это заказчик и подрядчик. В последующем договоре субподряда субъектный состав меняется, подрядчик встает на место заказчика и именуется как генеральный подрядчик, а в качестве должника в указанном договоре появляется субподрядчик.

Стоит отметить, что на практике предварительный договор субподряда практически не встречается. По нашему мнению, это вызвано тем, что генеральному подрядчику, находясь в зависимости от исполнения обязательств заказчика по основному договору (оплата работ, а также предоставление технической документации), невыгодно обременять себя перед субподрядчиком, так как риск неисполнения обязательств возрастает. Поэтому указанный вид формально-юридической предпосылки не будет являться актуальным в субподрядных отношениях.

Для того чтобы сформировать представление о специфических чертах порядка заключения субдоговора, проведем исследование специального способа заключения договора - проведение торгов. Стоит отметить, что законодательство в области обеспечения государственных и муниципальных нужд предусматривает особый порядок заключения субподрядного договора.

Так в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» существует обязательный для заказчиков норматив по осуществлению закупок у субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций (далее - СМП и СОНО). Одним из вариантов выполнения данного норматива является установление обязательного условия о привлечении подрядчиками к исполнению контракта субподрядчиков, соисполнителей из числа СМП и СОНО.

В ч. 1 ст. 30 федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» устанавливается, что государственные заказчики обязаны осуществлять не менее 15% от своего годового объема закупок у субъектов малого предпринимательства (далее- СМП) или социально ориентированных некоммерческих организаций (далее- СОНКО).

Согласно п. 5 ст. 30 федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», если заказчик в тендерной документации устанавливает требование к подрядчику, не являющемуся СМП или СОНКО, привлечь к исполнению контракта субъекты малого предпринимательства, то он должен четко отразить объем работ, который должен быть выполнен такими организациями. Объем устанавливается в процентном соотношении от начальной (максимальной) цены контракта.

В данном законе предусмотрены ограничения для привлечения субподрядчиков в области определенных работ. Ранее это относилось к сфере научно-исследовательских работ, но с 2017 года запрет коснулся субподряда на строительные работы, перечень которых находится ниже.

Перечень работ включает в себя 34 пункта: подготовительные работы, земляные работы, инженерная подготовка территории, инженерная защита территории, свайные работы, устройство фундаментов и оснований, возведение несущих конструкций,

возведение наружных ограждающих конструкций, устройство кровли, фасадные работы, внутренние отделочные работы и т.д.

Подрядные торги как специальный способ заключения договора строительного подряда представляют собой форму выявления наилучшего акцепта. Обязанность по проведению подрядных торгов в форме аукциона или конкурса фиксируется лишь при размещении заказов на подрядные работы для государственных или муниципальных нужд при реализации соответствующих инвестиционных проектов, в остальных случаях заказчик самостоятельно решает вопрос о размещении посредством торгов своего заказа.

Таким образом, рассмотрев вопросы, связанные с заключением договора субподряда, можно сделать вывод, что рассмотрение предпосылок заключения договора субподряда позволило нам увидеть процесс формирования предмета указанного договора. Споры по поводу отнесения того или иного документа к формально-юридическим предпосылкам заключения договора субподряда отражаются на формировании неоднозначной судебной практики, которая подтверждает, что стороны не всегда соблюдают требования закона о согласовании предмета в силу неправильности толкования данной нормы. Рассмотрение общего способа заключения – через оферту и акцепт, а также специального – через торги позволило сделать вывод о том, что на данный момент для договора субподряда специфические требования для заключения предусмотрены только в рамках 44-ФЗ. Проведение конкурентных способов выбора подрядчика в современных экономических отношениях набирают популярность. Стоит отметить, что указанные выше ограничения для привлечения субподрядчиков вводятся для наиболее эффективной реализации договоров субподряда, заключаемых с помощью торгов.

***

1. Баласян, Р.Р. Заключение, изменение и расторжение договора строительного подряда / Р.Р. Баласян // АCADEMY. 2016. № 11. С. 61-63.
2. Ершов, О.Г. Предварительный договор в строительстве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=1578> Загл. с экрана.
3. Заяханов, Г.М. Договор строительного подряда в российском гражданском праве. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Г.М. Заяханов. Екатеринбург, 2009. 28 с.
4. Каримов, М.Р. Правовая характеристика предварительного договора в гражданском праве России / М.Р. Каримов // Российский судья. 2002. N 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://centerbereg.ru/b17359.html> Загл. с экрана.
5. Мокров, С.Н. Динамика обязательственных отношений сторон, основанных на договоре строительного подряда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Н. Мокров. М., 2008. 42 с.
6. Строкова, О.Г. Юридические предпосылки заключения договора строительного подряда / О.Г. Строкова // Вестник СГЮА. 2015. №4 (105). [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-predposylki-zaklyucheniya-dogovora-stroitel'nogo-podryada> Загл. с экрана.

Григорьева Д.Р., Джембаров Б.А.

Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина

*Набережночелнинский институт Казанского федерального университета
(Россия, Набережные Челны)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-134

idsp: ljjournal-01-2021-134

Аннотация

В статье рассматриваются альтернативные формы разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина. Объектом исследования являются сложившиеся общественные отношения в сфере применения альтернативных форм разрешения правовых конфликтов в России и зарубежных странах. Авторами дана

характеристика альтернативных форм разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина.

Ключевые слова: права, человек, гражданин, конфликты, сфера

Abstract

The article considers alternative forms of resolving legal conflicts in the sphere of human and civil rights. The object of the research is the existing social relations in the sphere of alternative forms of legal conflict resolution in Russia and foreign countries. The authors describe alternative forms of resolving legal conflicts in the sphere of human and civil rights.

Keywords: rights, person, citizen, conflicts, sphere

Актуальность темы исследования. Приняв концепцию защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов и закрепив ее в законодательстве, Российское государство столкнулось с проблемой реализации прав и свобод человека и гражданина в процессе преодоления правового конфликта.

Предмет исследования составляют проблемы комплексного изучения альтернативных форм, а также их применения при разрешении правовых конфликтов, что способствует решению задач по защите прав, свобод и законных интересов лиц.

Цель исследования заключается в комплексном, многоаспектном анализе альтернативных форм разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина и разработке технологии применения альтернативных форм, определении перспектив их развития.

Базовые подходы в разрешении правовых споров: с позиции силы, с позиции права и с позиции интересов.

Содержание подхода с позиции силы заключается в том, что одна или несколько сторон уступает за счет перевеса другой в силе. Сила может быть, как физическая, так и численное или техническое превосходство, материальное положение, статус и т. д. Данный подход сопровождается быстрым принятием решения и обеспечивает достижение результата, который, как правило, удовлетворяет только одну из конфликтующих сторон. Необходимо отметить, что подход с позиции силы имеет ряд недостатков: отношения между субъектами усугубляются, такой способ порождает желание отомстить, в этом случае конфликт нельзя считать разрешенным; сопровождается применением негуманных способов борьбы; отрицательно влияет на социальный климат.

Второй подход к разрешению конфликтов — с позиции права. Этот подход, как правило, характеризуется применением закона в суде. Сюда можно отнести самозащиту, государственную защиту и международную защиту прав человека, третейский суд.

Существует спорная точка зрения об отнесении претензионного порядка урегулирования конфликтов к альтернативным формам разрешения споров. Ряд авторов считает, что такая форма является самостоятельной формой альтернативного разрешения споров. Свою точку зрения сторонники этой позиции обосновывают тем, что так сложилась российская правовая традиция, в соответствии с которой арбитражный суд оставляет иск без рассмотрения, если истцом не соблюден досудебный (претензионный) порядок урегулирования спора с ответчиком, когда это предусмотрено федеральным законом для данной категории споров или договором.

Существует также точка зрения, что претензионный порядок относится к примирительной досудебной процедуре, иногда обязательной, иногда нет (например, при спорах, вытекающих из отношений перевозки, почтовой связи соблюдение претензионного порядка обязательно). Однако поскольку примирение, как процедура, предполагает участие третьего нейтрального лица, следует внести корректировку в определение их позиции и отнести претензионный порядок к переговорной досудебной процедуре, целью которой является примирение сторон.

Такие формы, как посредничество, примирение, переговоры могут применяться не только при разрешении гражданско-правовых споров, но и при разрешении семейных, трудовых споров, а также по уголовным делам частного (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), частно-публичного (ч. 3 ст. 20 УПК РФ, за исключением ч. 1 ст. 131 УК РФ) и публичного обвинения (ст. 25 УПК РФ), которые могут быть прекращены в связи с примирением обвиняемого (подозреваемого) с потерпевшим. По другим уголовным делам примирение сторон и/или заглаживание вреда может служить обстоятельством, смягчающим наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Независимая третья сторона – это индивид или группа, которые находятся вне конфликта между двумя или большим числом сторон и пытаются помочь им в достижении согласия.

Многие выполняемые третьими сторонами роли можно охарактеризовать на основе их формального понимания спорящими сторонами или на основе юридических аспектов и процедур.

Некоторые третьи стороны выполняют роли:

- посредников (медиаторов) - кто помогает главным действующим лицам достичь добровольного соглашения;
- арбитров - кто наделен полномочиями давать обязывающие рекомендации по улаживанию споров;
- омбудсменов - кому поручено рассмотрение споров частных лиц и учреждений.

Эффективность таких формальных ролей третьих сторон определяется их законностью, то есть правом заниматься улаживанием конфликтов.

Разрешение споров с участием третьей стороны не является универсальным средством для улаживания конфликтов. Однако привлечение третьей стороны к разрешению спора в большинстве случаев может быть чрезвычайно полезным и важным в уменьшении и преодолении разногласий. В наше время, когда мы продолжаем жить в обстановке множества конфликтов между индивидами, группами, нациями, а наши технологические возможности намного превосходят наши коллективные социальные навыки, стало более важно находить альтернативы эскалации деструктивных конфликтов между соперничающими сторонами. Привлечение независимой стороны является ярким примером таких альтернатив.

Альтернативные способы разрешения споров нельзя считать фиксированным набором приемов, средств и методик. Скорее это набор процедур, которые меняются, развиваются и корректируются в соответствии с потребностями спорящих сторон.

Применение альтернативных форм разрешения споров во всех случаях сокращает срок рассмотрения дела и позволяет разгрузить судебную систему. Условно, как мы видим, применяемые примирительные процедуры можно разделить на две группы: досудебные и судебные. Досудебные – это примирительные процедуры урегулирования спора в суде, но до начала судебного разбирательства. Они могут быть обязательными и добровольными. Формы урегулирования разногласий до начала судебного разбирательства могут быть различны: с участием только представителей сторон, с участием арбитра, назначенного судом из заранее составленного списка и др. Судебные – примирительные процедуры, применяемые после начала производства по делу.

Преимущества АРС: оперативность; отсутствие публичности; зачастую добровольное разрешение решений; возможность самостоятельного выбора лиц, рассматривающих и разрешающих спор; невысокие материальные расходы; большая вероятность сохранения дружеских и партнерских отношений; отсутствие жестких процессуальных форм.

Наиболее традиционным является деление альтернативных форм разрешения правовых конфликтов на: основные, комбинированные.

К основным альтернативным формам относятся: переговоры, посредничество, третейский суд.

Критериями для такого деления является участие в урегулировании разногласий третьего лица или его полномочия. Элементы этих трех «чистых» видов входят составной частью во многие другие процедуры. Так, переговоры почти всегда имеют место в любой другой альтернативной форме, а посредничество часто используется как предварительная процедура до начала судебного разбирательства.

Таким образом, результатом теоретического исследования правового конфликта является система научных знаний, ориентированная на использование правовых средств практического воздействия на существующее столкновение. А поиск различных способов, приемов реализации теоретических знаний в урегулировании правового конфликта позволяет на практике в каждом конкретном случае правильно определить, какие способы наиболее подходящие для примирения сторон, разрешения спора во внесудебном и судебном порядке.

В настоящее время, когда общество продолжает жить в обстановке множества конфликтов между индивидами, группами, нациями, а технологические возможности намного превосходят коллективные социальные навыки, представляется более важным находить другие возможности эскалации деструктивных конфликтов между соперничающими сторонами. Использование альтернативных средств является ярким примером таких возможностей.

Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов достаточно широко применяются в зарубежных государствах. Они возникли как альтернатива государственному судопроизводству, которое, несмотря на его значимость для общества в целом, является дорогостоящим, формальным, длительным и процедурно сложным для участников правового конфликта. Необходимость поиска иных методов - более простых, экономичных, быстрых, гибких и эффективных - привела к созданию «альтернативы» правосудию. Возникнув как инструмент процессуальных преобразований, как способ преодоления конфликтной ситуации в правовой сфере, альтернативные процедуры постепенно превратились в неотъемлемую часть правовых систем.

Разнообразные альтернативные процедуры существуют и применяются в иностранных государствах наряду с традиционным судопроизводством. Они не заменяют правосудия и не лишают заинтересованных лиц права на судебную защиту. Напротив, предоставляют им возможность выбора между государственной или негосударственной формами разрешения правовых конфликтов, позволяют сторонам самим решать, какой вид процедуры наилучшим образом способствует разрешению конкретного правового спора.

Для российского общества и правопонимания также характерно обращение к отдельным видам альтернативных процедур, нашедшим свое законодательное закрепление в отдельных нормативных правовых актах.

***

1. Кузьмина М.Н. Юридический конфликт: теория и практика разрешения. М., 2008.
2. Захарьяшева И.Ю. Юридический конфликт как социальная предпосылка процессуальной деятельности // Юрист. 2004. № 4.
3. Байтин М. А. О современном понимании права // Журнал российского права. - 1999. - № 1. - С. 99-100.
4. Басик В. П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в правовой науке // Правоведение. - 2005. - № 1. - С. 21.
5. Пример плодотворного сотрудничества правоприменителей и общественников на благо правового просвещения россиян ТАРЧЕВСКАЯ ОЛЬГА ИГОРЕВНА — 2008 г.
6. Права человека: Учебное пособие. Под редакцией А.Д. Гусевой и Я.С. Яскевича. – Минск: Тетра Системс, 2002;
7. Поляков, С. А. Права человека / С. А. Поляков. — Текст: непосредственный // Государство и право: теория и практика: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 82-85. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/37/588/> (дата обращения: 13.11.2020).

Демьянова В.С.

Актуальные вопросы государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество

*Уральский государственный юридический университет
(Россия, Екатеринбург)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-135

idsp: ljjournal-01-2021-135

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы перехода права собственности, возникающие при государственной регистрации права. Рассматриваются и анализируются положения законодательства на предмет защиты права собственности.

Ключевые слова: право собственности, регистрация права собственности, Росреестр, купля-продажа.

Abstract

The article deals with the main problems of the transfer of property rights that arise during state registration of rights. Considered and analyzed the provisions of the legislation for the protection of property rights.

Key words: ownership, registration of ownership, Rosreestr, purchase and sale.

С развитием экономики и формирования рынка недвижимости в стране формируется спрос, рождающий предложение. Государство в свою очередь должно выступать регулятором правоотношений для поддержания порядка и соблюдения прав каждого гражданина. С целью осуществления регуляции законодатель формирует определенную правовую базу, которая должна не просто регулировать отношения, но и защищать прав индивидуумов. В современном Российском праве существует обширная нормативная база для регуляции самых распространённых рыночных отношений – перехода права собственности, однако с каждым днем перед законодателем встает вопрос о значительности норм и способности соблюдать права каждого, не ущемляя другого.

Ежедневно в сети Интернет можно найти десятки предложений о покупке, аренды квартиры. В Росреестр поступает свыше 300 заявлений на регистрацию права собственности, переход ее от покупателя к продавцу. С недвижимостью могут осуществляться различные действия, влекущие возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей в ее отношении, т. е. осуществляться различные сделки: аренда, залог, наследие, дарение, купля-продажа, доверительное управление, постоянное пользование, полное хозяйственное ведение, страхование, лизинг, субаренда, взнос в акционерное общество приватизация, др. Дополнительная стадия совершения сделок с недвижимостью – государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним, которая регулируется Гражданским Кодексом РФ, Федеральным законом от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, другими федеральными законами и нормативными актами Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 131 ГК РФ регистрации подлежат право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного пользования, ипотека, сервитуты, а также иные права в случаях, предусмотренных ГК РФ и иными законами.

Согласно п. 3 ст. 131 ГК РФ орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней, обязан по ходатайству правообладателя удостоверить произведенную регистрацию путем выдачи документа о

зарегистрированном праве или сделке либо совершением надписи на документе, представленном для регистрации.

Таким образом, невозможно приобрести или передать право собственности, не обращаясь в специализированный орган, который предоставит документ, свидетельствующий о регистрации и переходе права собственности от одного лица к другому. Государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права и проводится по месту нахождения недвижимого имущества по установленной системе записей о правах на каждый объект недвижимого имущества, что фиксируется в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Выписки из Единого государственного реестра прав, утвержденные в установленном порядке, должны содержать описание объекта недвижимости, зарегистрированные права на него, а также ограничения (обременения) прав.

Согласно ст. 4 ФЗ № 218 от 13.07.2015 «О государственной регистрации недвижимости» участниками отношений, возникающих при осуществлении государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, являются собственники недвижимого имущества и обладатели иных подлежащих государственной регистрации прав на него, другие лица в предусмотренных законом случаях.

Следовательно, Росреестр осуществляет деятельность по регистрации при подаче заявления и в интересах лиц, указанных в статье. Главной задачей для законодателя в таком случае становится защита прав участников перехода права собственности.

Однако, нельзя сказать, что права покупателя защищены полностью. При покупке товара действуют нормы о защите прав потребителей, покупатель может вернуть товар если он испорчен, получив денежные средства назад. Покупатель также может просить заменить товар, получить денежную компенсацию за недостатки товара, однако это не применимо к договору купли-продажи. Получается, что законодатель защищает права граждан при совершении сделок на «незначительные объекты», но лишает возможности полностью отказаться от ненадлежащего объекта недвижимости.

Таким образом, согласно п. 1 ст. 503 ГК РФ покупатель, которому продан товар ненадлежащего качества, может требовать замены недоброкачественного товара товаром надлежащего качества, соразмерного уменьшения покупной цены, незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара, возмещения расходов на устранение недостатков товара.

Таким образом, правовое регулирование договора купли-продажи недвижимого имущества, несмотря на устоявшуюся правоприменительную практику в сфере его реализации, имеет пробелы, которые требуется устранить для наиболее эффективного применения данного договора. В частности, внести в действующее законодательство понятие недвижимого имущества, более подробно описать правовой порядок купли-продажи отдельных видов недвижимого имущества: земельных участков, жилых помещений, предприятий, имущественных комплексов.

Необходимо также минимизировать конфликтность норм между положениями Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственной регистрации недвижимости» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, так как на данный момент положения ряда статей Федерального закона № 218 конфликтуют с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, например, в порядке п. 7 ч. 1 ст. 26 ФЗ № 218 государственный регистратор прекращает регистрацию перехода права собственности если представленные документы не соответствуют законодательству. Однако в законодательстве, инструкциях и иных положениях нет подробного и открытого списка всех возможных случаев отказа в

приеме заявления с документами, что часто становится предметом для различной судебной практики в рамках которой суды дают разъяснения.

***

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (Текст Конституции с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ, опубликован на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 4 июля 2020 г., в "Российской газете" от 4 июля 2020 г. N 144)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020)// Собрание законодательства РФ. 1996.№ 5.ст. 410.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственной регистрации недвижимости»// Российская газета.2015. № 156.

Денисов А.А.

Арбитражный суд в судебной системе России

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-136

idsp: ljjournal-01-2021-136

Аннотация

Введение в экономику различных форм собственности обусловило необходимость отказа от государственного арбитража и перехода к судебным процедурам рассмотрения экономических споров между хозяйствующими субъектами. В отличие от государственного арбитража, арбитражный суд не вмешивается в деятельность сторон, осуществляя правосудие на основе таких принципов, как законность, независимость судей арбитражного суда, равенство организаций и граждан перед законом и судом, состязательность и равноправие сторон, непосредственность судебного разбирательства, диспозитивность и гласность разбирательства. В настоящей статье исследуется сущность арбитражного суда и его место в современной судебной системе Российской Федерации.

Ключевые слова: арбитражный суд, арбитражный процесс, судебная система, суд общей юрисдикции, гражданское судопроизводство, экономические споры.

Abstract

The introduction of various forms of ownership into the economy necessitated the abandonment of state arbitration and the transition to judicial procedures for considering economic disputes between economic entities. Unlike state arbitration, an arbitration court does not interfere in the activities of the parties, administering justice on the basis of such principles as legality, independence of arbitration court judges, equality of organizations and citizens before the law and the court, adversarial and equal rights of the parties, immediacy of court proceedings, dispositiveness and transparency. proceedings. This article examines the essence of the arbitration court and its place in the modern judicial system of the Russian Federation.

Keywords: arbitration court, arbitration process, judicial system, court of general jurisdiction, civil proceedings, economic disputes.

Арбитражный суд в РФ – это орган государственной власти, который занимается рассмотрением споров, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а также других категорий споров, отнесенных к его компетенции Арбитражный процессуальным кодексом РФ.

Арбитражный суд впервые был создан в соответствии с Законом РСФСР от 4 июля 1991 г. «Об арбитражном суде». В настоящее время арбитражный суд - это суд, осуществляющий правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к его компетенции Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации от 24 июля 2002 г. и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами.

В Российской Федерации согласно Конституции РФ, судебную систему страны устанавливает федеральный конституционный закон, а именно: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Система арбитражных судов, как и судов общей юрисдикции закреплена в вышеупомянутом ФКЗ. Систему арбитражных судов составляют:

Арбитражные суды округов (арбитражные кассационные суды);

Арбитражные апелляционные суды;

Арбитражные суды первой инстанции в республиках, краях, областях, городах федерального значения, автономной области, автономных округах;

Специализированные арбитражные суды.

Задачами арбитражных судов, при рассмотрении отнесенных к их компетенции споров являются:

- 1) обеспечение приемлемости правосудия в указанной области общественных отношений;
- 2) образование почтительного отношения к законодательству и судебной системе;
- 3) усиление законности и предупреждение каких-либо правовых нарушений в сфере предпринимательской и другой экономической деятельности;
- 4) охрана нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также иных субъектов экономической деятельности;
- 5) помощь в становлении и развитии партнерских рабочих отношений, а также образование обычаев и деловой этики;
- 6) справедливое судебное рассмотрение дела в определенный законом срок независимым судом.

Производство в арбитражных судах имеет много общего с гражданским судопроизводством. Среди различий можно отметить следующее:

а) обширная свобода сторон при использовании принципа диспозитивности;

б) в гражданском судопроизводстве область применения принципа состязательности значительно уже, чем в арбитражном процессе. В арбитражном процессе он действует на всех стадиях процесса. Его реализация обеспечена правовыми гарантиями.

в) согласно принципу арбитражного разбирательства, рассматривая дела арбитражные суды занимаются не только пониманием обстоятельств дела, но и ведут дело к разрешению самими сторонами, что позволяет освободить арбитражный процесс от ряда пустых действий. Арбитраж предполагает сближение противоборствующих сторон, для разрешения экономического спора.

Некоторые юристы не считают арбитражный процесс самостоятельным, а относят его к гражданскому. Такое мнение обосновано близостью обоих процессов в исковом производстве, составом участников процесса, одним правовым регламентом

института доказывания, определением процессуальных сроков, процессуальной ответственности и др. Похожая позиция дана и в учебнике Гражданского процессуального права России под ред. М.С. Шакарян. Авторы учебника считают, что «законодательство об арбитражном суде - органическая часть гражданского процессуального права и должно быть включено в его состав, поскольку общим является не только предмет защиты (споры, возникающие из гражданских правоотношений и в сфере управления), но и правовая природа органа защиты, принципы его организации и деятельности, закрепленные как в Конституции РФ, так и в процессуальных кодексах. В этом нетрудно убедиться, сравнив ГПК РФ и АПК РФ».

Арбитражные суды, также, как и суды общей юрисдикции осуществляют судебную власть при разрешении споров, образованных из административных, гражданских и иных правовых отношений. Согласно 1 статье Арбитражного процессуального кодекса, споры, рассматриваемые арбитражным судом, называются экономическими.

В АПК РФ определены подведомственность и подсудность дел арбитражным судам, процедура судебного разбирательства и принятия решений, порядок и основания их обжалования. Данные нормы были разработаны с учетом задач и особенностей российской судебной системы, в частности арбитражных судов и не могут использоваться никакими другими субъектами и органами.

В АПК РФ, а именно в статье 27 сказано, что арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие, которые возникают из указанных правоотношений, например:

- между юридическими лицами (организациями), физическими лицами, которые ведут свою предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющими статус индивидуального предпринимателя;
- между РФ и субъектами РФ, между субъектами РФ.

Помимо этого, на арбитражный суд поручается разбирательство дел по отдельным административным правонарушениям, которые были совершены организациями или индивидуальными предпринимателями (ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ).

Вопрос о соотношении арбитражных судов и судов общей юрисдикции в судебной системе нашей страны остается спорным. Большинство считает, что арбитражные суды — это специализированные суды, которые ориентированы на рассмотрение определенной категории споров, в противоположность от судов общей юрисдикции, рассматривающих любые споры, помимо отнесенных к ведению других органов.

В ФКЗ «О судебной системе РФ» не имеется указаний на специализированные суды, которые бы действовали в настоящей судебной системе. Также, в Федеральном Конституционном законе говорится, что такие суды образуются посредством путем внесения изменений и дополнений в Федеральный Конституционный Закон «О судебной системе в Российской Федерации», а их полномочия, порядок образования и деятельности устанавливаются ФКЗ.

Чтобы признать какой-либо суд специализированным необходимо внести определенные изменения и дополнения в Федеральный Конституционный Закон «О судебной системе в Российской Федерации».

В этом Законе арбитражные суды определены как часть одной судебной системы РФ, вместе с конституционными судами и судами общей юрисдикции. Согласно законодательству, арбитражные суды и суды общей юрисдикции являются свободными полноправными формами судебной защиты гражданских,

административных и других прав посредством разрешения отнесенных к их компетенции дел.

Арбитражный суд не стоит характеризовать как специализированный и по характеру рассматриваемых им дел. Данный аргумент бывает используем, чтобы отнести арбитражный суд к специализированным. Главной категорией разрешаемых арбитражными судами дел являются экономические споры, которые возникают из гражданских, административных и иных правоотношений.

Однако, суды общей юрисдикции тоже разрешают определённые дела, которые являются по содержанию экономическими. К примеру:

- споры, которые связаны с предпринимательской деятельностью гражданина, у которого нет статуса предпринимателя;
- споры по искам банка к физическим лицам о возврате кредита;
- споры физических лиц и торговых организаций о качестве купленных вещей;
- споры акционеров с акционерным обществом о признании ничтожными актов, которые были приняты органами управления общества.

Чтобы признать суд специализированным необходимо определение в законе определенной категории дел, которая была бы отнесена к подведомственности специализированных судов.

Арбитражный суд более инновационной, чем суд общей юрисдикции. Суд общей юрисдикции фактически немного отличен по своей структуре от советских судов, которые были сформированы при совершенно ином политическом и экономическом строе и выполнявших другие в соотношении с настоящим задачи.

В арбитражной системе заинтересованное лицо вправе три раза возбудить производство в судебных инстанциях, защищая свои права (суд первой, апелляционной и кассационной инстанции). В судах общей юрисдикции только два раза: первая и кассационная. В арбитражном суде только одна надзорная инстанция, в судах общей юрисдикции три.

Стоит отметить, что все страны строят собственную судебную систему, в соответствии со своими нуждами. В современных демократических государствах судебная система государства должна быть так построена, чтобы право на судебную защиту соблюдалось в полной мере. Итак, арбитражный суд является важнейшей и инновационной составной частью российской судебной системы, он рассматривает довольно обширную категорию дел, что позволяет защитить как можно больше законных прав и законных интересов граждан.

***

1. Вилков М.А., Зайцев И.М. «Гражданский процесс России: учебник» // Юристъ. 2001. С. 124-125.
2. Гринь Е.А. Способы защиты прав при изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд. // Современная научная мысль. 2015. № 5. С. 138-145.
3. Шакарян М.С., Алехина С.А., Блажеев В.В. «Гражданский процесс России: учебник» // Юристъ. 2001. С. 45.
4. Фурсов Д.А. «Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса» // Статут. 2009. С. 25-27.
5. Ярков В.В., Арсенов И.Г., Абсалямов А.В. «Арбитражный процесс. Учебник» // Инфотропик. 2016. С. 304-305.
6. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ "Об арбитражных судах в Российской Федерации" // СЗ РФ. 1995. N 18. Ст. 1589.
7. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" // СЗ РФ. 1997. N 1. Ст. 1.
8. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ "О судах общей юрисдикции в Российской Федерации" // СЗ РФ. 2011. N 7. Ст.898.

Дядькин Д.С., Зорькина А.А.

Толерантность, как фактор противодействия экстремизму

БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»
(Россия, Сургут)

doi: 10.18411/lj-01-2021-137

idsp: ljjournal-01-2021-137

Аннотация

В статье рассмотрено понятие толерантности, а также роль развития толерантности в обществе как идейного антитезиса существующим экстремистским проявлениям. Сделан вывод, что важным аспектом противодействия и профилактики экстремизма является развитие толерантности в обществе, что требует взаимодействия между государством и представителями гражданского общества.

Ключевые слова: толерантность, экстремизм, профилактика экстремизма, экстремистские действия, экстремизм и толерантность, борьба с экстремизмом.

Abstract

The article examines the concept of tolerance, as well as the role of the development of tolerance in society as an ideological antithesis to the existing extremist manifestations. It is concluded that an important aspect of countering and preventing extremism is the development of tolerance in society, which requires interaction between the state and representatives of civil society.

Key words: tolerance, extremism, prevention of extremism, extremist actions, extremism and tolerance, the fight against extremism.

Одной из ключевых угроз национальной безопасности Российской Федерации является проблема экстремизма. Экстремизм, являясь самостоятельной проблемой, свидетельствующей о радикализации общества, отсутствии доверия к общественным и государственным институтам, имеет огромную общественную опасность как важное условие для создания и функционирования террористических организаций. Как отмечает А.И. Рагог, в теории уголовного права преобладает мнение, что терроризм является крайней и наиболее опасной формой экстремизма, что эти понятия соотносятся как видовое и родовое [1]. С данным выводом следует согласиться, учитывая глубинную и тесную связь между экстремизмом и терроризмом идейного характера, который практически всегда черпает свою мотивацию из экстремистских идей. Именно поэтому борьба с экстремизмом является важной предпосылкой для уничтожения социальной и идейной базы терроризма, вследствие чего экстремистские идеи и группировки получают соответствующую оценку в рамках действующего уголовно-правового регулирования.

Вместе с тем, следует констатировать, что борьба с экстремизмом в Российской Федерации в основном сводится к борьбе с проявлениями экстремизма, в чем основную роль играют соответствующие правоохранительные органы. Вместе с тем, как справедливо отмечает А.Р. Бахарчиева, причиной возникновения экстремистских проявлений и действий может стать социальная несправедливость, снижение уровня жизни граждан, снижение уровня защищенности от внутренних и внешних угроз [2]. Очевидно, что определенный уровень экстремизма (как и любой другой преступности) характерен для любого общества. Вместе с тем, увеличение экстремистских проявлений свидетельствует о проблемах в социально-экономической жизни общества, которые являются катализаторами для возникновения сначала экстремистских идей и убеждений, а затем – и соответствующих действий.

Следует при этом согласиться с мнением Д.А. Степаненко относительно того, что экстремизм не является чисто юридической категорией и не тождественен тем экстремистским действиям, которые являются уже реализацией экстремистских идей.

По мнению исследователя, экстремизм необходимо вообще вывести из числа собственно юридических категорий, оставив за ним значение категории политической, отчасти историко-культурологической, отчасти морально-этической [3]. Очевидно, что данный подход является дискуссионным, однако неоспоримым следует считать тот факт, что успешная борьба с экстремизмом возможна лишь путем применения как мер принуждения, так и стимулирующих мер, направленных на устранение причин экстремизма.

Экстремизм по своей сути является идеологией ненависти. Такая ненависть может взращаться по отношению к определенным религиозным (религиозный экстремизм), национальным (национальный экстремизм), социальным группам [4]. Следует отметить, что Российская Федерация является многонациональным и многоконфессиональным государством, поэтому угрозу ее безопасности и суверенитету в равной мере представляет как «великорусский» экстремизм, связанный с идеями превосходства русского этноса над другими этносами, проживающими на территории Российской Федерации, так и этноцентрический экстремизм сепаратистского характера (чеченский, татарский, башкирский, якутский и т.д.). В равной степени опасным представляется мусульманский экстремизм (например, запрещенное в Российской Федерации движение Хизб-ут-Тархир) и христианский (в т.ч. православный) фундаментализм.

Экстремизм, по своей природе, всегда носит демонстративный характер [5]. И данная демонстрация направлена на общество: экстремистские действия, направленные, например, против религиозной общины или уязвимой этнической группы, происходят в надежде найти поддержку у общества, что придавало бы данным незаконным действиям видимость легитимности. Исходя из вышеизложенного, ключевым фактором борьбы с экстремизмом следует считать улучшение толерантности и изменение отношения ко всем этническим, социальным и религиозным группам.

Е.Ю. Жмырова определяет толерантность как способность активно защищать права человека, в достойной форме выражать протест против любых форм дискриминации [6]. По мнению К.С. Панченко, толерантность является научной категорией, которая служит для отражения терпимого отношения общества, государства, социальных групп, отдельных личностей к проявлению отличий [7].

Следует отметить, что понятие толерантности в последнее время недостаточно обоснованно подвергалось общественной критике. Однако такая критика, по нашему мнению, была связана с ошибочным пониманием данного понятия: толерантность не означает необходимость всех подстраиваться под некую новую норму. В этом случае, как раз, речь идет о нетолерантном (исключительном) отношении новой социальной или правовой действительности по отношению к старой. На самом же деле, толерантность, по нашему мнению, основывается на следующих постулатах:

1. Существуют определенные общественные нормы. В то же время, от вышеуказанных общественных норм, исходя из принципов права каждого человека на равенство, самовыражение и свободу семейной жизни, допускаются отличия.
2. Данные отличия допускаются в той степени, в которой они не противоречат правам и свободам других лиц.
3. Общественная жизнь построена на принципе сосуществования различных общественных групп и уважительном отношении между ними. Каждая из групп, обладая значительной степенью автономности и широкими возможностями по саморегулированию своей жизни, не стремится навязать свои правила другим общественным группам.
4. Единственным арбитром, решающим возможные конфликты на основании принципа баланса прав и законных интересов человека, общественной группы и общества в целом, является государство. Только у государства есть монополия на применения силы и только

государство может признавать те или иные действия недопустимыми, используя для этого свою правовую и правоохранительную систему.

В данном контексте следует согласиться с И.С. Андроновым, который определяет, что толерантность является институционно-ценностной составляющей противодействия экстремизму. Именно терпимость к чужому образу жизни является идеологическим антитезисом экстремизму [8].

Как мы уже отмечали ранее, борьба с экстремизмом в РФ сводится, преимущественно, к борьбе с его проявлениями. Вместе с тем, крайне важным представляется профилактика экстремизма, особенно в молодежной среде, важным компонентом которой является воспитание толерантности. Данный вопрос требует координации усилий государства и всего общества, что позволит снизить влияние экстремистской идеологии на молодежь и укрепит межнациональное и межрелигиозное взаимодействие в Российской Федерации.

***

1. Парог А. И. Соотношение между экстремизмом и терроризмом. // ЮП. - 2010. - №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-mezhdu-ekstremizmom-i-terrorizmom> (дата обращения: 26.10.2020).
2. Бахарчиева А. Р. Соотношение понятий "терроризм" и "экстремизм". // Евразийский научный журнал. - 2017. - №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-terrorizm-i-ekstremizm-2> (дата обращения: 26.10.2020).
3. Степаненко Д. А., Мушинский М. А. Эффективность противодействия экстремизму. // Всероссийский криминологический журнал. - 2019. - №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-protivodeystviya-ekstremizmu> (дата обращения: 26.10.2020).
4. Тарановская С. А. К вопросу о мотиве «Ненависти или вражды в отношении социальной группы» как квалифицирующем признаке преступлений экстремистской направленности. // Вестник Московского университета МВД России. - 2010. - №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-motive-nenavisti-ili-vrazhdy-v-otnoshenii-sotsialnoy-gruppy-kak-kvalifitsiruyuschem-priznake-prestupleniy-ekstremistskoj> (дата обращения: 26.10.2020).
5. Бирюков С. Ю., Бобовкин М. В., Шматов М. А. Общая характеристика экстремизма и анализ современного состояния борьбы с преступлениями экстремистской направленности. // Legal Concept. - 2020. - №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-ekstremizma-i-analiz-sovremenogo-sostoyaniya-borby-s-prestupleniyami-ekstremistskoj-napravlennosti> (дата обращения: 26.10.2020).
6. Жмырова Е. Ю. О понятии «Толерантность» и ее видах. // Вестник ТГТУ. - 2006. - №4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-tolerantnost-i-ee-vidah> (дата обращения: 26.10.2020).
7. Панченко К. С. Теоретические основы понятия толерантности // Пробелы в российском законодательстве. - 2017. - №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-ponyatiya-tolerantnosti> (дата обращения: 26.10.2020).
8. Андронов И. С., Егоров М. И. Толерантность как инструментально-ценностная составляющая противодействия экстремизму. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2012. - №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-kak-instrumentalno-tsennostnaya-sostavlyayuschaya-protivodeystviya-ekstremizmu> (дата обращения: 26.10.2020).

Исаева А.В.

Проблемы правоприменительной практики по делам о преступлениях против общественной нравственности

*ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
(Россия, Оренбург)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-138

idsp: ljjournal-01-2021-138

*Научный руководитель
Баглай Ю.В.*

Аннотация

Статья посвящена анализу актуальных проблем противодействия преступлениям против общественной нравственности.

Ключевые слова: мораль, общественная нравственность; менталитет, преступления против общественной нравственности.

Abstract

The article is devoted to the analysis of actual problems of counteraction to crimes against public morality.

Keywords: morality, public morality; mentality, crimes against public morality.

Важным показателем развития общества представляется уровень морали каждого гражданина и всего населения в целом. Развитие социума возможно лишь при условии обеспечения здоровья, которое включает в себя физический, духовный и социальный компоненты. Однако в настоящее время мы вынуждены признавать падение духовности, кризисный уровень морали, пренебрежительное отношение личности к нравственному развитию [5]. Российский нравственный менталитет подрывается т.н. «западными ценностями»: искажение семейных отношений, увлечение порнографией, и самое страшное – детской порнографией, стирание половых различий, распространение проституции, варварское отношение к культурному опыту.

Отечественный законодатель сформировал национальную правовую систему, которая в том числе направлена и против нравственного разрушения государства и социума. Важнейшим элементом данной системы являются уголовно-правовые средства, представленные статьями 240 – 245 Уголовного кодекса РФ, устанавливающие уголовную ответственность за совершение преступлений, подрывающие общественную нравственность [1]. Но следует отметить скудную статистическую картину по данным преступлениям (по ст. 240 УК РФ в 2019 году было осуждено 29 человек, 240.1 УК РФ – 2 человека; по ст. 241 УК РФ часть 1 – 257 человек, часть 2 – 29 человек; статья 242 УК РФ – 1 человек; ст. 243 УК РФ часть 1 – 4 человека, часть 2 – 3 человека, ст. 244 УК РФ часть 1 – 34, часть 2 – 3, ст. 245 УК РФ часть 73, часть 2 – 62) [3].

Кроме того, данный вид преступлений обладает высоким уровнем латентности, «крышеванием» данных преступлений организованной преступностью, борьба с преступлениями усложняется коррупцией в правоохранительных структурах.

Отечественный законодатель не дает легального определения проституции, притона для занятия проституцией, порнографии, порнографического изображения несовершеннолетнего, животного. Требуют глубокого анализа и теоретического осмысления отдельные проблемы квалификации состава преступлений против общественной нравственности [9].

Законодатель также в статье 2 УК РФ не причислил общественную нравственность к объектам уголовно-правовой охраны, другими словами, согласно уголовного законодательства общественная нравственность не отнесена к конституционно охраняемым ценностям.

Отдельные правоведы высказывают о точку зрения об отсутствии четкого, единого позитивно направленного законодательства в анализируемых вопросах, юридические нормы фрагментарны, разрозненны, существует много пробелов в данной сфере [5], [14]. Все это приводит к отсутствию единой государственной законодательной позиции, отсутствию понятной и четко выстроенной стратегической линии, что, конечно, затрудняет законодательное противостояние преступлениям против общественной нравственности в нашей стране. Существующие фрагментарные нормы, которые регулируют оборот услуг, продукции и организацию мероприятий зрелищного характера сексуальной направленности, мы находим в отдельных нормативных актах, которые не систематизированы и не носят характера цельной юридически значимой структуры в сфере охраны морали социума.

Все эти факторы затрудняют правоприменительные процессы в современной теории и практике уголовного судопроизводства.

В статье 242 и 242.1 УК РФ легальное определение незаконного распространения порнографического материала требует дополнительных разъяснений. Отечественным законодателем предпринимались попытки принять отдельный специальный законодательный акт, который бы регулировал оборот товаров порно-и сексуального содержания [2].

Отечественным законодателем не сформирован единый подход к проблемам установления пределов криминализации проституции и порнографических материалов и связанных с ними преступных деяний (преступления на сексуальной почве). Не сформированы четкие, прозрачные и понятные критерии, позволяющие отграничивать порнографические материалы от эротических. Не сформировано систематическое представление о помещениях для занятия проституции (статья 241 УК РФ). Не дифференцирована ответственность лица за вовлечение в проституцию лиц, которые находятся в какой либо зависимости от данного лица, поскольку данный вид преступления представляет очень серьезную общественную опасность.

Современные правоведы также отмечают наличие серьезных пробелов уголовно-правового регулирования защиты несовершеннолетних от вовлечения их в процессы изготовления и распространения материалов сексуального и порнографического характера [10]. Российское законодательство противоречит международным нормам по противодействию распространению детской порнографии, в частности отсутствует уголовная ответственность за использование порнографических изображений несовершеннолетних в собственных целях, не имея цели распространять, рекламировать и демонстрировать для других лиц. Мы хорошо понимаем, что детская порнография для личных целей также способствует распространению данного вида криминальной продукции, расширяет и расширяет ее сбыт. Уголовно-правовой запрет на личное использование порнографической продукции с изображением несовершеннолетних имеет в уголовных кодексах США, Австрии, Канады, Германии, Нидерландов [6]. Международное право вовлечение несовершеннолетних детей в процессы изготовления продукции порнографического и сексуального характера приравнивает к торговле людьми, которая совершается в коммерческих целях сексуальной эксплуатации несовершеннолетнего лица. Такая квалификация требует более тяжкое наказание за совершенное деяние, в то время как санкции статьи 242.1 части 1 ограничиваются 8 годами лишения свободы.

К проблемам последних лет следует отнести юридическую неурегулированность основных аспектов противодействия распространения продукции порнографического характера: как определить место совершения преступления, территориальную принадлежность, объективные стороны преступного деяния. Не установлены более жесткие санкции уголовного характера за распространение порнографии с участием несовершеннолетних в глобальной сети Интернета и прочих информационных телекоммуникационных сетях общего использования. Специфика такого рода преступления заключается в том, что доступ к актам растления несовершеннолетних получает широкая и самая разнообразная аудитория пользователей Интернета, что, несомненно, стимулирует развитие педофильных наклонностей. Кроме того, данные Интернет-ресурсы могут использовать лицами, склонными к коллекционированию порнографического изображения детей, к вовлечению неблагополучных несовершеннолетних в данный преступный бизнес или к растлению несовершеннолетних [13].

Все указанные юридические пробелы снижают неотвратимость уголовного наказания за преступные деяния против общественной морали и нравственности, поощряют рецидив и помогают преступнику избежать уголовного преследования.

Статья 243 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия, не соответствует действующему российскому законодательству о культурных ценностях.

Объективный признак «уничтожение, повреждение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий...» в статье 244 УК РФ конкурирует с признаками преступлений против собственности (хищение – статья 158, повреждение или уничтожение имущества – статья 167), что в уголовном судопроизводстве может привести к неправильному применению норм Уголовного кодекса РФ и к многочисленным квалификационным ошибкам.

Перечисленные нами пробелы и несоответствия в уголовном законодательстве о защите общественной нравственности диктуют настоятельную необходимость повышения эффективности уголовно-правовых механизмов защиты общественной нравственности, в том числе, и ужесточения наказания за данные преступные деяния в целях защиты национальных государственных интересов в духовно-нравственной сфере.

В рамках нашей статьи на основе проведенного анализа мы можем предложить основные мероприятия по совершенствованию уголовного закона с учетом исторических отечественных традиций в сфере общественной морали и нравственности.

1. Перенести статью УК РФ о хищении предметов, которые имеют особую ценность (ст. 164 УК РФ), в главу 25; и добавить ответственность за хищение имущества религиозных объединений, которое используется для исполнения религиозных обрядов. Либо можно было бы указанный квалифицирующий признак внести в статьи УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность кражу, грабеж, разбой, мошенничество, присвоение или растрату.

2. Установить для преступлений, попадающих под признаки ст.ст. 242 и 242.1 УК РФ следующего квалифицирующего признака: свершение преступного деяния в местах скопления детей – образовательная организация общего образования, дошкольная образовательная организация, детский дом, колонии для несовершеннолетних преступников, места массового отдыха несовершеннолетних лиц. Это требование вызвано повышенной степенью социальной опасности из-за особых характеристик адресата соответствующего преступления и необходимостью установить соответствие отечественного уголовного права и международно-правовых актов.

3. Преступления против общественной морали следует классифицировать по критерию определения непосредственного объекта:

- нарушение нравственных основ взаимоотношений полов, направленные против общественной половой культуры;
- нарушение нравственных правил сохранения культурного и традиционного наследия, разрушение связей поколений;
- нарушения нравственных правил взаимоотношений человека с другими субъектами живой природы.

4. На основе тщательного анализа теоретических аспектов, юридических основ и практических подходов определить порнографию следующим образом (закрепить данную дефиницию в ст. 242 УК РФ прим.): грубое, натуралистическое, детализированное представление в любом доступном формате при подробном анатомическом и физиологическом изображении гениталий человека, половых актов, аутосексуального поведения людей, половых отклонений и аномалий (зоофилия, некрофилия), сексуальных извращений (возможно с использованием неодушевленных предметов), представление различных форм сексуального поведения с насилием, принуждением, глумлением; или изображение, сопряженное с привлечением лиц, несовершеннолетнего возраста, или лиц, которые находятся в беспомощном состоянии.

Предложенные меры позволят усовершенствовать отечественное законодательство в сфере уголовного преследования преступлений против общественной нравственности и частично привести их в соответствии с международными нормами в указанной сфере.

***

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954. [Электронный ресурс] : Режим доступа - consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=345915&dst=0&rnd=BC8A58498EFB848B7C6A10BEFA0CC7B5#05092974977642246.
2. О проекте федерального закона «Об ограничениях оборота продукции, услуг и зрелищных мероприятий сексуального характера в Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 16.01.1998 г. № 2106-П ГД // СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 457.
3. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. [Электронный ресурс] : Режим доступа - <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17>.
4. Гудин, С. С. Проблемы легализации проституции в РФ / С. С. Гудин // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 2. - С. 88-92.
5. Дизер, О. А. Нормативно-правовые и организационные аспекты противодействия правонарушениям в области общественной нравственности / О. А. Дизер // Административное право и процесс. - 2019. - № 4. - С. 35-39.
6. Карязов, Н. В. Международно-правовые акты и их роль в борьбе с тор-говлей людьми / Н. В. Карязов // Бизнес в законе. - 2020. - № 5. - С. 162-165.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С.В. Дьякова и Н.Г. Кадникова. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 846 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А.В. Бриллиантова. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 884 с.
9. Комяк, Н. А. Проституция и половые извращения / Н. А. Комяк, Я. Ф. Комяк. - Минск: Право и экономика, 2018. - 192 с.
10. Николаева, Ю.В. Дифференциация преступлений против несовершенно-летних в России / Ю.В. Николаева. – Москва : Юрист, 2019. - 188 с.
11. Подгайнова, Я.В. Конструирование уголовно-правовых норм, предусматривающей ответственность за занятие проституцией / Я. В. Подгайнова // Бизнес в законе. - 2019. - № 3. - С. 132-137.
12. Пудовочкин, Ю. Е. Ответственность за преступления против несовер-шеннолетних / Ю.Е. Пудовочкин. – Москва: ИНФРА-М, 2018. - 320 с.
13. Савельева, В. С. Уголовная ответственность за преступления против несовершеннолетних. Учебное пособие / В.С. Савельева. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. - 128 с.
14. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2014. – 936 с.
15. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – Москва : Юрист, 2000. – 744 с.

Коростиев А.А.

Позиции Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека по защите права на изображение гражданина

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-139

ids: ljjournal-01-2021-139

*Научный руководитель
Рабец А.П.*

Аннотация

В работе проведен анализ позиций отечественных и зарубежных высших судов по проблематике охраны частной жизни. В частности, приведены наиболее встречающиеся в практике высших судов дела, отражающие понимание в целом по данному вопросу, и подходы правоприменителей по аспекту защиты прав на

изображение граждан в отдельных случаях. Сделан вывод о преимущественной защите прав на частную жизнь перед правом на получение информации.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, конкуренция норм права, право на изображение, позиции Верховного Суда Российской Федерации, европейская модель регулирования.

Abstract

The article analyzes the positions of Russian and foreign higher courts on the protection of private life. In particular, the article presents the most common cases in the practice of the highest courts, reflecting the understanding in general on this issue, and the approaches of law enforcement officers on the aspect of protecting the rights to the image of citizens in individual cases. The conclusion is made about the priority protection of the rights to private life over the right to receive information.

Keywords: European Court of Human Rights, competition of law, the right to image, positions of the Supreme Court of the Russian Federation, European regulatory model.

Право на охрану изображения по российскому законодательству получило самостоятельное выражение в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Позиции Верховного Суда РФ по защите права на изображение выражаются в ограничении обнародования и дальнейшего использования изображения гражданина, в случае его неправомерного использования третьими лицами. Вместе с этим, под обнародованием изображения гражданина по аналогии с положениями статьи 1268 ГК РФ необходимо понимать осуществление действия, которое впервые делает данное изображение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа либо любым другим способом, включая размещение его в сети "Интернет" [1, п. 43].

При этом, Верховный Суд не уточняет конкретный перечень действий, благодаря которому исходно полученное изображение может быть неправомерно обнародовано. Представляется, что к таким действиям, могут относиться: публикация спорных изображений в местных газетах, включения их телевизионными студиями в своих передачах, демонстрация изображения гражданина в фильме, использование изображений на рекламных баннерах, плакатах магазинов одежды и т.д.

Российский законодатель, регулируя данную сферу пошел по пути европейской модели. ГК РФ рассматривает изображение как неимущественное благо, а указаний относительно оборота прав на него не содержится. Само согласие на обнародование и использование изображения рассматривается как сделка, требования к форме которой определяются общими правилами ГК РФ. Из этого следует, что сделка по обнародованию и использованию изображения может быть заключена лишь дееспособным гражданином. Соответственно, несовершеннолетние до 14 лет самостоятельно дать согласие уже не могут (лишь с согласия законных представителей, в соответствии с п.1 ст. 28 ГК РФ).

Хотя сама возможность дачи согласия на использование изображения за плату судами не отрицается, логично предположить, что полное отчуждение права коммерческого использования изображения по российскому праву невозможно. На это ориентирует сама формулировка о неотчуждаемости и "непередаваемости иным способом" нематериальных благ (п. 1 ст. 150 ГК РФ).

Что касается допустимости согласия на использование изображения по модели исключительной лицензии, то фактически, разъяснений высших судов по данному поводу нет. В отсутствие прямого запрета на практике договоры по модели исключительной лицензии заключаются. К примеру, вот формулировка трудового договора с футбольным клубом "Локомотив": "Футболист предоставляет Клубу исключительные права на использование своего имиджа, то есть эксклюзивное право

использовать имя, образ, фото- и видеоизображения, графические и любые иные изображения Футболиста в рекламе любых компаний, товаров и услуг, а также в иных целях, без согласования с футболистом и без какой-либо оплаты, кроме предусмотренной настоящим Контрактом, и в течение срока, на который заключен настоящий Контракт (досрочное расторжение настоящего контракта не прекращает права Клуба на использование имиджа Футболиста).

Заслуживает упоминания позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении Пленума от 27.06.2013 года № 21, как в отношении общих подходов к применению судами Российской Федерации постановлений ЕСПЧ, так и в отношении вопроса об использовании изображения гражданина, в частности. В данном постановлении Верховный Суд, в целях единообразного применения Конвенции о защите прав и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция), разъясняет, что те позиции, которые содержатся в постановлениях ЕСПЧ, принятых в отношении других государств, учитываются российскими судами в том случае, если обстоятельства рассматриваемого дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов ЕСПЧ. Очевидно, что на практике вероятность «совпадения обстоятельств» разных дел, с учетом еще и разницы в правовом регулировании разных стран, - стремится к нулю. А если обстоятельства «не являются аналогичными», - правовая позиция не учитывается, и выводы ЕСПЧ не являются обязательными для российских судов.

Что касается стран Европы, то право гражданина на изображение традиционно рассматривается Европейским судом по правам человека в качестве элемента частной жизни [2]. Соответственно вмешательство в осуществление этого права не допускается, за исключением некоторых случаев.

Так, в соответствии с принципом оправданного вмешательства и последовательной прецедентной практикой Европейского Суда, ст. 10 Конвенции допускает журналистам обнародовать информацию по вопросам, представляющим всеобщий интерес, при условии, что они действуют добросовестно и на точной фактической основе, предоставляя "надежную и точную" информацию в соответствии с журналистской этикой. Тем не менее, на журналистах лежит обязанность тщательной проверки распространяемых о лице сведений, которые могут затронуть его честь, достоинство, репутацию или частную жизнь [3].

При этом, нередки случаи неправомерного распространения информации о частной жизни журналистами. Ярким примером неправомерного обнародования и использования изображения гражданина стало дело «Пек (Рек) против Соединенного Королевства» [4]. В данном случае заявитель, пытаясь покончить жизнь самоубийством, случайным образом попал на камеру оператора кабельного телевидения. Последний обратился в полицию, представители которой вмешались и спасли жизнь заявителю. В ходе данного инцидента был опубликован ряд материалов с изображением заявителя, которые, по его мнению, нарушали право на уважение частной жизни, гарантированное ст. 8 Конвенции.

В этой связи, необходимо понимать, что сама по себе фото- или же видеосъемка отдельного участника гражданских правоотношений не является посягательством на права других лиц, находящихся в непосредственной близости. Как видно из примера выше, оператор не собирался намеренно записывать видео с заявителем, последний случайным образом попал в объектив видеокамеры.

Баланс может быть достигнут лишь с помощью механизмов, предполагающих с одной стороны право каждого на свободное получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом, а с другой – право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на охрану своего изображения.

Неправомерно обнародовано и использовано изображение было допущено и в деле «Агеевы (Ageyevy) против Российской Федерации» [5]. Ссылаясь на статьи 8 и 13 Конвенции, заявители жаловались на то, что их право на уважение семейной и личной жизни было нарушено должностными лицами ожоговой больницы, которые предоставили журналистам и помощнику депутата российской Государственной Думы доступ к Г., его имени и медицинским данным и либо разрешили фотографировать и вести видеозапись, либо предоставили им такие материалы, в обоих случаях без согласия родителей.

Власти Российской Федерации не согласились с заявителями. Они признали, что должностные лица ожоговой больницы действительно разрешили доступ журналистов четырех национальных телеканалов в ожоговое отделение, разрешили им интервью с Г. и его съемки, предоставили информацию о его имени и состоянии, и все это сделали без согласия заявителей или самого Г. Кроме того, власти Российской Федерации не оспаривали, что Гер. получил фотографии Г. от одного из этих должностных лиц. Власти Российской Федерации утверждали, что фотографирование Г. врачами было оправдано медицинскими нуждами врачей, которые его лечили. Власти Российской Федерации также полагали, что передача фотографий Гер. была оправдана в соответствии со статьями 17, 37 и 39 Федерального закона от 8 мая 1994 г. N 3 "О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации", тогда как действия должностных лиц и журналистов были законными согласно части 5 статьи 61 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. В дальнейших объяснениях власти Российской Федерации ссылались на сведения, предоставленные ожоговой больницей, в которых отрицалось, что съемочные группы получили непосредственный доступ к Г. или интервьюировали его.

Европейский суд отмечает, что администрация больницы и органы здравоохранения не только раскрыли или передали третьим лицам медицинские, персональные и конфиденциальные данные, включая его имя (см. Постановление Европейского суда от 22 февраля 1994 г. по делу "Бургхарц против Швейцарии" (Burghartz v. Switzerland), § 24, Series A, N 280-B), фотографии, содержащие, в частности, данные медицинского характера (см. Постановление Европейского суда от 15 января 2009 г. по делу "Реклос и Давурлис против Греции" (Reklos and Davourlis v. Greece), жалоба N 1234/05, § 40) и его подробный диагноз (см. Решение Европейского суда от 21 февраля 2002 г. по делу "Шюссель против Австрии" (v. Austria), жалоба N 42409/98, Постановление Европейского суда от 27 августа 1997 г. по делу "M.S. против Швеции" (M.S. v. Sweden), § 31 - 35, Reports 1997-IV, и Постановление Европейского суда от 30 октября 2012 г. по делу "P. и S. против Польши" (P. and S. v. Poland), жалоба N 57375/08, § 128), но и разрешили прямой доступ телевизионных съемочных групп к мальчику, которому было три года, а его родители отсутствовали. Из обстоятельств дела и применимого национального законодательства (см. часть 1 статьи 61 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан в разделе "Применимое национальное законодательство" настоящего Постановления) следует, что в то время как ребенок находился в больнице, заявители имели право на защиту и уважение их личной и семейной жизни, и они не были информированы о вышеупомянутых действиях и не давали на него согласие.

Поскольку власти не требовали от причастных средств массовой информации никаких гарантий нераскрытия личности Г. и ввиду последующего освещения событий, включавшего массовое распространение всех упомянутых сведений, соответствующая информация была фактически раскрыта общественности в целом. С учетом данных соображений Европейский суд находит, что раскрытие этих данных ожоговой больницей и ее решение о предоставлении средствам массовой информации доступа к

Г. составляли вмешательство в право заявителей на уважение их личной и семейной жизни, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции.

Таким образом, при определении приоритета в защите прав, ЕСПЧ отдает предпочтение защите гражданских прав над свободой СМИ [6, с. 175]. В делах о защите права на изображение этот вопрос является ключевым, поскольку право на изображение гражданина конкурирует с правом на свободу информации. По мнению Капышевой А.К., столкновение права на свободу выражения и права на частную жизнь как двух основополагающих принципов Конвенции часто является предметом спора не только среди ученых, но и в судебной практике [7, с. 225]. Как указывает, П.Ю. Поздникин, анализ соотношения свободы слова и права на частную жизнь в практическом смысле приобретает особую актуальность. По мнению автора, право каждого человека на неприкосновенность его личной жизни и право на свободу выражения как основополагающие для демократического общества права требуют нахождения разумного баланса в каждом конкретном случае [8, с. 40].

Российский законодатель, в свою очередь, для обеспечения реализации баланса между правом на неприкосновенность частной жизни и правом на свободу распространения информации, указал что использование изображения гражданина без его согласия представляет собой ограничение прав, гарантируемых Конвенцией, и разъяснил, что в силу части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод должно быть: 1) основано на федеральном законе; 2) преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц; 3) являться необходимым в демократическом обществе (пропорционально преследуемой социально значимой, законной цели) [9].

Как показывает практика, страны Евросоюза включают понятие «изображение гражданина» в категорию персональных данных. Под определение персональных данных подпадает информация в любой форме, включая графическую, фотографическую, акустическую и т.д., т.е., в частности, рисунки, видеозаписи, фотографии. Таким образом, европейская модель предусматривает защиту права на изображение руководствуясь в том числе законодательством о персональных данных. Мнение российского законодателя по этому вопросу сходно: персональные данные являются частью информации о частной жизни гражданина, которая может его идентифицировать [10].

В связи с этим представляется интересной позиция ЕСПЧ по поводу защиты частной жизни в случае неправильной идентификации лица, изображенного на фотографии [11]. В указанном деле фотография заявительницы, на которой она была изображена аплодирующей на концерте, была опубликована в глянцевого журнала о стиле и моде, распространяемого по всей стране. В подписи под фотографией заявительница была ошибочно указана под именем другой женщины, а именно жены мэра города. Заявительница подала гражданский иск против издателя журнала, требуя возмещения убытков в связи с ошибочной подписью к ее фотографии. Национальные суды отклонили ее иск, заявив, что факты этого дела не являются основанием для присуждения денежной компенсации. ЕСПЧ согласился с позициями национальных судов, считая, что указание имени жены мэра рядом с фотографией заявительницы хотя и могло причинить заявительнице некоторое неудобство, но тем не менее уровень тяжести ситуации, связанной с неправильной подписью под фотографией, и неудобства, испытанные заявительницей, не давали оснований ни в контексте защиты заявительницей своего изображения, ни в контексте защиты ее чести и репутации о возникновении вопроса о возможном нарушении права частной жизни.

Европейская модель защиты права на изображение не лишена и узкого подхода. В странах ЕС признается лишь единое личное неимущественное право, составной частью которого является право на изображение. В рамках данного подхода признается и имущественный аспект, но поскольку он не является самостоятельным, то о широких возможностях распоряжения своим изображением речи идти не может. Это приводит к тому, что полное отчуждение права на изображение становится невозможным [12]. Остается лишь возможность дать согласие на использование изображения на возмездной основе путем заключения лицензионных соглашений. Но, поскольку согласие изображенного трактуется даже не в смысле соглашения, а в смысле основания для отказа в возмещении вреда по деликтному иску, распоряжение данным правом еще более сужается. Таким образом, суды отрицают возможность компенсации морального вреда за истцами. Тот факт, что имущественный интерес может быть возмещен лишь в тех случаях, когда истцы заранее заключили лицензионное соглашение и могли предоставить расчет убытков, на основе получаемых вознаграждений, представляется довольно убедительным.

Из приведённых решений высших судов Европы на сегодняшний день ясно видно разграничение прав, гарантированных статьями 8 и 10 Конвенции. При столкновении двух норм, доминирующей является норма о невмешательстве в частную жизнь. Остается надеяться на разумное применение Европейского опыта данных позиций в практике отечественных судов.

***

1. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. №8.
2. Постановление ЕСПЧ от 21.02.2002 по делу "Шюссель (Schussel) против Австрии" (жалоба N 42409/98) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана. (дата обращения: 15.12.2020).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. 2001. №2. ст. 163.
4. Постановление ЕСПЧ от 28.01.2003 по делу "Пек (Pesk) против Соединенного Королевства" (жалоба N 44647/98) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана. (дата обращения: 15.12.2020).
5. Постановление ЕСПЧ от 18.04.2013 "Дело "Агеевы (Ageyevy) против Российской Федерации" (жалоба N 7075/10) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана. (дата обращения: 15.12.2020).
6. Николаева А.А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. А. Николаева // Москва. 2014. 221 с.
7. Капышева А.К. Практика европейского суда по правам человека по рассмотрению дел о праве на собственное изображение // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2014. №3(35). С. 225-231.
8. Поздникин П.Ю. Право на частную жизнь и свобода слова: разумный баланс // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. №3. С. 38-44.
9. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Российская газета. 2013. №145.
10. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1997. №10. ст. 1127.
11. Информация о Решении ЕСПЧ от 31.10.2019 по делу "Вучина (Vucina) против Хорватии" (жалоба N 58955/13) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. №4.
12. Беляева К.К. Распоряжение правом на изображение в Российской Федерации и за рубежом // Вестник гражданского права. 2019. №2. С. 27-60.

Коростиев А.А.

Реестр коррупционеров и его роль в противодействии коррупции

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-140

idsp: ljjournal-01-2021-140

Аннотация

В данной работе рассмотрена новела законодательства о противодействии коррупции, посвященная реестру лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Уделено внимание месту данной новеллы среди остальных антикоррупционных норм, а также её роли в противодействии коррупции.

Ключевые слова: реестр коррупционеров, утрата доверия, противодействие коррупции, конфликт интересов, личная заинтересованность, антикоррупционные обязанности.

Abstract

This article examines a novelty of anti-corruption legislation, dedicated to the register of persons dismissed due to loss of trust. Attention is paid to the place of this novel among the other anti-corruption norms, as well as its role in anti-corruption.

Keywords: register of corrupt officials, loss of trust, anti-corruption, conflict of interest, personal interest, anti-corruption duties.

Одним из наиболее приоритетных направлений в политике Российской Федерации (далее – РФ) является противодействие коррупции. Государственные органы и органы муниципальной власти по вопросам, посвященным коррупции, уделяют повышенное внимание.

Антикоррупционная деятельность, помимо выявления и пресечения преступлений коррупционной направленности, включает в себя и профилактику предотвращения их появлений.

С 2017 года в Федеральный Закон о противодействии коррупции была введена норма, утвердившая ведение реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Как подчеркивают исследователи, норма, вводящая данный реестр, носила общий характер и говорила о необходимости включения сведений об уволенных служащих в такой реестр [1].

Основанием к созданию реестра послужила необходимость установления правовых барьеров для недопущения повторного трудоустройства не внушающих доверие кадров, и возможность составить представителем нанимателя (работодателем) собственного мнения о претенденте на соответствующую должность [2, с. 19].

Критерии деяний государственных и муниципальных служащих, способствующих попаданию в черный список, раскрыты законодателем в ст. 13.1 Закона о противодействии коррупции. К таким действиям отнесены:

- 1) неприятия лицом мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого оно является;
- 2) непредставления лицом, супругой или супругом, а также несовершеннолетними детьми сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а равно предоставление заведомо недостоверных или неполных сведений;
- 3) участия лица на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации;
- 4) осуществления лицом предпринимательской деятельности, или же

- 5) вхождения лица в состав органов управления иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории РФ их структурных подразделений.

Как видно из статьи закона список является закрытым. Однако его можно дополнить новым положением, введенным с 2013 года в ч. 1 ст. 59.2 Закона о государственной гражданской службе, касающимся запрета гражданским служащим и членам его семьи открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

Информацию о лицах, уволенных в связи с утратой доверия, должны заносить в реестр госорганы и органы местного самоуправления, в которых работали утратившие доверие служащие [3].

По состоянию на 7 сентября 2020 г. на официальном сайте государственной службы числилось 2294 лица, уволенных в связи с утратой доверия [4]. Необходимо заметить, что данный список постоянно пополняется. В него входят представители различных ведомств, в их числе: сотрудники правоохранительных органов, представители законодательной власти субъектов РФ (депутаты), инспекторы ДПС ГИБДД, судебные приставы, главные врачи медицинских учреждений, представители исполнительной власти (главы, заместители глав администраций субъектов, муниципальных образований), преподаватели учебных заведений различного уровня, сотрудники таможни, прокуратуры, представители пенсионного фонда РФ, налоговой службы, секретари судебных заседаний, представители МЧС России и другие.

По частоте, среди коррупционных правонарушений лидирует непринятие публичным служащим мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является [5, с. 61].

Исходя из определения конфликта интересов для подтверждения того, что конкретная ситуация является конфликтом интересов, первоначально необходимо достоверно установить одновременное наличие следующих обстоятельств [7]:

- 1) наличие личной заинтересованности.

Личной заинтересованностью является возможность получения дохода или выгоды должностным лицом и (или) лицами, с которыми связана личная заинтересованность должностного лица.

Личная заинтересованность должностного лица обусловлена возможностью получения доходов (включая доходы, полученные в виде имущественной выгоды), а также иных выгод. К доходам, в частности, относится получение: а) денег (в наличной и безналичной форме); б) иного имущества, под которым понимаются вещи (недвижимость, транспортные средства, драгоценности, документарные ценные бумаги и т.д.), бездокументарные ценные бумаги и имущественные права (право требования кредитора и иные права, имеющие денежное выражение, например исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, предполагающие возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться имуществом, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и др.); в) услуг имущественного характера; г) результатов выполненных работ; д) имущественных выгод, в том числе освобождение от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами).

В качестве примера увольнения в связи с непринятием мер об урегулировании конфликта интересов, можно привести члена комиссии по проведению аукциона М.

Последний был уволен по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК, конфликт интересов возник, когда в аукционе на право заключения договора аренды земельного участка приняла участие его жена [8].

Еще одним примером выступает случай, когда мать супруги служащего была единственным участником общества. С данным ООО служащий от имени местной администрации подписал контракт и в дальнейшем принял работы по нему. В силу личной заинтересованности служащего, организация получила доходы, выгоды и преимущества, также ей не были выставлены штрафы за просрочку работ [9].

Достаточно распространены и другие коррупционные правонарушения государственных служащих: а) непредставление сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений; б) несоблюдение установленных федеральными законами антикоррупционных обязанностей, ограничений, запретов, требований к служебному поведению; в) неуведомление представителя нанимателя (работодателя), органов прокуратуры обо всех случаях обращения к служащему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений.

В качестве примера представления заведомо неполных сведений о доходах можно привести следующий случай: Т. обратилась в суд с иском к Управлению Росздравнадзора по Свердловской области об оспаривании законности увольнения [10]. В период с 2007 по 2018 г. она проходила государственную гражданскую службу в Управлении Росздравнадзора по Свердловской области. Была уволена 05.04.2018 по мотиву утраты доверия представителем нанимателя на основании п. 2 ч. 1 ст. 59.2 Федерального закона от 27.07.2004 N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации". Увольнению предшествовало проведение ответчиком проверки достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных истцом за 2014 - 2016 гг., по результатам которой установлены факты предоставления истцом за указанный период неполной и недостоверной информации как в отношении себя, так и своего супруга В.

Как указал суд апелляционной инстанции, неуказание в справке счета с остатком денежных средств в размере 185 000 руб. и дохода от вкладов в сумме 6 578,63 руб., предоставление недостоверной информации о площади объекта недвижимости, находящегося в пользовании (при этом разница между площадью части дома, указанной истцом, и площадью, указанной в договорах о пользовании, превышает 5%) являются, безусловно, существенными нарушениями, которые в совокупности с иными нарушениями при предоставлении сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, допущавшимися истцом к тому же на протяжении трех лет, т.е. систематически, давали представителю нанимателя право на применение к истцу меры дисциплинарного взыскания в виде увольнения.

Примером неуведомления представителя нанимателя (работодателя) о случае обращения к служащему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений может послужить отказ в удовлетворении исковых требований Л.И.Е. о восстановлении на работе [11]. Судебными постановлениями установлено, что Л.И.Е. - заместитель начальника ОГИБДД ОМВД России по Серебряно-Прудскому району не сообщил представителю работодателя о факте склонения к совершению коррупционного правонарушения, а именно, по факту обращения к нему гражданина М.В., чем Л.И.Е. нарушил требования п. п. 1, 3 ФЗ от 25.12.2008 г. "О противодействии коррупции" п. 14 ч. 1 статьи 12 Закона N 342-ФЗ "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации" ст. 27 Закона "О полиции" и т.д., в связи с чем был уволен из органов МВД.

По другому делу, главный специалист-эксперт отдела сохранности автомобильных дорог и организации безопасности дорожного движения Т. была уволена с формулировкой «в связи с утратой доверия к гражданскому служащему» [12]. По результатам служебной проверки было установлено, что Т. представила недостоверные сведения по двум банковским счетам, одному счету супруга в ОАО "...", не указала сведения по семи банковским счетам, открытыми на имя супруга и находящихся на них денежных средствах в общей сумме 1 841 846,45 рублей; указала недостоверно площади недвижимого имущества за отчетный период; не указала объекты недвижимости: земельный участок площадью 1085 кв. м с индивидуальным жилым домом площадью 26,8 кв. м, принадлежащие супругу на основании договора купли-продажи, а также не указала квартиру, находящуюся в собственности супруга.

Как видно из примеров, приведенных выше, причиной создания реестра послужило резко возросшее число коррупционных преступлений. Так, например, в период с 2012 по 2015 г. в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения были уволены 1200 чиновников [13]. В 2016 году по причине утраты доверия было уволено около 400 служащих, а в первом полугодии 2017 года уже более 900 человек [14, с. 317]. По итогам заседания Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 30 октября 2013 г. было дано поручение главы государства от 14 ноября 2013 г. N Пр-2689 Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации подготовить предложения о формировании и обнародовании списка лиц, уволенных в связи с утратой доверия в целях недопущения в дальнейшем их поступления на государственную службу. Спустя три года реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, был впервые упомянут в Федеральном законе от 01.07.2017 № 132-ФЗ [15]. Целью введения данных изменений, по мнению заместителя Министра труда и социальной защиты А.А. Черкасова, являлось информирование государственных органов и органов местного самоуправления о соблюдении претендентами требований законодательства о противодействии коррупции.

Здесь возникает вопрос: для кого в первую очередь создается и публикуется данный реестр, если кадровые службы и без реестра, исходя из записей в трудовой книжке узнают, что ранее лицо было уволено с государственной службы в связи с утратой доверия?

По этому поводу высказался председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов: «Раньше в России была история только с бумажным носителем, то есть трудовой книжкой, которую можно было "потерять" или провести другие махинации. Уже встречались эпизоды, когда люди, будучи уволенными по статье, устраивались на муниципальную службу. За подделку документов в этом случае никто никакой ответственности не нес. Дело заканчивалось отговоркой в том духе, что "кадры перепутали", особенно если речь шла о региональном уровне. В советское время если говорили, что сотрудника уволят с "волчьим билетом", то было всем понятно, что никуда этот человек больше не устроится и все будут от него шарахаться, как от прокаженного» [16].

Действительно, до создания реестра при увольнении в связи с утратой доверия, в трудовых книжках делалась отметка о причине увольнения. Однако эту информацию можно было скрыть при дальнейшем трудоустройстве, сославшись на потерю трудовой книжки. В крайнем случае ее подделывали. С момента введения реестра в силу, такая возможность у недобросовестных служащих пропала.

Другим препятствием для трудоустройства коррупционеров стало получение согласие специальной комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов на замещение гражданином на условиях трудового договора должности в

организации и (или) на выполнение в данной организации работ (оказание данной организации услуг) на условиях гражданско-правового договора [17].

Получать данное согласие, в соответствии с ч.1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции необходимо в течении двух лет после увольнения гражданина, замещавшего должность государственной или муниципальной службы [18].

В связи с введением в действие ст. 15 Закона о противодействии коррупции, регламентирующей ведение списка коррупционеров, были приведены в соответствие законы и акты об отдельных видах государственной службы. Так, непосредственному дополнению подверглись: Трудовой кодекс РФ, согласно которому установлена обязательность включения представителем нанимателя (работодателем) работников, уволенных по утрате доверия, в такой реестр; Закон о муниципальной службе в РФ - ч. 7 ст. 27.1, в соответствии с которой сведения об увольнении в связи с утратой доверия должны включаться в антикоррупционный реестр [19]. Были дополнены нормами, дублирующими положения ст. 15 Закона о противодействии коррупции: Закон о службе в таможенных органах РФ, Закон о воинской обязанности и военной службе, Закон о государственной гражданской службе РФ, Закон о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, Закон о службе в федеральной противопожарной службе.

Более подробный порядок ведения и исключения из реестра утративших доверие лиц, определен Постановлением Правительства РФ от 05.03.2018 № 228 "О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия" [20]. К примеру, сведения из такого реестра подлежат исключению, в следующих случаях:

- при отмене акта о применении взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;
- при вступлении в установленном порядке в законную силу решения суда об отмене акта о применении взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;
- при истечении 5 лет со дня принятия акта о применении взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;
- а также при смерти лица, к которому было применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения.

Реестр размещается в открытом доступе на официальном сайте в алфавитном порядке (в формате PDF) и содержит: порядковый номер; фамилию, имя и отчество лица, к которому применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения; наименование органа (организации), в котором замещало должность лицо, к которому было применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения; наименование должности, замещаемой на момент применения взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения; положение нормативного правового акта, требования которого были нарушены и послужившее основанием для увольнения (освобождения от должности) лица в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения; дату соответствующего акта о применении взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения; дату размещения информации на официальном сайте единой системы.

Вышеуказанные сведения размещаются в реестре в течение 10 рабочих дней со дня применения взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения. Сведения считаются внесенными в единую систему после их подписания усиленной квалифицированной электронной подписью ответственным должностным лицом. Для поиска сведений о конкретном лице, внесенном в реестр, необходимо знать только его Ф.И.О.

Сама процедура ведения списка лиц, утративших доверие, достаточно похожа с процедурой дью-дилидженса (от англ. due diligence), в ходе которой выявляется оценка коррупционных рисков и добросовестности при работе с контрагентами [21]. При этом, в данном случае вместо контрагентов, субъектами проверки будут выступать предполагаемые будущие работники организации.

Стоит заметить, что не только Закон о противодействии коррупции содержит положения о реестре коррупционеров. В большинстве случаев, специальные законы его дублируют в части ограничений, запретов и обязанностей государственных или муниципальных служащих. Таким образом, нормы специальных законов в отношении Закона о противодействии коррупции, имеют по большей части отсылочный, нежели самостоятельный характер.

Необходимо также заметить, что Положение о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 5 марта 2018 года № 228 лишь закрепляет правила ведения такого реестра, но ничего не говорит о правовых последствиях включения в него сведений об увольнении гражданского служащего за утрату доверия [22]. Возникает соответствующий вопрос, может ли госслужащий, утративший доверие, вновь поступить на государственную или муниципальную службу?

Если рассматривать логически, то кандидату на должность естественным образом будет отказано [23]. Однако если рассматривать данный вопрос формально-юридически, то ни в Законе о противодействии коррупции, ни в Законе о государственной гражданской службе Российской Федерации не сказано, что повторное поступление на государственную службу граждан из "черного" списка запрещено. Соответственно реестр не несет в себе никаких запретительных мер, а данная норма не ограничивает доступ к государственной службе и, по мнению некоторых исследователей, является декларативной [24].

Из этого следует, что включение в реестр не является законным запретом при приеме на работу, оставляя возможность трудоустройства коррупционера в другую бюджетную организацию. В свою очередь у представителя нанимателя (работодателя) появляется право выбора по своему усмотрению принимать решение о трудоустройстве коррупционера.

Данный пробел, предлагают скорректировать дополнением ст. 15 Федерального закона "О противодействии коррупции" частью 5, устанавливающей, что гражданин, сведения о котором включены в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, не может быть принят на государственную и муниципальную службу. При этом, статья 16 Закона о государственной гражданской службе предусматривает невозможность принятия на гражданскую службу, нахождения на службе в случае утраты представителем нанимателя доверия к гражданскому служащему при несоблюдении ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Если рассматривать федеральные законы, регламентирующие иные виды государственной службы, такого ограничения они не предусматривают, а лишь содержат ссылку на распространение требований ст.ст. 17, 18 и 20 Закона о государственной гражданской службе, а ст. 16 не упоминают [25]. Таким образом, включение в реестр формально не запрещает служащим повторно

трудоустроиться на службу в тот же самый или другой орган. Для распространения данного запрета, представляется необходимым привести законодательные акты об отдельных видах службы в соответствие со ст. 16 Закона о государственной гражданской службе в РФ.

В связи с этим, представляется верным тезис, об отсутствии ограничений на поступление коррупционеров-военнослужащих на работу в негосударственные коммерческие организации, высказываемый некоторыми авторами [26, с. 129].

При этом, военнослужащие, находившиеся на службе, замещение которой связано с коррупционными рисками, согласно Указам Президента РФ № 557 и 925, имеют право замещать должности и выполнять работу на условиях гражданско-правового договора в коммерческих организациях, если отдельные функции по государственному управлению этими организациями входили в должностные (служебные) обязанности федерального государственного служащего, с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов [27]. При этом, при заключении трудовых договоров и (или) гражданско-правовых договоров, бывший служащий обязан сообщить работодателю сведения о последнем месте государственной службы с соблюдением законодательства РФ о государственной тайне.

Как отмечают некоторые исследователи, включение в реестр лиц с запретом на последующее принятие их на государственную гражданскую службу является по своей сути дисквалификацией со стороны конкретного представителя нанимателя (работодателя) [29]. Отличие утраты доверия от дисквалификации в данном случае различается по виду ответственности и органу, применяющему соответствующее взыскание. Первая по виду ответственности является дисциплинарной и налагается представителем нанимателя (работодателем), в то время как дисквалификация – суть ответственность административная, налагаемая судом.

Соответственно, увольнение в связи с утратой доверия является дисциплинарным взысканием за совершение дисциплинарного проступка, поэтому оно возможно только после соблюдения конкретной процедуры. Для государственных служащих процедура определена ст. 59.3 Закона N 79-ФЗ, для муниципальных служащих - ст. 27.1 Закона N 25-ФЗ, для работников государственной корпорации (компании), публично-правовой компании - ст.ст. 192, 193 ТК РФ.

С момента введения антикоррупционного реестра, ситуация с трудоустройством коррупционеров стала весьма неоднозначной. С одной стороны, у недобросовестных чиновников пропала возможность попасть на госслужбу с подделанной трудовой книжкой, так как сам подбор кандидатов на должность государственной или муниципальной службы будет включать этап проверки нахождение в списке коррупционеров. С другой стороны, само по себе нахождение лица в таком реестре не ограничивает возможность в поступлении на государственную и муниципальную службу в тот же, либо в другой орган государственной или муниципальной службы. В любом случае, принимать окончательное решение будет отдел кадров.

***

1. Шадрин Т. О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия // Силы министерства и ведомства: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 2. С. 62 - 65.
2. Абзалова А.М. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия как инструмент минимизации коррупционных проявлений при трудоустройстве на службу в органы внутренних дел // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 18-21.
3. Королева Я.Ю. Коррупционеров внесут в реестр, чиновников - в информационную систему // Руководитель бюджетной организации. 2018. № 3. С. 53 - 57.
4. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gossiluzhba.gov.ru/reestr> (дата обращения: 15.09.2020).

5. Хабибулина О.В. Правовое регулирование репутационных ограничений равного доступа граждан РФ на государственную службу // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. Т. 20. № 4. С. 57-67.
6. Лаврентьев А.Р. О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия // В сборнике: Права человека и правоохранительная деятельность (памяти профессора А.В. Зиновьева). Материалы региональной научно-практической конференции. Составитель: Андрейцо С.Ю., 2017. С. 117-123.
7. О методических рекомендациях по вопросам привлечения к ответственности должностных лиц за непринятие мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов: Письмо Минтруда России от 26.07.2018 N 18-0/10/П-5146 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Орловский Ю.П., Нуртдинова А.Ф., Чиканова Л.А. Настольная книга кадровика: юридические аспекты / отв. ред. Ю.П. Орловский. 3-е изд. М.: КОНТРАКТ, 2018. 372 с.
9. Апелляционное определение Брянского областного суда от 16.09.2014. // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 05.10.2018 по делу N 33-16029/2018 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Апелляционное определение Московского областного суда от 08.08.2016 по делу N 33-21151/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 23.05.2017 по делу N 33-5002/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Гришковец А.А. Административная ответственность государственных гражданских служащих: состояние и перспективы развития // Административное право и процесс. 2018. N 2. С. 38 - 48.
14. Волохова Т.И., Макарова Е.А. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, как инструмент профилактики коррупции // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 9 (43). С. 316-318.
15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части размещения в государственной информационной системе в области государственной службы сведений о применении взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений: Федеральный закон от 01.07.2017 № 132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 27. Ст. 3929.
16. Список законченных карьер. Как будет работать реестр коррупционеров // Газета Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3512760> (дата обращения – 16.09.2020).
17. Светличный А.В. Комплаенс. Меры по предупреждению коррупции в организации // Юрист. 2017. N 18. С. 34 - 39.
18. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. N 52 (ч. 1), ст. 6228; 2020. N 17, ст. 2721.
19. Куковинцева С.А. О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2018. N 2. С. 57 - 62.
20. О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия: Постановление Правительства РФ от 05.03.2018 N 228 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 12, ст. 1678.
21. Меры по предупреждению коррупции в организациях (утв. Минтрудом России) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Пресняков М.В. Антикоррупционные стандарты на государственной службе: проблемы правовой определенности // Административное право и процесс. 2019. N 11. С. 6 - 12.
23. Козлов В.В. Система антикоррупционных административно-правовых запретов и ограничений // Административное право и процесс. 2019. N 10. С. 63 - 65.
24. Гончарук Н.С. Изменения Федерального закона N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" в части усиления административно-правовых мер противодействия коррупции в органах государственной власти // Безопасность бизнеса. 2019. N 1. С. 51 - 57.
25. Козлов Т.Л. Перспективы развития российского законодательства о противодействии коррупции // Журнал российского права. 2020. N 5. С. 158 - 166.
26. Иванов Р.В., Корякин В.М. Реестры "неблагонадежных лиц" как инструмент профилактики коррупции в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд военных организаций // Военное право. 2019. № 5 (57). С. 129.
27. О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции": Указ Президента РФ от 21.07.2010 № 925;
28. Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей: Указ Президента РФ от 18.05.2009 № 557.
29. Ильяков А.Д. Конституционность практики включения в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия // Современное право. 2019. N 3. С. 38 - 41.

Куандыкова К.К., Чуракова Е.Н.

Использование скриншотов в качестве доказательств в арбитражном процессе

Самарский государственный экономический университет
(Россия, Самара)

doi: 10.18411/lj-01-2021-141

idsp: ljjournal-01-2021-141

Аннотация

Рассмотрены сущность и виды доказательств в соответствии с положениями арбитражного процессуального законодательства. Приведена характеристика скриншота как мгновенного снимка с экрана и специфика его применения в качестве доказательства при рассмотрении и разрешении арбитражного спора в суде. Выделены особенности применения норм института предварительного обеспечения в контексте удостоверения информации, полученной из сети «Интернет». Предложены меры, оптимизирующие процесс представления скриншота в качестве доказательственного средства.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, письменные и вещественные доказательства, скриншот, компьютерное обеспечение, технические средства.

Abstract

The essence and types of evidence are considered in accordance with the provisions of the arbitration procedural legislation. The article describes the screenshot as an instant snapshot from the screen and the specifics of its use as evidence in the consideration and resolution of an arbitration dispute in court. The features of the application of the norms of the institute of preliminary security in the context of certification of information obtained from the Internet are highlighted. Measures that optimize the process of presenting a screenshot as an evidentiary tool are proposed.

Keywords: arbitration proceedings, written and physical evidence, screenshot, computer software, technical means

Развитие информационного экономико-правового пространства обусловило активное применение информационных технологий в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в системе отраслей российского права, включающего в числе прочих арбитражный процесс. Так, система и особенности, применяемых в рамках судопроизводства доказательств, также видоизменилась под воздействием процессов цифровизации, что определяет актуальность проводимого исследования, которая связана с изучением особенностей представления и оценки такого вида доказательства как скриншот при рассмотрении и разрешении арбитражных дел.

Скриншот как мгновенный снимок экрана используется для представления в суде документов, полученных из информационной-телекоммуникационной сети «Интернет» и сайтов, посредством которых осуществляется переписка между сторонами и иными участниками процесса [5, с. 181]. Обращаясь к правоприменительной практике использования скриншотов в качестве доказательственных средств в арбитражном процессе, стоит сослаться на п. 1 ст. 75 АПК РФ, в соответствии с которым выполненные в цифровой форме документы, справки, акты и деловая корреспонденция, принципиальные для рассмотрения дела в суде, могут интерпретироваться в качестве письменных доказательств. Суд может требовать предоставления оригиналов документов в то случае, если копии были получены в электронном виде, а сами документы, которые получены посредством использования сети «Интернет» допускаются к использованию в качестве письменных доказательств при соблюдении требований нормативно-правовых актов РФ.

Несмотря на то, что в системе АПК РФ не раскрываются особенности изготовления, заверения и использования «скриншотов» в системе применяемых доказательственных средств, тем не менее, о практике использования скриншотов в качестве доказательств дал разъяснение Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 (далее – Постановление N 10). Так, в соответствии с п. 55 Постановления распечатки материалов, размещённые в телекоммуникационной сети «Интернет, то есть так называемые скриншоты, оцениваются судом наравне с иными доказательствами при соблюдении ряда требований:

- 1) распечатки материалов сделаны и заверены в установленном порядке;
- 2) указан адрес интернет-страницы, с которой участник дела сделал распечатку;
- 3) в качестве обязательного реквизита выступает точное время получения распечатки материала [7].

В итоге, как следует из норм АПК РФ и Постановления N 10, скриншоты, интерпретируемые в качестве документов, выполненных в форме цифровой записи, признаются допустимым доказательством в рамках арбитражного процесса в том случае, если они выполнены в качестве распечаток материалов, т.е. в письменной форме.

Безусловно, в данном контексте ведутся споры на предмет того, допустимо ли считать скриншот в качестве письменного, а не, к примеру, автономного электронного вида доказательств. На этот счет у представителей научной общественности существуют различные точки зрения. К примеру, Решетникова И. В. идентифицирует скриншоты как производные доказательства [4, с. 522], Борискина Н. И. предлагает считаться скриншоты электронными доказательствами, существование которых обусловлено воздействием научно – технического прогресса [3, с. 78]. В свою очередь Дёмин А.А. полагает, что скриншоты в равной степени не относятся ни к электронным, ни к письменным доказательствам, а Шкурова П.Д. отстаивает точку зрения о том, что скриншот – это есть ни что иное, как «производный электронный документ» [2, с. 396].

Дополнительно при обсуждении практики использования скриншотов в качестве доказательств в арбитражном процессе возникает вопрос о том, как нивелировать риск, возникающий в контексте того, что в любой промежуток времени информация, представляемая на странице Интернета, может быть изменена или удалена правообладателем, что вызывает сложности в представлении скриншота в качестве доказательства стороной спора.

Отчасти указанная проблема может быть решена с использованием норм института обеспечения доказательств. К примеру, практика обеспечения доказательств распространена при защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, которые в соответствии с ч. 7 п. 6 ст. 27 АПК РФ входит в компетенцию арбитражных судов [1]. В таком случае, истец, ходатайствующий об удовлетворении своих интересов, вправе обратиться к нотариусу в целях удостоверения информации, размещенной в сети Интернет, на определённую дату. Так, в соответствии со ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, в полномочия нотариуса входит обеспечение доказательств в том случае, если есть предположение ожидать, что со временем представление данных доказательств станет затруднительным или невозможным [8]. Подобная правоприменительная практика способствует оперативному сохранению спорной информации, однако следует подразумевать, что если информация уже подверглась видоизменению или удалению, то нотариальное обеспечение произвести довольно сложно.

В таком случае арбитражные суды могут осуществлять осмотр сайта с целью поиска информации, выступающей предметом представляемых доказательств. Современные информационные технологии позволяют произвести осмотр сохраненной версии удалённой страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» из КЭШа конкретной поисковой системы [7]. Таким образом, суд, исследуя материалы дела и доказательства, может исследовать архивную копию страницы Интернета, на которой располагалась в определенное время спорная информация.

Безусловно, практика произведения осмотра сайта сопряжена с проблемами, вызванными особенностями исследования данного вида доказательств. Так, осмотр скриншота существенно отличается от осмотра письменных и вещественных доказательств, порядок которого устанавливается в ст. 78 АПК РФ. В данном случае слабая компетентность судьи, производящего осмотр, в сфере информационно-коммуникационных технологий, недостаточный уровень компьютерной грамотности может существенно затруднить процесс доказывания для стороны арбитражного спора. В этом смысле ряд ученых говорит о целесообразности разработки методических рекомендаций по осуществлению осмотра сайтов и страниц в сети «Интернет» и утверждению их на законодательном уровне. Также разумной видится возможность привлечения специалистов в сфере информатизации и технического обеспечения с тем, чтобы процесс получения доказательств был максимально результативным и объективным.

На практике скриншоты используются давно. Примером можно привести, дело от 23 июня 2020 г. № А36-58/2020, когда арбитражный суд Липецкой области использовал систему доказательств иных средств. Общество с ограниченной ответственностью «1С: Франчайзи А-Софт» обратилось в Арбитражный суд Липецкой области с иском к муниципальному бюджетному учреждению культуры «Поселенческий центр культуры и досуга сельского поселения Баловневский сельсовет Данковского муниципального района Липецкой области РФ» о взыскании задолженности по договору информационно-технологического сопровождения для системы программ «1С:Предприятие» за пользование чужими денежными средствами. Проанализировав представленные в материалы дела скриншоты программсуд пришел к выводу о том что оказание услуг во втором полугодии 2017 г. истцом документально подтверждено. Суд применил ст. 65 АПК РФ, а также оценив по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности в соответствии со ст. 71 АПК РФ. Суд признал, что исковые требования подлежат удовлетворению в полном объеме.

Ещё одним примером, когда использовали скриншот для решение дела является дело от 13 марта 2020 г. № А40-334603/2019. В Арбитражный суд г.Москвы обратилось Управление продовольственного обеспечения и обслуживания службы хозяйственного обеспечения федеральной службы охраны РФ с иском к коммерческому банку "ИНТЕРПРОМБАНК" о взыскании задолженности по банковской гарантии №ЕТ4418-И/078461, и неустойку за просрочку. На представленном в материалах дела скриншоте интернет-страницы электронной почты истца можно установить: адрес электронной почты кому адресовано электронное сообщение - E-mail: info@interprombank.ru, что соответствует адресу, указанному в банковской гарантии. Использование скриншотов в качестве доказательств регулируется ч.3 ст.75 АПК РФ. Распечатки с интернет-сайта имеют доказательную силу, поскольку содержат информацию о дате и времени их получения, наименовании сайта и принадлежности заявителю. Суд в соответствии с ст.65 АПК РФ решил полностью удовлетворить иск.

В заключении стоит отметить, что необходимо разработать и интегрировать в судебную практику методические рекомендации осуществления осмотра сайтов как

инструмента получения доказательства с параллельным совершенствованием знаний в сфере программного обеспечения и использования компьютерной техники всех участников судопроизводства. Данное действие упростит использование скриншота как мгновенного снимка с экрана компьютера в качестве доказательства в арбитражном и иных видах судопроизводства.

***

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения 18.10.2020)
2. Гаврилов Е.В. К вопросу о месте скриншотов в системе доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Технологии XXI века в юриспруденции. Материалы Второй международной научно-практической конференции. Под редакцией Д.В. Бахтеева. 2020. - С. 393-397.
3. Гаврилов Е.В. Скриншот как доказательство в арбитражном процессе // Арбитражные споры. - 2020. - № 2 (90). - С. 75-92.
4. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, В. П. Воложанин [и др.]; отв. ред. В. В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2017. – 720 с.
5. Иванова Е.В. Скриншот - цифровая возможность в процессе доказывания: проблемные аспекты // Право и государство: теория и практика. - 2019. - № 12 (180). - С. 180-182.
6. Макаров М. А. Использование скриншотов в качестве доказательств в российском арбитражном процессе // Молодой ученый. - 2019. - № 1 (239). - С. 107-109.
7. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения 25.11.2020)
8. Порохов М.Ю. Новые виды доказательств в практике арбитражных судов // Актуальные проблемы частного и публичного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Составитель В.А. Максимов. - 2019. - С. 136-140.

Мирзаева А.А.

Круг лиц, которые могут быть признаны несостоятельными, и принцип справедливости: некоторые вопросы соотношения

*Московский финансово-юридический университет МФЮА
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-142

ids: ljjournal-01-2021-142

Аннотация

Представленная статья посвящена рассмотрению достаточно узкого «места» реализации общеправового принципа справедливости в рамках отношений по признанию субъектов гражданского оборота несостоятельными, а именно круга лиц, которые не могут быть признаны банкротами. Отмечается наличие легально предусмотренных исключений из принципа равенства субъектов гражданско-правовых отношений. Обращается внимание на несоблюдение принципа справедливости при определении данного круга организационно-правовых форм.

Ключевые слова: юридические лица, признание банкротом, принцип справедливости.

Abstract

Presented article is devoted to fairly narrow «places» implementation of the General legal principle of fairness in the framework of relations for the recognition of subjects of civil turnover untenable, namely a circle of persons which cannot be declared insolvent. It is noted that there are legally stipulated exceptions to the principle of equality of subjects of civil

relations. Attention is drawn to the non-observance of the principle of fairness in determining this range of organizational and legal forms.

Keywords: legal entities, recognition of bankruptcy, the principle of justice.

Банкротство, за период его существования в современных рыночных отношениях, уже стало полноценным инструментом и институтом отечественной правовой парадигмы. Оно позволяет избавить гражданский оборот от «нерадивых предпринимателей» и цивилизованно разрешать конфликты между должниками и кредиторами. Будет верным также констатировать и значение изучаемого явления как одного из проявлений концепта принципа справедливости.

Между тем, что же представляет собой справедливость? Анализ специальной литературы по данному вопросу позволяет говорить о многоаспектном трактовании существа этого явления. К примеру, как цели публичного управления, как инструмента такового, и, наконец, как особого принципа [1; С. 99]. Именно в последнем разрезе представленная категория используется чаще всего, что, однако, не позволяет говорить о наличии ее устоявшегося понимания, но чаще всего ее суть рассматривается как как «некий компромисс интересов отдельных людей, социальных групп» [2; С. 6].

Особенное звучание категория справедливости принимает в отношениях в сфере банкротства. Базовый конфликт между должником и кредитором должен получать разумное разрешение, невозможное без ориентации на справедливое нахождение компромисса. По весьма обоснованному пониманию ряда авторов, справедливость позволяет в общезначимом смысле нивелировать негативное влияние на гражданский оборот тех его участников, которые не смогли выполнить принятые на себя обязанности [3; С. 24].

Сам ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ о банкротстве) [4] (как и его предшественники) не определяет справедливость как основополагающий принцип банкротства. Однако роль и значение принципа справедливости в изучаемой нише были не раз раскрыты правоприменителем, в том числе и Конституционным Судом РФ – еще в 2002 г. указанный орган дополнительно подчеркнул, что цель всего процесса несостоятельности состоит в удовлетворении частно-экономических интересов, т.е. «справедливом и соразмерном удовлетворении требований кредиторов» [5].

Аналогичную позицию содержат и новейшие источники судебной практики [6]. Подобное понимание неоднократно было предметом и теоретических исследований [8]. Как верно отмечает В.А. Вайпан: «В практике дел о несостоятельности (банкротстве) имеется много примеров подобного решения дел на основе поиска баланса интересов сторон в контексте справедливости. При этом выделяются различные разновидности юридических приемов (подходов, критериев) по выявлению справедливого баланса интересов субъектов предпринимательской деятельности» [9; С. 108]. Тот же автор подчеркивает, что справедливость выражается в нормативных требованиях, а именно в закреплении правовыми предписаниями равных правовых возможностей для всех субъектов [10; С. 17].

Отметим, что как раз с субъектным составом отношений в сфере несостоятельности все достаточно просто – перечень таких лиц четко закреплён в п. 1 ст. 34 ФЗ о банкротстве. В качестве основного субъекта в данном перечне, конечно же, следует выделять должника. Чаще всего банкротами становятся организации, наделяемые сущностным признаком имущественной обособленности для удовлетворения любого кредиторского интереса. ФЗ о банкротстве не обозначает круг организаций, подлежащих, при наличии указанных им же признаков, проведению процедур банкротства. Между тем, более детальный анализ ГК РФ и фундирующего акта в этой сфере позволяет обозначить наличие дифференцированного подхода законодателя к различным организационно-правовым формам таковых.

С одной стороны, ФЗ о банкротстве, а точнее его глава IX «Особенности банкротства отдельных категорий должников – юридических лиц», предусматривает существование значительных особенностей в установлении правил признания несостоятельными отдельных юридических лиц.

Так, очевидно, что применение классических правил о банкротстве не целесообразно в отношении кредитных организаций. Слишком размытые сроки способны исключить возможность восстановления имущественного положения должника и своевременного удовлетворения интересов кредиторов.

Изначально указанная глава не была столь обширна, в частности, в 2011 г. она была дополнена § 7 «Банкротство застройщиков». Специальные нормы скорректировали применительно к банкротству застройщиков общую очередность удовлетворения требований кредиторов, «отодвинув» «расчеты с другими кредиторами» в пользу обычных граждан. Думается, это соответствует принципу справедливости в разрезе защиты слабой стороны правоотношений. Но предписания ГК РФ (в отличии от самого ФЗ о банкротстве) позволяют резюмировать выделение ряда организационно-правовых форм, для которых действие данного закона фактически исключено: «Юридическое лицо, за исключением казенного предприятия, учреждения, политической партии и религиозной организации, по решению суда может быть признано несостоятельным (банкротом). ... Публично-правовая компания не может быть признана несостоятельной (банкротом)».

Дальнейшее комплексное трактование этой и последующей норм основного кодифицированного акта гражданского законодательства позволяет резюмировать достаточно интересный метод конструирования правовых предписаний относительно таких лиц, как государственные компании или корпорации и фонды. В отношении первой возможность применения процесса несостоятельности связывается со специальным разрешительным указанием в законе, который стал основой создания и функционирования таковой; во втором случае – с наличием запретительного указания в аналогичном акте.

Столь сложная конструкция текста указанной нормы, позволяет сделать следующий вывод. Как видим, публичное участие в создании и деятельности определенного юридического лица определяет фактическую невозможность инициирования процесса банкротства.

В конечном итоге это не позволяет удовлетворить требования кредиторов подобных субъектов за счет продажи имущественной массы таковых при наличии реальных признаков несостоятельности. Таким образом, правотворец, как учредитель, используя свои властные полномочия, искусственно ограждает имущество «своих» юридических лиц (по существу, свое имущество) от полной ответственности. Представляется, что при таких исходных данных государство или муниципальный собственник должны принимать этот риск на себя и нести субсидиарную имущественную ответственность за действия созданных и контролируемых им формально самостоятельных участников оборота. Только такое положение вещей способно соответствовать принципу справедливости, уравнивая в положении одновременно кредиторов «публичных» и «частных» юридических лиц. В противном случае разумно полагать, что «появляются все основания считать, что имущественно «безответственные» (государственные или муниципальные) юридические лица расшатывают и подрывают товарно-денежный оборот и основанное на нем рыночное хозяйство» [12; С. 66]. Небольшое легализованное ГК РФ исключение в отношении учреждений и казенных предприятий кардинальным образом ситуацию не меняет.

Особняком в этом списке стоят политической партии и религиозной организации, участие публичных образований в таковых обычно не происходит, мотивы подобных исключений не ясны.

Итак, принцип справедливости в сфере определения круга лиц, которые могут быть признаны банкротами, полагаем, имеет приложение одновременно в двух плоскостях. Во-первых, ФЗ о банкротстве дифференцирует юридические лица на те, к которым применимы общие положения о несостоятельности, и перечень организаций с особым направлением деятельности или статусом, к которым применяются специализированные правила об определении критериев и реализации банкротных процедурах. Во-вторых, положения ГК РФ существенно ограничивают круг юридических лиц, которые могут быть признаны банкротами. В отношении лиц, создаваемых публично-правовыми образованиями, представляется, необходимо внедрение субъективного, ситуационного подхода в поиске баланса интересов сторон и возможность привлечения таковых к субсидиарной ответственности. В отношении иных организационно-правовых форм-исключений, для восстановления положения справедливости в указанной плоскости, возможно введение фиксированной суммы уставного капитала, превышающей обычный размер устава общества с ограниченной ответственностью.

***

1. Понкин И.В. Принцип справедливости публичного управления / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 99 - 105.
2. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: дис. ... д.ю.н. – М., 2006. – 184 с
3. Участие адвоката в цивилистическом процессе: учебное пособие для магистрантов / А.А. Малов, Ю.Д. Подольский, Е.Р. Русинова и др.; под ред. Н.А. Чудиновской. – Москва: Статут, 2020. – 173 с.
4. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [в ред. от 10.03.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 г. № 14 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 31. – Ст. 3161.
6. Определение Верховного Суда РФ от 1 июля 2016 г. N 306-ЭС16-3230 // СПС «Консультант-Плюс».
7. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве: монография. – Москва: Статут, 2020. – 171 с.
8. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. – М.: Юстицинформ, 2020. – 360 с.
9. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика: Монография. – М., 2017. – 140 с.
10. Маркварт Э., Курбанов Б. Не такие, как все: применение законодательства о банкротстве к публично-правовым образованиям и публичным юридическим лицам (на примере Германии и России) // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 6. – С. 61 - 78.

Мудрая Д.А.

Наименование места происхождения товаров, страна происхождения товаров, маркировка пищевой продукции: соотношение понятий и общая характеристика

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-143

idsp: ljjournal-01-2021-143

Аннотация

В статье приводится разграничение понятий, связанных с производством и обращением товаров, а именно наименования места происхождения товаров, страны происхождения товаров, маркировки пищевой продукции, на основе анализа действующего законодательства РФ и международных договоров.

Ключевые слова: средства индивидуализации товаров, гражданское законодательство, наименование места происхождения товаров, страна происхождения товаров, маркировка товаров

Abstract

The article presents the distinction between the appellation of origin of goods, country of origin of goods and labeling of food products, based on an analysis of the current legislation of the Russian Federation and international treaties.

Keywords: means of individualization of goods, civil law, appellation of origin of goods, country of origin of goods, product labeling

Целью настоящей статьи является разграничение внешне схожих, но принципиально различных понятий, которые получили свое распространение в обороте и которые связаны с производством, выпуском для потребления товаров. К таковым относятся наименование места происхождения товаров (далее – НМПТ), страна происхождения товаров и маркировка пищевой продукции. Понимание содержания каждого из них, существования или отсутствия между ними взаимосвязей является важным для правильного применения каждого из таких понятий на практике и недопущения возможных ошибок, связанных с их смешением.

Отправным понятием, с которым будет происходить соотношение, нами принято НМПТ.

Гражданское законодательство РФ, как и законодательство большинства стран, закрепляет НМПТ в числе средств индивидуализации и понимает под ним обозначение, представляющее собой современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, включающее такое наименование или производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами (ч.1 ст.1516 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)) [1]. НМПТ используется для индивидуализации товаров и имеет огромное значение для гражданского оборота. В частности, выбор потребителей товаров при покупке тех или иных товаров может быть обусловлен узнаваемостью НМПТ, ассоциациями, которые возникают у потребителя в отношении него, в том числе, к качеству товара. От этого также зависит и прибыль производителя товаров, в связи с чем гражданское законодательство признает значимость охраны прав на НМПТ от возможных нарушений и предусматривает их регистрацию.

Иное понятие - «страна происхождения товаров» - применяется в торговом обороте между государствами, в частности стран-участников СНГ, а также в сфере госзакупок. Причем в последнем случае оперируют термином «наименование страны происхождения товаров».

Например, он упоминается в п.п.а п.3 ч.4 ст.54.4 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ О контрактной системе), посвященной заявкам на участие в открытом конкурсе в электронной форме [2]. При этом, ФЗ О контрактной системе не раскрывает данное понятие.

О том, что представляет собой страна происхождения товаров в контексте госзакупок можно судить исходя из Правил ведения реестра договоров, заключенных заказчиками по результатам закупки, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 31.10.2014 № 1132 (далее – правила ведения реестра). В частности, п.п.д п.2 указывает на необходимость соответствия наименования страны происхождения общероссийскому классификатору [3]. Речь ведется об Общероссийском

классификаторе стран мира, утвержденном Постановлением Госстандарта России от 14.12.2001 N 529-ст (далее – общероссийский классификатор), которым присвоены цифровой и буквенный коды отдельным странам (например, России в соответствии с данным классификатором присвоен цифровой код 643 и буквенные коды RU или RUS) [4].

Важно отметить, что до 27.12.2019 пп.д п.2 Правил ведения реестра существовал в другой редакции, которая не включала в себя упоминаний о наименовании страны происхождения товаров. Представляется, что названные изменения связаны со спорами, возникающими в связи с отсутствием должной конкретизации относительно понимания данного понятия. В качестве примеров можно привести Решение ФАС России от 30.06.2016 по делу N К-1030/16 [5]; Решение Псковского УФАС России от 30.06.2016 по делу N 44-85/16 [6]; Решение Оренбургского УФАС России от 16.06.2017 по делу N 08-07-604/2017 [7], и другие. Все указанные решения объединяют выводы, которые заключаются в следующем – не допускается требовать от участников аукциона включения в заявку на участие наименование страны происхождения товаров в соответствии с Общероссийским классификатором т.к. это не предусмотрено законодательством о госзакупках, а из прямого указания ФЗ О Контрактной системе следует, что заказчики не вправе устанавливать требования к участникам закупок в нарушение требований настоящего ФЗ (ч.6 ст.31) [2]. На решение указанной проблемы и направлены внесенные изменения.

При рассмотрении страны происхождения товаров через призму торгового оборота между государствами, в частности стран-участников СНГ, то следует упомянуть Соглашение о Правилах определения страны происхождения товаров в СНГ, заключенное в г. Ялте 20.11.2009 (далее – Соглашение). Данное соглашение рассматривает страну происхождения товара как страну, в которой товар был полностью произведен или подвергнут достаточной обработке/переработке в соответствии с настоящим Соглашением (Раздел 1), при этом разделом 2 предусматриваются критерии для правильного определения страны происхождения. При этом никаких Классификаторов не предусматривается, в Декларации о происхождении товара приводится название страны (стран) происхождения товаров, определенной в соответствии с критериями раздела 2 [8].

Следовательно, в обоих случаях при упоминании страны происхождения товаров имеется ввиду исключительно название такой страны (в том числе ее код в соответствии с общероссийским классификатором) без его привязки к каким-либо средствам индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана в соответствии с требованиями законодательства.

Таким образом, отметим главное отличие страны происхождения товаров от НМПТ – это отличие по признаку правовой охраны. Ни в одном из рассмотренных в данной статье случаев употребления страны происхождения товаров не предусматривается возможность правовой охраны такого происхождения. Это связано с необходимостью соблюдения интересов иных участников оборота, а также для обеспечения административных процедур, для реализации которых данный термин был введен. В частности, правовая охрана страны происхождения одного из производителей способна привести к ограничению прав иных производителей по предъявлению заявки на участие в торгах. Подобное ограничение противоречит свободе конкуренции и является недопустимым.

Возможна ли ситуация, при которой бы страна происхождения товаров и НМПТ совпадали? Представляется, что такая ситуация не исключена. Данный вывод следует из приведенного ранее определения НМПТ, в котором предусматривается, что НМПТ может быть, в том числе, обозначение, представляющее собой наименование страны.

В завершение настоящей работы считаем возможным рассмотреть также другое понятие, которое тесно связано с производством, обращением товаров в гражданском обороте. К таковому относится маркировка товаров.

Можно назвать два подхода к пониманию маркировки товаров. Применительно к законодательству РФ маркировка упоминается в Федеральном законе от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и под ней понимается уникальная последовательность символов, состоящая из кода идентификации и кода проверки [9]. Она предназначена для возможности осуществления мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами индивидуализации.

Второй подход предусмотрен Комиссией Таможенного союза применительно к пищевой продукции. Согласно ст.2 Решения Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 881 О принятии технического регламента Таможенного союза «Пищевая продукция в части ее маркировки» под маркировкой пищевой продукции понимается информация о пищевой продукции, нанесенная в виде надписей, рисунков, знаков, символов, иных обозначений и (или) их комбинаций на потребительскую упаковку, транспортную упаковку или на иной вид носителя информации, прикрепленного к потребительской упаковке и (или) к транспортной упаковке, или помещенного в них либо прилагаемого к ним.

Статьей 4 указанного решения предусматриваются требования к содержанию маркировки. В нее, в том числе, включаются наименование продукции, состав, дата изготовления, срок годности и т.д. [10]

При этом, что важно в рамках настоящей работы, в маркировку пищевой продукции также может быть включено наименование места происхождения пищевой продукции, то есть НМПТ. Из этого следует, что, в отличие от страны происхождения товаров, маркировка при данном подходе никогда не сможет совпасть с НМПТ, т.к. второе является составной частью маркировки пищевой продукции. Возможность правовой охраны маркировки пищевой продукции законодательно отсутствует. Более того, представляется, что она является недопустимой, в том числе, в связи с необходимостью соблюдения прав потребителей на достоверную информацию о покупаемом ими товаре.

В заключение отметим, что ни страна происхождения товаров, ни маркировка пищевой продукции не признаются законодательством РФ в качестве средств индивидуализации, которым бы предоставлялась правовая охрана, они имеют значение только в тех ситуациях, для которых они были введены в оборот и которые были рассмотрены в рамках настоящей статьи. Ситуации, при которых возможно их совпадение с охраняемым ГК РФ НМПТ, немногочисленны, а для маркировки пищевой продукции и вовсе отсутствуют. В связи с этим представляется недопустимой подмена рассмотренных понятий друг другом, в том числе при составлении юридических документов или заполнении заявок.

***

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Парламентская газета. 2006. № 214-215; Российская газета. 2019. № 158. (ред. от 31.07.2020).
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14. ст.1652. 2020. № 31 (часть I). ст. 5008. (ред. от 31.07.2020).
3. О порядке ведения реестра договоров, заключенных заказчиками по результатам закупки: постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2014 № 1132 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2004. № 45. ст. 6225. 2020. № 17. ст. 2765. (ред. от 16.04.2020).
4. О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора стран мира [Электронный ресурс]: постановление Госстандарта России от 14.12.2001 № 529-ст. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана. (ред. от 29.05.2019).

5. Решение ФАС России от 30.06.2016 по делу № К-1030/16 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.
6. Решение Псковского УФАС России от 30.06.2016 по делу № 44-85/16 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.
7. Решение Оренбургского УФАС России от 16.06.2017 по делу № 08-07-604/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.
8. О Правилах определения страны происхождения товаров в Содружестве Независимых Государств: Соглашение от 20.11.2009 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 34, ст. 4950; Бюллетень международных договоров. 2019. № 12. (ред. от 31.05.2019).
9. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ // Российская газета. 2009. № 253; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 1 (Часть I), ст. 71. (ред. от 25.12.2018).
10. О принятии технического регламента Таможенного союза Пищевая продукция в части ее маркировки: Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 881 // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза <http://www.tsouz.ru/>. 2011; Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>. 2018. (ред. от 14.09.2018).

Навальный С.В., Валебная А.А., Астраханцев Д.В.
Цифровизация как средство юридической техники

*Красноярский государственный аграрный университет
(Россия, Красноярск)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-144

idsp: ljjournal-01-2021-144

Аннотация

В статье рассматривается такое общественное явление, как цифровизация. Цифровизация — внедрение цифровых технологий в различные сферы человеческой жизни. Анализируется влияние цифровизации на правотворчество посредством её исследования, как средства юридической техники. Рассмотрению также подвергаются достоинства и недостатки цифровизации, указывается её значение для юридической техники и правотворчества в целом.

Ключевые слова: цифровизация; правотворческая деятельность; средства юридической техники; нормативный правовой акт; цифровые технологии.

Abstract

The article deals with such a social phenomenon as digitalization. Digitalization is the introduction of digital technologies in various spheres of human life. The article analyzes the impact of digitalization on law-making through its research as a means of legal technology. The advantages and disadvantages of digitalization are also considered, and its significance for legal technology and law-making in General is indicated.

Key words: digitalization; law-making activity; means of legal technology; normative legal act; digital technologies.

В настоящее время, передовые страны мира, в том числе и Россия, переживают активное влияние высоких технологий на складывающиеся в этих государствах общественные отношения. К числу наиболее значимых достижений в области высоких технологий, можно отнести цифровые технологии — робототехнику, нейротехнологии, систему распределенного реестра и т.д. Указанные технологии последовательно внедряются в самые различные сферы человеческой жизнедеятельности. Российская Федерация не стала исключением, ввиду поставленной ещё в 2017 году задачей о цифровизации российской экономики. Правовое регулирование отношений, складывающихся в области цифровизации, на данный момент, находится на стадии генезиса. Указанные тенденции также оказывают влияние на само право, выступающее в качестве регулятора общественных отношений, вследствие чего, подвергается трансформации и правотворческий процесс. Правотворческий процесс как

деятельность властных органов по конструированию правовых норм, а также воздействие на него цифровизации и способы его совершенствования, является актуальным вопросом в научной среде.

Весомый вклад в исследование указанной темы внёс доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ Пашенцев Д.А. [1, с. 15] Под его редакцией была написана монография, а также два сборника научных трудов, являющихся на данный момент фундаментальным исследованием динамики преобразования правотворчества, находящегося под влиянием цифровых технологий. [2, с. 56]

В монографии, получившей название «Цифровизация правотворчества: поиск новых решений», содержится анализ текущего состояния, а также возможных перспектив совершенствования юридической техники по ходу процесса цифровизации. [3, с. 72] На сегодняшний день, нормативно-правовую основу, осуществляющую регулирование вопросов цифровизации правотворчества, представляют собой программно-стратегические документы. [4, с. 56–59]

Задачи по совершенствованию цифровизации, в качестве средства юридической техники, подразделяются на две категории — теоретические и практические. К теоретическим вопросам следует отнести рассмотрение содержания правотворчества и его возможное преобразование в условиях цифровой реальности. Практические аспекты указанных задач выражаются в упорядочении правотворчества с использованием современных цифровых технологий, составляющих основу юридической техники.

Применимо к содержанию правотворчества, следует согласиться с точкой зрения О.Э. Лейста, считающего, что социальное содержание правотворчества, а как следствие, и нормативно правовые акты, преобразуется по ходу изменений, происходящих в обществе. В то же время, юридическое содержание, изменений не претерпевает. Так, можно прийти к выводу, что использование цифровых технологий, не оказывает влияние на юридическое содержание нормотворчества, являющегося деятельностью компетентных на то органов и должностных лиц. [5, с. 24].

Цифровые технологии, оказывающие влияние на происходящие внутри государства общественные отношения, распространяются и на юридическую технику по осуществлению правотворческой деятельности. Указанное влияние является многогранным и комплексным.

В качестве сложившихся в этой связи тенденций, можно выделить следующие: 1) увеличение доступности права; 2) развитие демократических механизмов; 3) упорядочение правотворческой деятельности; 4) само явление цифровизации может выступать в качестве средства юридической техники.

Право в цифровой действительности, становится доступным для более широких слоёв населения, ввиду развития интернет технологий. Указанная ситуация способствует реализации одной из важнейших функций права — информационной. Увеличивается эффективность информирования населения о содержании нормативно правовых актов, устанавливающих те или иные предписания. Помимо всего прочего, это также влияет на открытость непосредственно правотворческого процесса. С точки зрения В.М. Баранова, происходящее совершенствование юридической техники правотворчества, необходимо совмещать с увеличением её открытости и прозрачности [6, с. 412]. Использование цифровых технологий, которые повышают доступность правотворчества, призвано способствовать облегчить понимание правотворчества любому, заинтересованному субъекту процесса нормотворчества.

Цифровизация влияет на процесс «демократизации» нормативно-правовых механизмов. Указанное влияние выражается в процессе увеличения открытости и доступности правотворческой деятельности, публичный характер которой становится всё более весомым. Серьёзным недостатком является обратный эффект, создаваемый цифровизацией — лица, которые не владеют данными технологиями или не имеют

возможности выйти в интернет, не могут пользоваться находящейся в открытом доступе информацией. Данный тезис подтверждается в докладе Всемирного банка «Государственное управление и закон», где указывается следующее: внедрение информационно-коммуникационных технологий может усилить социальное неравенство в вопросах вовлеченности граждан в государственное управление, что дает возможным считать актуальной проблему так называемого «цифрового разрыва» [7, с. 25].

Работники доктрины отметили роль цифровых технологий в упорядочении нормативно правовых актов, принимаемых по ходу осуществления правотворческой деятельности. В.Д. Зорькин в своем выступлении на Петербургском юридическом форуме подмечал о положительном влиянии цифровизации: она позволит «упаковать» правовые акты в программный код, что позволит обеспечить определенность и однозначность их содержания [8, с. 65].

Юридическая техника, относимая учеными к неотъемлемой части юридической технологии, является важнейшей составляющей правотворчества. Цифровизация, оказывая влияние на юридическую технику, становится её средством в части внедрения общественного обсуждения законопроектов в сети «Интернет», что является новацией в области юридической технологии; возможности проведения экспертизы нормативного правового акта, а также оценки посредством компьютерных программ. Печатное опубликование закона сменяется электронной, что приводит к возникновению электронного правового акта как новой формы права. Находят своё применение в юридической технике также электронные формы систематизации правовых актов.[9, с. 104–105].

Таким образом, цифровизация юридической техники способствует упорядочению, систематизации права, а также облегчению устранения пробелов и противоречий в нормативных правовых актах. Цифровизация, как средство юридической техники, даёт возможность применения в процессе правотворчества новых методов, в числе которых, осуществление правовой экспертизы акта нормотворчества с применением компьютерной программы. Внедрение цифровых технологий в правотворчество, облегчая доступность населения к нормативно-правовой базе, тем не менее, создаёт «цифровой разрыв» — ситуацию, когда те слои населения, которые не имеют доступ к интернету, лишаются возможности ознакомиться с её содержанием.

Текущее состояние правотворческой сферы даёт возможность использования цифровизации как средство юридической техники, упрощающее процесс осуществления нормотворческой деятельности, а также как средство, способствующее аккумуляции результаты правотворчества.

***

1. Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений /Д.А. Пашенцев, Р.Д. Алимова// Государство и право. 2019. № 6. С. 102–106.
2. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев//; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019. С.234 .
3. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Экспертиза в пра-вотворчестве: проблемы правового регулирования и вопросы его совершенствования /Н.Н.Черногор, М.В. Залоило// Юридическая нау-ка и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 100–108.
4. Залоило М.В. Некоторые вопросы цифровизации процедур оценки проектов нормативных правовых актов /М.В.Залоило// Российское государствоведение. 2018. № 4. С. 138–149.
5. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права /О.Э.Лейст// М., 2008
6. Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды / В.М.Баранов//М., 2015.
7. Всемирныйбанк. 2017 год. Доклад о мировом развитии 2017 «Государственное управление и за-кон». Обзор. Всемирныйбанк, Вашингтон, округ Ко-лумбия. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO. DOI:10.1596/978-1-4648-0950-7.
8. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Раз-мышление на полях Петербургского международно-го юридического форума /В.Д. Зорькин// Российская газета. 2018. Столичный выпуск № 7578 (115).
9. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности /Т.Я. Хабриева// Журнал российской права. 2018. № 9.

Палеха Р.Р., Соловьева Л.Л.

Понимание права и его сущности в отечественной юридической мысли XIX-XX вв

Центральный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

(Россия, Воронеж)

doi: 10.18411/lj-01-2021-145

idsp: ljjournal-01-2021-145

Аннотация

В статье рассматривается понимание права и его сущности в отечественной юридической мысли XIX-XX вв. в воззрениях известных юристов и общественных деятелей, взгляды которых характеризуются существенным разнообразием и, в то же время, единством, поскольку практически всегда отводят важное место нравственным началам в праве.

Ключевые слова: право, понимание права, сущность права, нравственность в праве.

Abstract

The article deals with the understanding of law and its essence in the domestic legal thought of the XIX-XX centuries. in the views of well-known lawyers and public figures, whose views are characterized by significant diversity and, at the same time, unity, since they almost always assign an important place to moral principles in law.

Keywords: law, legal understanding of law, essence of law, morality in law.

Следует отметить, что по вопросу понимания права и его сущности в отечественной юридической мысли XIX-XX вв. имеется обширный перечень работ отечественных юристов, отличающихся различными философскими и методологическими основаниями, которые внесли существенный вклад в развитие общей теории права и предопределили тенденции ее развития.

Так, в дореволюционный период, Н.И. Палиенко (1869-1937 гг.) высказывал свое мнение относительно вопроса понимания права и его сущности. Ученый отмечал, что важно при изучении права руководствоваться мыслью, что право – это явление действительной жизни. Н.И. Палиенко считал, что право – «авторитетное мерило взаимоотношений лиц, уполномочивающее и обязывающее их к известному поведению» [1]. Совершенно обосновано исследователь считал, чтобы понять сущность права нужно осуществить поиск всех его признаков, отличающих от иных явлений. Именно, главным признаком права, по мнению ученого, являлось общеобязательность норм. В то же время, исследователь писал: «чем совершеннее будет право, чем больше будет развито чувство законности у людей, тем меньше будет необходимости в принуждении» [2].

Среди подходов к правопониманию особое место занимает концепция рассмотрения права с точки зрения его аксиологического измерения. Так, право рассматривали как меру социального блага, такие мыслители и философы, как Цицерон и Сенека; как справедливость – И.А. Ильин, В. Соловьев; как нравственность – Г. Еллинек. Отечественный историк Г.В. Демченко (1869-1958 гг.) анализировал сущность права как необходимость или долженствование [3]. Идея теории заключалась в том, что независимо, в какие отношения индивид бы не вступал, большая часть из них подчинена нормам права. «Если же правовые нормы признаны необходимыми хотя в некоторых только отношениях, то тем самым признана сама идея права и признана вообще наличность правового регулирования во всяком обществе: существуют нормы права и, стало быть, существуют некоторый авторитет, некоторая власть, создающая

эти нормы» [3]. По Г.В. Демченко именно идея права – это идея должного, которая создает возможности для каждого члена общества достичь важных целей.

Н.М. Коркунов (1853-1904 гг.) анализируя нравственность и право, пришел к выводам, что отличительной особенностью правовых норм от нравственных является обязательность их исполнения, обосновывая это тем, что нравственность не допускает никакого принуждения. Однако ученый все же склоняется к тому, что, если общество достигнет пика своего развития, станет более совершенным, то «право в большей степени проникнется нравственными началами» [4].

П.И. Новгородцев (1866-1924 гг.) также обращался к идее взаимосвязи права и нравственности и установил связь обоих начал на основе естественно-правовой теории права [5]. Правовед Е.Н. Трубецкой (1863-1920 гг.) рассматривал нравственность, как составляющую норму права: «уважение к внешней свободе ближнего требуется не только правом, но и нравственностью... Область нравственности и область права не только не исключают друг друга, но находятся в тесном соприкосновении, так что они и те же нормы могут одновременно заключать в себе и правовое и нравственное содержание» [6]. Но анализируя определение права, ученый относил к нему лишь те нравственные начала, которые непосредственно имеют связь с правом, например, нормы о запрещение красть, наносить побои, убивать и т.д.

Б.А. Кистяковский (1868-1920 гг.) считал, что «право может подлежать исследованию или как по преимуществу государственно-повелительное, или как социальное, или как психическое, или как нормативное явление. Все эти различные исследования представляют одинаковую ценность в процессе научного познания права в его целом. Конечно, каждое из них имеет в виду по преимуществу какую-нибудь одну сторону правовых явлений» [7]. Исследователь считал, что, несмотря на сложный характер права, это не является преградой для создания единой теории. Ученый выявил четыре понятия права: позитивистское, социологическое, психологическое, нормативное.

А.С. Яценко (1877-1934 гг.), сторонник понимания права как сложного синтезированного явления, в своих работах демонстрирует нами создание универсальной теории права, считая, что «право есть совокупность действующих в обществе, вследствие коллективно-психического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага. Право основу имеет как в природе человека и общества, неразрывно соединенных в одну общую жизнь, так и в высшем нравственном принципе по которому высшая нравственная задача, создание совершенного общежития, Царства Божия, должна достигаться через последовательную историческую работу. Право и сливается с религией и нравственностью, на них обосновываясь, и отличается от них, реализуя принудительно лишь этический минимум и тем самым обеспечивая условия для дальнейшего существования и развития религиозно-нравственных целей» [8].

Нельзя не остановиться на психологической теории права, основоположником которой является Л.И. Петражицкий. Суть понимания права заключается в том, что правовые нормы и предписания располагаются в сознании человеческой личности. Исследователь считал, что «сообразно атрибутивной природе правовых эмоций импульс в пользу исполнения правового долга имеет характер давления в пользу того, чтобы другой стороне, управомоченному, было доставлено то, что ему причитается; что же касается поведения обязанного, то оно имеет значение не само по себе, а как способ и средство достижения этого результата на стороне управомоченного. Напротив, нравственный импульс имеет характер непосредственного и безотносительного давления в пользу определенного поведения как такового, а не как

средства удовлетворения права другого» [9]. Учитывая, что данная теория не является традиционной, в науке она долгое время была предметом постоянных дискуссий.

Исследователь Г.Ф. Шершеневич весьма критически отнесся к данному подходу, не находя в нем перспектив развития права. «Петражицкий издевается над юристами, теоретиками и практиками, самым немилосердным образом ... «Наивность» и «традиционность» учения профессиональных юристов – вот, чему Петражицкий всячески старается противопоставить свою теорию... До сих пор все казалось, что нормы вертятся около человека, а на самом деле нормы права только вывертываются из человека» [10].

Отечественный правовед В.Ф. Залесский (1861-1922 гг.) рассматривал право с двух сторон: в объективном и субъективном смыслах. Право, согласно мнению В.Ф. Залесского, всегда возникает из обычного права. Но только закон служит прогрессом в правовой сфере государства. Сопоставляя обычное право и закон, исследователь считает, что только закон способен эволюционировать в обществе, как обычное право является лишь вспомогательным элементом, находящимся между нравственностью и правом. «Обычное право и нравственность внешним образом друг от друга не отличаются; отличие между ними лишь внутреннее по качеству лежащих в основе их чувств – нравственного чувства долга и правового сознания обязанности» [11].

Вышеизложенное, позволяет заключить, что единого мнения о понимании права и его сущности в отечественной юридической мысли XIX-XX вв. не сформировалось. Но позиции практически всех ученых-правоведов в той или иной степени роднит необходимость признания нравственных начал в праве, как его определяющей характеристики, на которой должна основывать свою деятельность государственная власть, предназначенная служить обществу, что без нравственного компонента в праве является неосуществимой задачей.

***

1. Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства [Электронный ресурс]. – Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг, 1908. – Режим доступа: URL: <http://www.knigafund.ru/books/24559/read> (дата обращения: 28.11.2020).
2. Палиенко Н.И. Предмет и задачи энциклопедии права и идея права [Электронный ресурс]. – Ярославль: Типо-лит Э.Г. Фальк. – 351 с. – Режим доступа: URL: <http://www.knigafund.ru/books/50899/read#page1> (дата обращения: 28.11.2020).
3. Соловьева Л.В., Павлова Е.В. Право как необходимость и долженствование в исследованиях Г.В. Демченко // Право и государство: теория и практика. 2018. №12 (168). – С. 14, 15.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права [Электронный ресурс]. – СПб., 1917. – Изд.5-е. – 363 с. – Режим доступа: ЭБС «Книгафонд.ру»: URL: <http://www.knigafund.ru/books/40314> (дата обращения: 30.11.2020).
5. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 377.
6. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права [Электронный ресурс]. – М.: Т-во типографии А.И. Мамонтова. 1910. – 227 с. - Режим доступа: ЭБС «Книгафонд.ру»: URL: <http://www.knigafund.ru/books/40314> (дата обращения: 29.11.2020).
7. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1998. С. 191-193.
8. Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб.: 1999. С. 174-175.
9. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности [Электронный ресурс]. Том 1. – СПб.: Слово, 1903. 312 с. Режим доступа: ЭБС «Книгафонд.ру»: URL: <http://www.knigafund.ru/books> (дата обращения: 28.11.2020).
10. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Том 1. Часть теоретическая [Электронный ресурс]. М.: Типо-литография Т-во И.Н. Кушнерев и К, 1911. 524с. Режим доступа: ЭБС «Книгафонд.ру»: URL: <http://www.knigafund.ru/books> (дата обращения: 29.11.2020).
11. Залесский В.Ф. Лекции по энциклопедии права [Электронный ресурс]. – Казань: Типо-Литография Императорского Университета 1902. – 410 с. - URL: <http://www.knigafund.ru/books> (дата обращения: 29.11.2020).

Палеха Р.Р., Дудкина К.Е.

Судебная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации

Центральный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

(Россия, Воронеж)

doi: 10.18411/lj-01-2021-146

idsp: ljjournal-01-2021-146

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос о защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в судебном порядке, а также раскрываются основы организации судебной системы, обеспечивающие такую защиту.

Ключевые слова: судебная защита, права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации, судебная система, организация судебной системы.

Abstract

This article examines the issue of protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation in court, and also reveals the basics of the organization of the judicial system that provide such protection.

Keywords: judicial protection, human and civil rights and freedoms in the Russian Federation, judicial system, organization of the judicial system.

Актуальность темы обусловлена тем, что каждому человеку и гражданину гарантируется судебная защита прав и свобод, закрепляемая Конституцией Российской Федерации [1].

Цель исследования направлена на комплексный анализ по защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в судебном порядке.

Соответственно, исходя из предложенной темы, объект исследования направлен на изучение судебной системы, а также нормативных правовых актов Российской Федерации, которые регулируют данную область общественных отношений.

Защита гражданских прав осуществляется следующим образом: признание права; восстановление положения, до наступления нарушенных прав; подавление действий, которые ранее нарушили или формировали опасность для его нарушения; признание оспариваемой сделки недействительной; признание недействительным акт органа публичной власти.

Каждое лицо, которое проживает или находится на территории Российской Федерации, имеет право на судебную защиту в российских судах и в межгосударственных органах по защите прав и свобод человека и гражданина. В Российской Федерации судебная реформа проводится с 1991 года, которая предусматривает: развитие независимой судебной власти, которая способна результативно защищать права и свободы человека и гражданина; отправление правосудия на основе принципа состязательности, а также равноправия сторон; помощь граждан в отправлении правосудия; увеличение судебного контроля; повышение доступа к правосудию; предоставление гражданам грамотной юридической помощи [2].

На данный момент судебная власть является самостоятельной и независимой ветвью государственной власти, которая реализует собственную деятельность с целью защиты прав и свобод человека и гражданина, конституционного строя и правового пространства Российской Федерации [3].

Право на судебную защиту выступает в виде правоотношения, где, с одной стороны, имеется субъект, обратившийся за защитой, а с другой – суд, который обязан беспристрастно рассмотреть и всесторонне проанализировать, определенную жалобу и осуществить законное и обоснованное решение по данному делу по существу. Любой

причастный субъект в судебном разбирательстве является субъектом процессуального права, в соответствии со ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4].

Если рассматривать суд, как участника процессуальных правоотношений, то он функционирует на единых для любого из судов конституционных принципах: законность; гласность; состязательность; равенство сторон; уважение чести и достоинства личности; недопустимость применения доказательств, полученных в ходе нарушения законности.

Судебная защита осуществляется судами, которые входят в судебную систему Российской Федерации. В общем виде система – это комплекс элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство [5]. Известный исследователь теории систем Л. Фон Бергаланфи выделял в системе главный признак: взаимодействие ее компонентов [6]. Следовательно, чтобы система функционировала нужна устойчивая взаимосвязь всех ее элементов системы. Следовательно, термин «система» характеризуется присутствием: большинства элементов, наличием взаимосвязей среди них и единым характером объекта, предмета или процесса [7].

Судебная система состоит из двух подсистем. Первая из них – это совокупности ветвей судебной власти, которую образуют: конституционные суды, арбитражные суды и суды общей юрисдикции. Вторая подсистема – это совокупность уровней (звеньев) судебной власти, которую образуют суды высшего звена, среднего звена и основного звена.

Каждый гражданин имеет право на обращение с жалобой в любой из этих перечисленных судов, с соблюдением правил о подсудности, где суд обязан рассматривать те или иные обращения. Здесь необходимо разграничить два понятия, которые будут в дальнейшем иметь практическое значение для разрешения поставленных задач: это понятия «подведомственности» и «подсудности».

М.А. Рожкова выделяет две различные позиции в вопросе определения термина «подведомственности». Приверженцы первой считают, что подведомственность – это некоторый круг дел, отнесенных к ведению того или иного органа. Сторонники второй точки зрения, к примеру, В.М. Жуйков [8], оценивают определение «подведомственности», как свойство дел, в силу которого они подлежат разрешению определенными органами [9]. Представляется, что противопоставление этих позиций носит совершенно искусственный характер, так как отнесение определенного круга дел к компетенции того или иного органа зависит как раз от свойств самого дела. Что касается «подсудности», то это понятие традиционно рассматривается в качестве производного от понятия «подведомственности». Этот подход в свое время был разработан еще Ю.К. Осиповым [10].

Если подведомственность позволяет определить к какой ветви судебной власти предстоит рассматривать дело (конституционным, арбитражным или общей юрисдикции), то подсудность – это свойство дела, позволяющее отнести его к компетенции конкретного суда избранной на основе критерия подведомственности судебной подсистемы. Выделяют следующие виды подсудности: предметная (она же родовая подсудность) – определяет уровень судебной системы, уполномоченный рассматривать то или иное дело; территориальная подсудность – позволяет определить конкретный суд, уполномоченный рассматривать дело в зависимости от места проживания или нахождения истца, или ответчика; персональная подсудность – определяет компетенцию суда в зависимости от деятельности или положения подсудимого.

Потребность в судебной защите возникает в ситуации, когда субъективное право не может быть реализовано без вмешательства органов публичной власти, и материальное правоотношение неспособно развиваться естественным образом, по

причине нарушения права или хотя бы спора о нарушении права. В этом случае появляется необходимость в устранении деструкции, во избежание последующего деформирования материального правоотношения.

Следовательно, существуют два фактора вызывающих необходимость в судебной защите: объективный – присутствие спора о праве и субъективный – стороны материального правоотношения не могут без помощи других упорядочить несогласия в области взаимных прав и обязанностей [11].

Резюмируя вышеизложенное, представляется возможным заключить, что судебная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации – это важный институт правовой защиты, представляющий собой комплекс процессуальных и материальных прав физического лица, обеспечивающих возобновление (восстановление) нарушенных прав, а также предотвращение незаконного использования правовых норм через обращения в суды. При должном овладении этим инструментом судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, степень их правовой защищенности в Российской Федерации должна подняться на качественно иной уровень.

***

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12. 12. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. О концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. №1801-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1991 г. – № 44.
3. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конст. закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ; принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 июня 1994 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 июля 1994 г. (ред. от 09.11.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. –1994. – № 1, ст. 115.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 октяб. 2002 г., одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 30 октября 2002 г. (ред. от 23.11.2020) // Собр. Законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 138.
5. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в системной науке, проблемы методологии системного исследования. – М.: Мысль., – 1970. – С. 60.
6. Бертаданфи Л. Фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследование теории систем. – М., – 1969. – С. 60.
7. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа: учеб. пособие. – СПб.: Издательский дом «Бизнес-пресса», – 2002. – С. 62.
8. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. – М.: Городец, – 1997. – С. 60.
9. Рожкова М.А. К вопросу о содержании понятий «компетентный суд» и «подведомственность дела» // Журнал российского права. – 2006. – № 1. – С. 19-29.
10. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: учеб. пособие. – Свердловск: Средн.-Урал. кн. Изд-во, – 1973. – С. 61.
11. Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость: учебное пособие. – М.: Прогресс, – 2018. – С. 63.

Паринова Д.В., Чуракова Е.Н.

Свидетельские показания в арбитражном процессе

*Самарский государственный экономический университет
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-147

ids: lj-01-2021-147

Аннотация

Рассмотрена сущность доказательств как получение сведений об обстоятельствах, наличие которых важно для правильного рассмотрения и разрешения

дела в суде. Раскрыта специфика свидетельских показаний с точки зрения предоставления сведений об обстоятельствах, имеющих отношение к материалам арбитражного дела. Приведены субъекты, уполномоченные на вызов свидетеля в суд, а также перечень необходимых сведений, приводимых в ходатайстве о вызове свидетеля. Проанализированы достоинства и недостатки свидетельских показаний в контексте приобщения их к материалам арбитражного дела в качестве средств доказывания.

Ключевые слова: арбитражный процесс, свидетельские показания, договор, рассмотрение и разрешение дела в суде

Abstract

The essence of evidence is considered as obtaining information about the circumstances, the presence of which is important for the proper consideration and resolution of the case in court. The specifics of witness statements from the point of view of providing information about the circumstances related to the materials of the arbitration case are disclosed. The subjects authorized to summon a witness to court are given, as well as a list of necessary information provided in the petition for summoning a witness. The advantages and disadvantages of witness statements in the context of their inclusion in the materials of the arbitration case as a means of proof are analyzed.

Key words: arbitration, witness statements, contract, consideration and resolution of the case in court

Свидетелем в соответствии с п. 1 ст. 56 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) признается лицо, которое располагает сведениями о фактических обстоятельствах, необходимые для разрешения дела в суде [1]. Показания свидетеля являются одним из видов доказательств, используемых при рассмотрении и разрешения дела в суде (ст. 64 АПК РФ). При этом доказательства представляют собой сведения о фактах, которые позволяют установить обстоятельства, необходимые для обоснования требований в суде. В этом смысле показания свидетелей существуют наравне с иными видами доказательственных средств, таких как письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, принимающих участие в судопроизводстве, заключения экспертов, консультации специалистов, а также аудио- и видеозаписи и иные документы и материалы [5, с. 283].

Свидетель может быть вызван для дачи показаний как стороной, участвующей в деле, так и непосредственно судьей. В первом случае участник арбитражного процесса, ходатайствующий о вызове свидетеля, должен указать следующие данные:

- 1) фамилию и инициалы лица, выступающего в статусе свидетеля;
- 2) какого рода информацию, необходимую для установления обстоятельств, обосновывающих требования и возражения участника судопроизводства, предоставит в данном случае свидетель.

Суд вправе вызвать лицо в качестве свидетеля, если оно, либо участвовало в подготовке документов, идентифицируемых как письменные доказательства, либо было задействовано в создании или изменении предмета, выступающего как вещественное доказательство в рамках арбитражного судопроизводства (п. 2 ст. 88 АПК РФ) [1].

Во всех случаях свидетель сообщает известные ему сведения о фактах устно и может законспектировать их письменно в случае предложения суда. Соответственно, показания, облеченные в письменную форму, приобщаются к материалам дела.

В числе прочих среди факторов, затрудняющих применение свидетельских показаний в качестве эффективного доказательства в суде, что делает процедуру их применения достаточно редкой в процессе обоснования требований и возражений сторон, можно указать следующие:

- игнорирование свидетелями явки в судебное заседание, в рамках которого происходит рассмотрение и разрешение спора;
- наличие сомнений в достоверности и достаточности свидетельских показаний, что в первую очередь обусловлен человеческим фактором силы слова со стороны свидетеля [4, с. 61].

Дополнительно стоит упомянуть об экономических издержках, сопряженных с вызовом свидетеля в суд, поскольку в порядке п. 7 ст. 56 и ст. 107 АПК РФ свидетель имеет право на возмещение расходов, понесенных в связи с оплатой проезда, аренды жилья, а также расходов, связанных с проживанием за пределами места своего проживания [1].

Среди существующих трудностей в использовании свидетельских показаний стоит выделить такие как обеспечение явки свидетеля в суд в том случае, если он не является работником одной из сторон, участвующей в арбитражном процессе, а также небольшую фактическую ценность свидетельских показаний, поскольку если они подтверждают уже известные суду обстоятельства или косвенный факт, то в таком случае свидетель к участию в деле не допускается [10, с. 80]. В таком случае, показания свидетелей практически единственный источник доказательств, на основании которых можно выявить и подтвердить истину в суде. Примером может выступить рассмотрение Арбитражным судом Красноярского края дела № А33-11376/2020 от 3 июня 2020 г. о взыскании в размере 4 504 тыс. рублей истца – ООО «Водоканал-Сервис» к ответчику – АО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Сибири» за оставленную воду и прием сточных вод в соответствии с заключенным ранее договором [6]. Вместе с тем ответчик искивые требования не признавал, ссылаясь на то, что оплата за произведенные работы отличается от тех, которые должен заплатить ответчик, и представленный расчет истца, тем самым, недостоверен. К материалам дела был приобщен договор № 3201-02.2400.534.10, иницирующий факт экономических правоотношений между сторонами процесса. В то же время ответчик ходатайствовал о приобщении к делу копии акта № 751 от 03.12.2019 г., в соответствии с которым ответчик должен перечислить на расчетный счет истца иную, отличную от заявленной в исковом заявлении, сумму. В силу того, что ответчик не представил оригинал акта, ссылаясь на его потерю, суд усомнился в подлинности акта № 751, вследствие чего суд вызвал в качестве свидетеля Шалатову Т.Ю., которая располагала сведениями о проверке, произведенной истцом 03.12.2019 г., и подтверждающей, тем самым, итоговую сумму произведенных работ, а также была свидетелем подписания акта № 751 от 03.12.2019 г.,.

В итоге, заслушав свидетельские показания, исследовав материалы дела, суд приходит к выводу, что с учетом данных о произведенной последней проверке со стороны истца, о которых информировала Шалатова Т.Ю., основываясь на параметрах выявленных нарушений, размер суммы, подлежащей взысканию с ответчика, составляет 4 203 тыс. рублей.

В контексте рассматриваемых событий отметим особенность свидетельских показаний в качестве доказательственных средств в случае, если отсутствует договор, заключенный в простой письменной форме. Так, п. 1 ст. 162 ГК РФ устанавливает, что в случае, если в процессе заключаемой сделки не была соблюдена простая письменная ее форма, то в случае возникновения спора стороны не смогут сослаться на свидетельские показания в части подтверждения ее совершения [3]. Учитывая особенность арбитражных правоотношений, в частности, что они возникают и прекращаются в соответствии с ранее заключенными и (или) измененными документами, то в таком случае следует сослаться на письменные и другие доказательства, о чем также упоминается в п. 1 ст. 162 ГК РФ, в то время как свидетельские показания значения иметь не будут.

Наконец, без присутствия свидетеля, способствующего эффективному рассмотрению дела в суде не обойтись в том случае, когда личность свидетеля и (или) совершаемые им действия имеют непосредственное отношение к предмету доказывания по делу. Такое может наблюдаться при возникновении корпоративных, налоговых споров, когда фигура свидетеля – непосредственного участника оспариваемых отношений в суде, - ключевая для арбитражного судопроизводства. В таком случае свидетель может дать поясняющие сведения о реальном или номинальном существовании тех событий, на которые указывают стороны процесса.

В качестве примера можно привести рассмотрение дела № А79-13335/2019 от 5 июня 2020 г., инициируемое заявлением ТСЖ «Юг» к УФНС по Чувашской Республике о признании незаконными бездействий налогового органа [7]. Так, заявитель указывал на факт незаконности действий (бездействия) налоговой инспекции в части непроведения надлежащих мероприятий в отношении кооператива «Банновский», занимающегося строительством и эксплуатацией индивидуальных гаражей и хозяйственных блоков. В данном случае ФНС не разместила в ЕГРЮЛ информацию о недостоверности сведений, систематизированных кооперативом «Банновский» в части сведений о руководителе, учредителе и адресе нахождения. В последнем случае заявитель ходатайствовал о вызове свидетеля Фадеева Р.Ю., который сможет подтвердить недобросовестность кооператива в части действий его руководителя Суходоловой О.М., и, тем самым, подтвердит ненадлежащее выполнение ФНС своих должностных функций в части аккумуляирования информации о недобросовестных субъектах хозяйствования.

Вызванный в суд свидетель подтвердил, что кооператив располагается не по адресу регистрации и в числе прочих факторов недобросовестности кооператива «Банновский» свидетелем подтверждается факт подделки Суходоловой О.М. документов, касающихся приобретения земельного участка. Суд в результате исследования материалов дела приходит к выводу, что с учетом того, что заявитель представил доказательства бездействия ФНС, что в итоге повлияло на права и интересы товарищества, испытавшего влияние от недобросовестной деятельности ответчика - кооператива «Банновский», решил заявление истца удовлетворить.

Таким образом, на основании вышесказанного, отметим, что принципиально важно, чтобы явку свидетелей в суд обеспечивали не столько стороны процесса, сколько суд, располагающий совокупностью императивных инструментов воздействия. Так, к примеру, встречаются предложения о введении юридической ответственности за неявку свидетеля в суд с применением соответствующих санкций [2, с. 57]. В настоящее время уголовным законодательством предусмотрена уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний свидетелем, что чревато штрафом, обязательными или исправительными работами или арестом (ст. 307 УК РФ) [8], однако соответствующей ответственности за игнорирование свидетелем повестки о вызове в судебное заседание в структуре российского законодательства не предусмотрено. Дополнительно отметим, что ч. 1 ст. 253 УПК РФ устанавливается возможность судом инициирования мер по вызову или приводу не явившихся лиц, в т.ч. свидетеля, в случае, если данные субъекты права не явились на рассмотрение дела в суде [9]. В итоге разумным видится уточнение законодательства в части введения соответствующей юридической ответственности за неявку свидетеля в суд с тем, чтобы максимально гарантировать присутствие свидетелей на заседании суда.

Также принципиально учитывать показания свидетелей не только в качестве источника информации, подтверждающей или опровергающей факт, принципиальный для суда, но и как источник комплексного, всестороннего допроса с тем, чтобы получить максимально объективную информацию обо всех обстоятельствах дела. И, наконец, целесообразным видится факт непосредственного участия суда при допросе свидетеля с тем, чтобы элиминировать влияние сторон на своих свидетелей и получить

в таком случае истинные сведения об обстоятельствах, принципиальных для рассмотрения дела в суде.

***

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения 09.10.2020)
2. Гзель В.А. Раскрытие свидетельских показаний в арбитражном процессе: вымысел или реальность? // Студенческий форум. - 2019. - № 28 (79). - С. 56-57.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 09.10.2020)
4. Григорец И.В. Особенности установления юридических фактов посредством свидетельских показаний // Общественные и экономические науки. Студенческий научный форум. Сборник статей по материалам XXI студенческой международной научно-практической конференции. - 2019. - С. 59-63.
5. Кручинина А.А. Проблема свидетельских показаний в арбитражном судопроизводстве // Проблемы защиты прав: история и современность: Материалы XII международной научно-практической конференции. Ответственный редактор И.С. Кокорин. 2018. – С. 280-284.
6. Решение от 3 июня 2020 г. по делу № А33-11376/2020 // Sudact: Судебные и нормативные акты в РФ [Электронный ресурс]. URL: м (дата обращения 22.11.2020)
7. Решение от 5 июня 2020 г. по делу № А79-13335/2019 // Sudact: Судебные и нормативные акты в РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/xkvpips9CJLv/> (дата обращения 22.11.2020)
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 22.11.2020)
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 22.11.2020)
10. Чебыкина Ю.О. Проблемы использования свидетельских показаний в качестве средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Наука без границ. - 2017. - №5 (10). - С. 76-81.

Петрова М.А.

Правовое государство: развитие идеи, понятие, признаки

*ФГБОУ ВО ХГУ им. Н.Ф. Катанова
(Россия, Абакан)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-148

idsp: ljjournal-01-2021-148

Аннотация

Правовое государство - это такая форма организации и деятельности государственной власти, которая строится на верховенстве права во всех сферах жизни общества. Представления о государстве как организации, осуществляющей свою деятельность на основе закона, начали формироваться уже на ранних этапах развития человеческой организации.

Ключевые слова: право, государство, идеи, признаки, формирование, власть

Abstract

The rule of law is a form of organization and activity of state power that is based on the rule of law in all spheres of society. Ideas about the state as an organization that operates on the basis of the law began to form at the early stages of the development of human organization.

Keywords : law, state, ideas, signs, formation, power

В современных условиях идея верховенства закона испытывает влияние новых факторов. Один из них связан с современным состоянием культуры техногенного развития. Действительно, «в настоящее время техногенная цивилизация» ... «подошла к «точке бифуркации», за которой может последовать ее переход в новое качественное состояние». В этих условиях распространяется «открытый рационализм», позволяющий соизмерять свою позицию с достижениями мировоззренческих идей традиционалистских культур. Второй фактор связан с расширением пространства действия техногенной цивилизации. Во второй половине двадцатого века этот процесс вышел за рамки государств, которые отождествляют себя с концепцией Запада. Таким образом, политическая система стала трактоваться «с акцентом на национально-исторические особенности формирования политической культуры народов» и постулировать национально-политический менталитет. Идея верховенства закона была включена не только в конституции Германии, Испании, Швейцарии и других стран Западной Европы, но и в основные законы России, Китая, Бразилии, Казахстана и др. Оказалось, что идея верховенства закона может быть совместима с различными историческими и национальными культурами. Китайская Народная Республика признает возможность реализации идеи верховенства закона в контексте возрождения конфуцианства, следуя курсу социалистического строительства и сохраняя политическое лидерство Коммунистической партии. На Западе демократия рассматривается как единственный источник легитимности государственной власти, тогда как в Китае, по мнению экспертов, легитимность власти проистекает из исторического прошлого страны.

Верховенство закона как идея, взятая на уровне абстракции, реализуется исторически конкретным обществом, в определенной географической среде, на стыке особых культурных, экономических, политических и ментальных условий. На этом уровне формирование верховенства закона осуществляется как параллельный процесс, позволяющий решать вопросы в различных вариантах.

Следовательно, необходимость установления черт верховенства права на двух уровнях будет логически обоснована. На общем уровне признаки правового государства отображают особенности, признаки, признаки типа государственности в системе политической организации общества. Это общие признаки правового государства. Поскольку они напрямую отражают сущность государства, их следует воспринимать как принципы правовой государственности. В частности, такие принципы политической организации, как верховенство закона, демократия и разделение властей, по сути, занимают место и роль принципов правовой государственности. Профессор В. Д. Зорькин справедливо отмечает, что эти положения характеризуют существенные черты правового государства. Роль принципов верховенства закона состоит в том, чтобы наилучшим образом представить «правовое качество государства».

Принципы верховенства закона показывают степень погружения государства в сферу права. Совместимость его организации и деятельности с идеями права. Погружение государства в сферу права означает также вовлечение права в сферу государственного существования. Благодаря этому право становится устойчивым. Оно становится более нормативным и общеобязательным. При этом все правовые вопросы, связанные с государственной жизнью, начинают «работать» под контролем принципов правовой государственности.

Представление о верховенстве закона связано с общими факторами, определяющими процесс его реализации. Но оба эти фактора и идея верховенства закона являются общепринятыми. На практике общие факторы носят конкретно-

исторический характер. Поэтому идея верховенства закона реализуется с учетом истории этой страны. При этом, как показывает практика, особое значение имеют несколько моментов. В каждой стране их список наверняка может быть разным. Применительно к России они подчеркивают важность национального и культурного наследия населения и особую роль государства в обеспечении организации и развития общества.

Таким образом, концепция верховенства права, сложившаяся в 18-20 веках, включает несколько основных компонентов:

Верховенство закона, то есть в рамках законного существования государства подчиняются закону все лица / организации, которые находятся на территории государства и его граждане, а также государство, которое они контролируют.

Верховенство закона, то есть законы призваны регулировать наиболее важные аспекты общественных отношений, обладая большей юридической силой, чем, например, подзаконные акты.

Принцип разделения властей, который подразумевает разделение полномочий и компетенций между несколькими ветвями власти. В рамках верховенства закона самым важным является независимость судебной ветви власти, которая выполняет основные функции по поддержанию верховенства закона и обеспечению основных прав и свобод.

Широкий спектр прав и свобод человека и гражданина, которые не только провозглашаются, но и фактически обеспечиваются и гарантируются.

Взаимная ответственность государства и отдельных граждан, которая предполагает, что ответственность и наказание за совершение правонарушений могут нести как гражданин, так и государство, его органы и представители.

Совершенно очевидно, что идеи верховенства закона сегодня необходимы и важны. Они позволяют нам делать прогнозы относительно будущего развития нашего государства. И эти прогнозы, несмотря на то, что они могут сбыться не скоро, якобы организуют настоящее, нацелены на правильные практические действия. С точки зрения теории верховенства права можно переоценить прошлый политический и правовой опыт и оценить настоящее. В этой связи уместно отметить, что многие государственные деятели сегодня говорят о верховенстве закона, не имея четкого представления о том, что это такое. Ведь необходимо помнить, что правовое государство может быть сформировано только в органической связи с гражданским обществом, обеспечивающим его функционирование. И поскольку такое общество создается или будет создано, в той же степени формируется и правовое государство.

Движение к верховенству закона подразумевает улучшение правовой системы. В переходный период, который сейчас переживает Россия, когда контуры нового общества не совсем ясны или не получили всеобщего признания и четкой правовой формы, это довольно сложная задача.

***

1. Государство и революция. С. 1–120. Байтин М. И. Сущность государства // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1. М.: Норма, 2017. С. 193–206.
2. Милушева Т. В. Пределы деятельности государственной власти в России: вопросы теории и практики / под ред. О. И. Цыбулевской. Саратов: СГАП, 2017. 298 с.
3. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
4. Волкова, Н. С. Сущность правового государства / Н. С. Волкова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 47 (285). — С. 274-276. — URL: <https://moluch.ru/archive/285/64293/> (дата обращения: 14.12.2020).

Пышнова Е.С.

Особенности правового статуса несовершеннолетних в уголовном праве

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
(Россия, Оренбург)

doi: 10.18411/lj-01-2021-149

idsp: ljjournal-01-2021-149

Научный руководитель
Баглай Ю.В.

Аннотация

В настоящее время остро стоит вопрос о ювенальной юстиции. Для современного российского уголовного права актуальны вопросы возраста привлечения к уголовной ответственности, назначения наказания и правильной оценки действий несовершеннолетних. В работе исследуется и анализируется правовой статус несовершеннолетнего в уголовном праве. Раскрываются особенности уголовной ответственности несовершеннолетних. Подробно анализируются виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним. В статье рассмотрены основные положения о задачах уголовно-правовой защиты несовершеннолетних, а также сделаны выводы о проблемных аспектах механизмов уголовно-правовой защиты прав и интересов на современном этапе.

Ключевые слова: правовой статус, несовершеннолетний, ответственность, уголовное право, наказания.

Abstract

Currently, the issue of juvenile justice is acute. For modern Russian criminal law, the issues of the age of criminal prosecution, sentencing and correct assessment of the actions of minors are relevant. The work examines and analyzes the legal status of a minor in criminal law. The features of the criminal liability of minors are revealed. The types of punishments assigned to minors are analyzed in detail. The article examines the main provisions on the tasks of criminal legal protection of minors, and also draws conclusions about the problematic aspects of the mechanisms of criminal legal protection of rights and interests at the present stage.

Key words: legal status, minor, responsibility, criminal law, punishment.

Несовершеннолетние в уголовном праве наделяются специфическими признаками, что определяет необходимость определения их в отдельную категорию.

В связи с чем несовершеннолетний как субъект уголовного права имеет свою специфическую характеристику, и, как следствие, специфику рассмотрения и его отношения как к правонарушителю. То, что законодатель, устанавливая круг правонарушений, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста, руководствуется взаимосвязанными критериями, в совокупности демонстрирует тот факт, что рассматриваемый субъект обладает той степенью интеллектуального и волевого развития, которая выражается в умении осознавать степень общественного и опасного деяния, а также руководить им.

Вместе с тем Якубов А. Е. пишет, что в основе определения возраста, по достижении которого человек может быть привлечен к уголовной ответственности, лежит уровень сознания несовершеннолетнего, его способность осознавать происходящее и в соответствии с этим сознательно работать. Несовершеннолетние лица не могут быть субъектами преступления, так как в силу своего возраста не имеют возможности адекватно осознавать свои действия и руководить своими действиями [8, С. 20].

Орымбаев Р. говорит, что способность осознавать опасность своего поведения развивается постепенно, в результате воспитания и жизненных наблюдений. К определенному возрасту у подростка уже накапливается жизненный опыт, появляется возможность осознавать свои поступки и более или менее правильно выбирать варианты своего поведения [6, С. 86].

Из всего этого следует, что несовершеннолетние как субъект уголовного преступления обладают рядом особенностей, что обуславливает необходимость выделения последних в особый круг субъектов.

В соответствии с законодательством Российской Федерации уголовная ответственность наступает в отношении лица, достигшего к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. Лица, достигшие к моменту совершения преступления 14-летнего возраста, подлежат уголовной ответственности преступления, указанные в ст. 20 УК РФ.

Вопрос о пороговом минимуме касается возраста, с которого может быть назначено уголовное наказание несовершеннолетнему. С одной стороны, принцип законности санкции обязывает к тому, что именно Уголовный кодекс устанавливает данный возраст. С другой стороны, принцип равенства перед уголовным законом обязывает, чтобы этот возраст был одинаковым для всех несовершеннолетних, даже если такой принцип не препятствует индивидуализации наказания в соответствии с личностным или психологическим развитием несовершеннолетнего.

В соответствии с международными обязательствами по максимальному обеспечению прав ребенка и в целях либерализации уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей в декабре 2003 года Россия существенно изменила свой Уголовный кодекс (федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации”).

Поправки, внесенные в статью 87 УК РФ, устанавливают приоритет “альтернативного наказания” для несовершеннолетних, совершивших преступления, т.е. принудительные меры воспитательного характера (предупреждение, помещение под надзор родителей или лиц, замещающих родителей, либо в любое специализированное государственное учреждение, принуждение к возмещению причиненного ущерба, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего).

Наказание в виде лишения свободы не может применяться к осужденному несовершеннолетнему в возрасте до 16 лет, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести (статья 88 УК РФ).

В связи с вышеизложенным российские власти осуществляют проект “восстановительное правосудие в России” при содействии Центра судебно-правовой реформы, являющегося общественной организацией. Проект направлен на создание правовой базы реституционного правосудия в России и внедрение в правоприменительную практику нетрадиционных механизмов реагирования государства на преступные деяния (разрешение уголовно-правового конфликта мерами, направленными на достижение компромисса между сторонами конфликта и не связанными с уголовным преследованием).

В некоторых субъектах Российской Федерации реализуются экспериментальные проекты по применению специальных восстановительных мер в отношении данной категории лиц (отдельные элементы восстановительного правосудия). К таким мерам относятся медиация по уголовным делам с участием несовершеннолетних, разработка и реализация индивидуальных программ социальной реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних жертв преступлений, а также самих несовершеннолетних правонарушителей.

Развитие ювенальной юстиции как правовой основы социальной политики в отношении несовершеннолетних является одним из важнейших направлений работы

органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также органов местного самоуправления и различных институтов гражданского общества в Российской Федерации.

По данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий, в 2019 году несовершеннолетними в Российской Федерации было совершено 41 548 преступлений, что на 4,6% ниже показателей предыдущего периода [5]. При этом доля этой категории преступлений по отношению к числу ранее раскрытых преступлений составляет 3,9%. Следует отметить, что по отдельным видам преступлений зарегистрировано более 1600 эпизодов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или преступных антиобщественных действий. Среди лиц, совершивших преступления различной степени тяжести, выявлено и привлечено к уголовной ответственности 37 953 несовершеннолетних, что на 7,1% меньше, чем за предыдущий период [3].

Статья 87 УК РФ предусматривает уголовную ответственность в отношении несовершеннолетних. Преступление, совершенное такими лицами, влечет за собой обязательную реакцию государства, которая заключается в применении наказания с целью исправления несовершеннолетнего правонарушителя и недопущения совершения им новых преступлений.

Часть 2 ст. 87 УК РФ предусматривает применение воспитательных мер или "мер воспитательного воздействия" к несовершеннолетним, совершившим преступление [7].

Статья 88 УК РФ содержит исчерпывающий перечень наказаний, которые могут быть применены к несовершеннолетним за совершенные ими преступления. Уголовный закон предусматривает несколько видов наказаний, позволяющих индивидуализировать санкцию в строгом соответствии с тяжестью совершенного деяния, среди которых: штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; ограничение свободы; лишение свободы на определенный срок.

Следует отметить, что законодатель не предусматривает применения таких видов наказаний, как ограничение свободы, принудительные работы, арест и пожизненное лишение свободы в отношении несовершеннолетних осужденных, что обусловлено особым социально-правовым статусом несовершеннолетних, а также лояльным подходом к категории несовершеннолетних со стороны государства.

Сегодня доктрина уголовного права выделяет ряд особенностей в подходе к назначению и фактическому исполнению наказания в отношении несовершеннолетних. Так, анализируя уголовное законодательство, Н. А. Селезнева приходит к выводу, что из "шести видов наказания, предусмотренных УК РФ для несовершеннолетних, им фактически могут быть назначены четыре, из которых штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью и исправительные работы применяются только к тем несовершеннолетним, которые имеют место на производстве".; из чего следует, что единственным наказанием, которое может быть применено к несовершеннолетним, является лишение свободы [4].

Статья 89 УК РФ устанавливает особенности законодательного регулирования назначения наказания в отношении несовершеннолетнего правонарушителя. По смыслу ч. 1 ст. 89 УК РФ при назначении наказания в отношении несовершеннолетнего, за исключением ст. 60 УК РФ, "учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные черты личности, а также влияние на него лиц старшего возраста" [7].

При этом материалы не только уголовных дел, но и материалы в Комитете по делам несовершеннолетних и защите их прав не содержат сведений, позволяющих достоверно представить реальное положение несовершеннолетнего, отразить реальные условия жизни и воспитания несовершеннолетнего.

Среди пробелов в действующем законодательстве следует отметить, что на данный момент отсутствует набор параметров, характеризующих уровень жизни несовершеннолетнего. Кроме того, при назначении наказания несовершеннолетним судьями на практике недостаточно реализуется учет любого из обстоятельств, изложенных в статье 89 УК РФ и составляющих особенности назначения наказания несовершеннолетним [2].

Часть 2 статьи 89 УК РФ предусматривает, что возраст несовершеннолетнего рассматривается в качестве смягчающего обстоятельства "в совокупности с другими смягчающими и отягчающими обстоятельствами" [7]. По смыслу статьи следует, что возраст несовершеннолетнего не во всех случаях выступает в качестве обязательного смягчающего обстоятельства, но он всегда оказывает влияние на смягчение наказания в обязательном порядке.

Здесь необходимо отметить острую дискуссионную позицию многих авторов о том, что возраст несовершеннолетнего является обязательным основанием для смягчения наказания и должен учитываться в качестве смягчающего обстоятельства. Однако, несмотря на то, что данное положение закреплено в пункте "б" части 1 статьи 61 УК РФ, законодатель не сделал его обязательным.

Подводя итог, следует обратить внимание на то, что содержание статей Уголовного закона, закрепляющих правовой статус несовершеннолетних, зачастую расходится с реальной правоприменительной практикой.

При назначении наказания суды недостаточно опираются на обстоятельства, изложенные в статье 89 УК РФ. Эта проблема стоит гораздо острее, и эти материалы отсутствуют в деле, потому что эти факты просто не собираются уполномоченными органами.

На сегодняшний день не стоит вопрос о полномочиях ни одного из органов и учреждений, на которые возложены соответствующие полномочия. Каждый из органов и учреждений имеет полномочия и свод нормативных актов, положений и инструкций по сбору необходимой информации, проведению профилактических мероприятий и своевременному представлению достоверной информации в суды [1].

Эффективное осуществление Конвенции о правах ребенка, а также использование и применение международных стандартов в рамках программ технического сотрудничества и консультативных услуг следует обеспечивать, уделяя особое внимание следующим аспектам, касающимся защиты и поощрения прав детей, содержащихся под стражей, укрепление законности и совершенствование системы отправления правосудия в отношении несовершеннолетних:

- помощь в проведении правовой реформы;
- укрепление национального потенциала и инфраструктуры;
- программы подготовки сотрудников полиции и других правоохранительных органов, судей, прокуроров, адвокатов, тюремных служащих и других заинтересованных специалистов ювенальной юстиции;
- подготовка информационных и учебных материалов для информирования детей об их правах в сфере отправления правосудия в отношении несовершеннолетних;
- помощь в разработке информационных и управленческих систем.

Одним из очевидных принципов предупреждения преступности среди несовершеннолетних и отправления правосудия в отношении несовершеннолетних является то, что долгосрочные изменения достигаются устранении коренных причин.

Например, чрезмерное использование содержания под стражей несовершеннолетних может быть решено надлежащим образом только путем применения комплексного подхода, который включает как организационные, так и

управленческие структуры на всех уровнях расследования, прокуратуры и судебной системы. Это требует связи, в частности, с полицией, прокуратурой, судьями и местными властями, административными органами и соответствующими властями центров содержания под стражей и между ними.

Чтобы предотвратить дальнейшее чрезмерное использование мер уголовного правосудия для решения проблемы поведения детей, следует предпринять усилия по разработке и применению программ, направленных на усиление социальной помощи, которые позволили бы при необходимости вывести детей из системы правосудия, а также улучшение применения мер, не связанных с лишением свободы, и программ реинтеграции. Для создания и применения таких программ необходимо способствовать тесному сотрудничеству между секторами правосудия в отношении детей, различными службами, отвечающими за правоохранительные органы, социальное обеспечение и образование.

***

1. Бадмаева Б.Б., Дондок Ц.С. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник ЗабГУ, 2012, № 10 (89). – С. 141-147.
2. Долматов А. О. Особенности назначения уголовного наказания несовершеннолетним (анализ практики) // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2012. № 3 (5). С. 25–32.
3. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cimestat.ru/analytics> (дата обращения к электронному ресурсу 05.11.2020)
4. Селезнева Н.А. Наказания, назначаемые несовершеннолетними по уголовному праву РФ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – М.: Изд-во РУДН, 2003, № 1. – С. 16-23.
5. Состояние преступности в России (январь-декабрь 2019 г.) Главное управление правовой статистики и информации и технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения к электронному ресурсу 05.11.2020)
6. Специальный субъект преступления / Орымбаев Р.; Отв. ред.: Баймурзин Г.И. - Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. - 152 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // [Текст] // Справочно-правовая система "Консультант Плюс" : [Электронный ресурс] / Компания "Консультант Плюс".
8. Якубов А.Е. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Московского университета (Серия 11 – Право) – 1988 – № 6 – С. 18-24.

Радакина А.М.

История становления института лишения и ограничения родительских прав

*ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-150

idsp: ljjournal-01-2021-150

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные вопросы истории развития институтов лишения и ограничения родительских прав.

Изучение развития институтов лишения и ограничения родительских прав позволяет проследить особенности развития правового положения детей в Российском законодательстве в различные исторические периоды, тенденцию постепенного расширения круга их прав, и как следствие - зарождение сначала института лишения родительских прав, позже – ограничения родительских прав.

Ключевые слова: дети, родители, обязанности родителей, лишение родительских прав, ограничение родительских прав.

Общеизвестно, что семья – это древний и до сих пор один из значимых социальных институтов человечества. Семейные отношения многоаспектны, поскольку имеют глубокие исторические корни и они являются важными для государства с момента их возникновения.

В современный период развития общества, дети признаются незащищенной категорией в семейных отношениях. Но так было не всегда. Как показывает история развития нашего государства, признание за детьми прав, а также регулирование родительских обязанностей на разных исторических этапах происходило по-разному.

Например, А.Ю. Дудкин [12, с. 50] отмечает, что следует выделять три этапа развития гарантированности и защиты прав и законных интересов ребенка:

1. Дореволюционный этап, характеризующийся отсутствием представлений о правах ребенка и соответственно и их защите. Имеет место сильная родительская власть.

2. Социалистический этап, во времена которого происходит не только появление, но и прогрессивное развитие представлений и становление понимания о детских правах и их защите, а также о родительских обязанностях. Родительские права постепенно подчиняются интересам детей. Законодателем предоставляется право судам, при ненадлежащем исполнении родителями своих обязанностей и неправомерном нарушении прав детей, лишать их родительских прав.

3. Современный этап, начинающийся с принятия, ныне действующей Конституции РФ (1993 год), Семейного кодекса РФ в 1996 году, а также большого массива нормативных актов, закрепляющих и гарантирующих права и интересы ребенка. Необходимо отметить, что именно в новом кодексе впервые закрепляется понятие «ограничение родительских прав».

Можно согласиться с данной периодизацией в целом и возникновением, развитием институтов лишения и ограничения родительских прав, так как она в первую очередь достаточно точно определяет отправные точки появления защиты прав и законных интересов детей.

Дореволюционный этап как самый продолжительный по времени (примерно с IX по начало XX веков) характеризуется практически вплоть до XVIII века безраздельной властью родителей над детьми. Данная максима поддерживалась и церковью, и властью, потому что выстраивала определенную систему отношений власти -подчинения, где четко было понятно, кто в чьей власти находится. Так, в Соборном Уложении 1649 года прослеживалось неравное положение детей и родителей, предоставляя права последним и практически лишая таковых детей. Например, за убийство родителя ребенком тому полагалась смертная казнь, а за убийство отцом своего ребенка тот получал лишь один год тюремного заключения, а также церковью приговаривался к покаянию [13, с.51]. Кроме этого, детям запрещалось жаловаться на своих родителей под угрозой битья кнутом.

Всячески поощрялись телесные наказания как лучший способ воспитания. Знаменитый источник этических норм и правил, написанный в XVI веке «Домострой» устанавливает: «Казни сына своего от юности его и покоится ты на старость твою, а дает красоту души твоей. И не ослабляй бия младенца: аще бо жезлом биеша его, не умрет, но здравие будет...» [9] Таким образом, прослеживается тенденция отказа государства того времени защищать права детей при защите прав родителей, что выливалось главным образом в жесткие, карательные формы воспитательного процесса.

В тоже время прослеживается законодательное ограничение власти родителей над детьми. Так, судебник 1550 года установил запрет на продажу детей своими родителями. Затем, при Петре I был уменьшен до пяти лет срок, на который родители могли отдавать своих детей внаём. Тогда же «было запрещено постригать в монахи (монахини) своих детей без их на то согласия, а также заключать браки без согласия

брачующихся» [11, с. 53]. Нужно оговориться, что все вышеперечисленное чаще всего было формальностью и исполнялось далеко не всегда.

Право родителей применять к детям физическое насилие сохранялось в России до XX века. Однако, в XVIII веке уже нельзя было «калечить и ранить» при этом. Но и в конце XIX в., если «за умышленное убийство своих детей родители наказывались даже строже, чем за убийство постороннего лица, то за неосторожное убийство детей в процессе наказания они подвергались гораздо менее тяжкой каре, чем другие неосторожные убийцы» [11, с. 53].

За XIX столетие мало что изменилось. В 1832 году появился Свод законов Российской империи, который обновил и систематизировал законодательство, но не принес ничего кардинально нового в отношении между родителями и детьми. Так, В ст. 167 Свода законов устанавливалось: «Власть родительская простирается на детей обоюбого пола и всякого возраста с различиями и в пределах законов, для сего постановленных [8]. Это означало, что родительская власть прекращалась после замужества дочери, или поступления на военную службу (обучение) сына.

Особым основанием прекращения родительских прав становилось осуждение родителей, когда в качестве наказания применялось лишение всех прав состояния. В таких случаях дети не обязаны были ехать за родителями в ссылку. При чем, «родители не лишались родительских прав в современном понимании данного института, потому что данное обременение не связывалось с противоправным поведением родителей по отношению к своим детям» [14, с. 54].

Следовательно, можно констатировать, что вплоть до конца XIX века отношения между родителями и детьми остались в целом неизменными. Превалировал практически ничем неограниченный произвол родителей по отношению к детям и бесправие детей.

Серьезные качественные изменения по данному вопросу происходят после прихода к власти большевиков в 1917 году, что доказывает принятие декрета ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [2], «О расторжении брака» [3]. Принимается «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» [4] (далее по тексту – Кодекс 1918 года), который в законодательство о семье ввел новеллы:

- о возрастном пороге по ограничению родительской власти: к мальчикам – до 18 лет, к девочкам – до 16 лет (ст. 149);
- на родителей возлагаются определенные обязанности: «заботиться о личности несовершеннолетних детей, об их воспитании и подготовке их к полезной деятельности» (ст. 154); защищать интересы детей, личные и имущественные (ст. 155); «доставлять несовершеннолетним, нетрудоспособным и нуждающимся детям пропитание и содержание» (ст. 161).
- появляется институт лишения родительских прав, который должен реализовываться в судебном порядке (ст. 153).
- устанавливаются алиментные обязательства родителей, определен судебный порядок рассмотрения дел о содержании детей при разводе, закрепляется право требования ребенком содержания от родителей.

Учитывая вышеизложенный анализ Кодекса 1918 года, можно констатировать, что советское государство не только впервые обратило внимание на права и интересы детей, но и гарантировало им защиту от родительского произвола.

Работа в данном направлении была продолжена. В 1926 году был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке [6] (далее - КЗоБСО РСФСР). Многие положения Кодекса 1918 года дублировались в новом кодексе, но были и новшества. Так, введен новый институт - отобрание ребенка у родителей и передачу его органам опеки и попечительства. Существовало три условия такого отобрания: не выполнение своих обязанностей; неправомерное осуществление прав в отношении детей; жестокое обращение с детьми.

Примечательно, что советская власть вводила лишение родительских прав как дополнительную меру ответственности (так называемое поражение в правах) для лиц, совершивших иные преступления (ст. 31 КЗоБСО РСФСР) [5]. К такой мере государства нельзя относиться однозначно. Лишение родительских прав не связано как прямые последствия ненадлежащих взаимоотношений родителей и детей. Полагаем, что государство таким образом защищало права ребенка, потому что при таких обстоятельствах родитель был осуществлять обязанности по его воспитанию и содержанию. Таким образом появлялась возможность возложить такую обязанность на какое-то иное лицо, либо на государство (ст. 32 КЗоБСО РСФСР).

20-е годы XX века знаменуют обращение пристального внимания к правам ребенка международного сообщества. Примером этому является принятие Лигой Наций в 1924 году Женевской декларации прав ребенка.

Дальнейшее развитие института лишения родительских прав связано с принятием Основ законодательства СССР о браке и семье.

В 1969 году был принят Кодекс законов о браке и семье РСФСР [7], включивший в свое содержание следующие новшества:

- 1) появилась глава, посвященная правам и обязанностям родителей по воспитанию детей;
- 2) закреплена статья, регламентирующая лишение родительских прав (ст. 59);
- 3) перечислены основания для лишения родительских прав (уклонение родителей от своих обязанностей по воспитанию детей, злоупотребление своими правами, жестокое обращение с детьми, оказание вредного влияния на детей своим аморальным, антиобщественным поведением, хронический алкоголизм или наркомания родителей);
- 4) установлен исчерпывающий перечень лиц, которые могут заявить в суд о лишении родительских прав (государственные, общественные организации, один из родителей, опекун (попечитель), прокурор);
- 5) впервые закреплено, что судебное разбирательство по лишению родительских прав проводится с обязательным участием прокурора;
- 6) лишение родительских прав автоматически приводило к установлению алиментных обязательств на родителей, лишенных этих прав;
- 7) закрепляются последствия для родителя, лишенного родительских прав. Такие родители не могли требовать содержания от своих детей, не освобождались от обязанности по содержанию своих детей, а также они могли быть выселены из занимаемых жилых помещений, если их поведение отрицательно могло повлиять на ребёнка.

Именно с этого времени можно говорить о том, что отношения родителей и детей нашли четкое закрепление в законодательстве и были достаточно полно урегулированы.

Принятый Закон СССР от 22.05.1990 № 1501-1 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР по вопросам, касающимся женщин, семьи, детства» [10, с. 422] расширил круг лиц, которые могли инициировать лишение родительских прав. Детям было представлено право обращаться в органы опеки и попечительства за защитой своих прав, которые получили возможность изымать детей из семьи, по тем или иным основаниям, даже не дожидаясь решения суда о лишении родителей их прав.

Изменения в политической и экономической сфере, произошедшие в девяностых годах прошлого столетия ознаменовали наступление третьего этапа развития семейных отношений. Принятие Конституции РФ в 1993 году, а также Семейного кодекса РФ [1] (далее по тексту – СК РФ), нормы которых основаны на мировых стандартах по защите семьи, материнства, отцовства, детства и защиты прав и интересов детей.

С принятием кодекса впервые законодательно закрепляется понятие «ограничение родительских прав», а также основания применения данной меры, что позволило еще более полно и эффективно защищать права и интересы ребенка.

Таким образом, рассмотрев становление и развитие институтов лишения родительских прав и ограничения родительских прав можно сформулировать ряд выводов:

1. развитие семейных отношений, а также законодательное урегулирование можно рассмотреть в рамках трех этапов (дореволюционный, социалистический, современный);
2. на дореволюционном этапе отсутствует какое-либо законодательное закрепление прав и интересов ребенка, преобладают интересы родителей над интересами детей, институты лишения и ограничения прав родителей отсутствуют;
3. на социалистическом этапе появляется и получает широкую законодательную регламентацию институт лишения родительских прав. Кроме того, в качестве дополнительной гарантии при разрешении данного вопроса в суде необходимо обязательное присутствие прокурора.
4. современный этап знаменует дальнейшее совершенствование института лишения родительских прав, вводится дефиниция «ограничение родительских прав» и перечисляются основания применения данной меры.

***

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 1 ст. 16.
2. Декрет ВЦИК «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 года // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 37. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2020).
3. Декрет ВЦИК «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 года // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 36. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Кодекс законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве от 22 октября 1918 года № 76 – 77 // СУ РСФСР. 1918. № 76 – 77. Ст. 818. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2020) (недействующая редакция).
5. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 10.10.2020) (недействующая редакция).
6. Постановление ВЦИК «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» от 19 ноября 1926 года // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://lawrussia.ru> (дата обращения: 10.10.2020) (недействующая редакция).
7. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения 10.10.2020) (недействующая редакция).
8. Свод законов Российской Империи. Классика российского права // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civil.consultant.ru> (дата обращения: 02.10.2020).
9. Домострой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://librebook.ru/domostroi> (дата обращения: 02.10.2020).
10. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 23. Ст. 422. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2020).
11. Антокольская М. В. Семейное право: Учебник. М.: Юрист, 2001. С. 52.
12. Дудкин А.Ю. История правового регулирования родительских прав и обязанностей по семейному кодексу Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2018. №4. С. 50-52.
13. Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / составитель, автор предисловия и вступительных статей В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 51 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www/hist.msu.ru> (дата обращения: 02.10.2020).
14. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. М.: Издание бр. Башмаковых, 1911. С. 54. URL: <http://mir.zavantag.com> (дата обращения: 10.10.2020).

Рафагутдинов И.И., Павлов С.Ю.
Правовой статус самокатов и других средств индивидуальной мобильности, как участников дорожного движения

*БашГУ
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-151

idsp: ljjournal-01-2021-151

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению проблем регулирования правового статуса новых участников дорожного движения – лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности. Опасность данных устройств для их владельцев и всех прочих участников дорожного движения требует немедленного вмешательства со стороны законодателя, однако проект нормативно-правового акта, разработанный еще в прошлом году, так и не принят до сих пор. Разработанные с настоящей статье конкретные предложения базируются на опыте зарубежных стран.

Ключевые слова: правила дорожного движения, средства индивидуальной мобильности, электроскутер, сигвей, гироскутер.

Средства индивидуальной мобильности, такие как сигвеи, гироскутеры и моноколеса получили свое распространение в Российской Федерации сравнительно недавно, в то время как самокат используется как минимум сотню с лишним лет, но в последние годы, благодаря оборудованию его электромотором значительно поменял свою техническую сущность и общественную опасность для обычных пешеходов. Люди стали использовать данные средства как альтернативу мопедам и скутерам, так как их правовой статус никак не урегулирован, а значит двигаться на них формально можно везде.

Согласно пункту 1.2 Правил дорожного движения [1] все перечисленные средства индивидуальной мобильности являются транспортными средствами, так как они предназначены для перевозки людей, тем более что они приводятся в движение за счет энергии двигателя. Однако они не имеют паспорта технического средства, следовательно, не могут являться таковым.

Следовательно, если сотрудник Государственной инспекции по безопасности дорожного движения остановит человека на гироскутере или сигвее, то будет относиться к нему, как к пешеходу. Создать законы, регулирующие движение электросамокатов, сигвеев и подобных средств передвижения было предпринято в прошлом 2019 году: Министерство транспорта предложило ввести новое понятие «Средства индивидуальной мобильности», включающее в себя как стандартный личный транспорт (по типу самокатов или скейтбордов), так и их электрические версии (сюда и нужно отнести сигвеи, гироскутеры и моноколеса). Проект Постановления Правительства Российской Федерации [2], вносящего правки в Правила дорожного движения пока не принят. Данный проект предполагает не внесение новой категории транспортных средств в Правила дорожного движения, а лишь возложение на использующих их лиц дополнительных обязанностей, как, то, передвижение по велосипедной дорожке с максимальной скоростью в 20 км/ч., запрет на движение по проезжей части, обязанность пропускать пешеходов [4].

В этой связи, на наш взгляд, необходимо обратиться к зарубежному опыту правового регулирования движения данных транспортных средств и определения их правового статуса, так как пришли они в Российскую действительность именно из зарубежных стран.

Так, в Австрии электрические самокаты приравнены к велосипедам. Максимальная разрешенная скорость составляет 25 км/ч [5].

В Швеции средства индивидуальной мобильности могут быть оборудованы двигателем не более 250 Вт и могут развивать максимальную скорость не больше 20 км/ч. А те, чей возраст меньше 15 лет, обязаны носить специальную защиту от травм - шлем, налокотники и наколенники.

В Германии скорость данных транспортных средств ограничена 20 км/ч, а кататься на них можно только после достижения возраста 14 лет, кроме того необходимо наличие заключенного договора страхования.

Самым жестким подходом отличается Великобритания, где введен запрет на использование электронных самокатов на дорогах общего пользования, а также на тротуарах и велосипедных дорожках, то есть везде кроме собственного земельного участка, или земельного участка другого лица с его разрешения [3].

Во Франции электрическим самокатам можно ездить по внутренним дорогам, не относящимся к проезжей части, и велосипедным дорожкам, при выезде на тротуары и дороги общего пользования владелец самоката рискует расстаться со 135 Евро, а если он превысит разрешенную скорость в 25 км/ч, то будет оштрафован на 1500 Евро.

В Испании «индивидуальными транспортными средствами» пользоваться можно только на велодорожках и улицах, где ограничение скорости движения транспорта составляет 30 км/час. При этом каждый город вправе устанавливать свои собственные ограничения. Так, в Барселоне можно передвигаться на таких средствах только по велодорожкам или по проезжей части пешеходных улиц. Там же запрещено оставлять такие транспортные средства на тротуаре, привязывать их к деревьям и иным стационарным объектам, хотя это дозволено для мотоциклов и велосипедов. В Валенсии владельцам мобильных транспортных средств весом менее 25 кг и с максимальной скоростью 20 км/ч можно ездить по тротуарам со скоростью не превышающей 10 км/ч. Парковаться можно на велосипедных стойках. В Мадриде водителям электросамокатов запрещено слушать музыку в наушниках во время движения и пользоваться устройством в пьяном виде.

А вот «в Японии электрические самокаты, сегвеи, гироскутеры или моноколеса пока не завоевали своего места под солнцем. Все они не отнесены к какой-либо из категорий эксплуатируемого на японских улицах транспорта. На территории островного государства, по сути, запрещено свободно передвигаться на электросамокатах и других новомодных девайсах. Так что Японию можно с уверенностью назвать велосипедной страной» [6].

Таким образом, можно сформулировать некие общие моменты, нуждающиеся в срочном законодательном регулировании.

Сразу оговоримся, что мы и будем рассматривать такой вид средств индивидуальной мобильности как сегвеи и гироскутеры ибо их нельзя считать таковыми по следующим причинам. Данные средства требуют особых навыков управления и представляют опасность как для здоровья их пользователей, так и для окружающих в силу своей малой устойчивости, следовательно их эксплуатация возможна только на специальных асфальтированных площадках, а не велодорожках, где они будут создавать препятствие для движения велосипедистов и управляющих электросамокатами, и тем более таким средствам индивидуальной мобильности нечего делать на проезжей части.

Средство индивидуальной мобильности должно служить более быстрому перемещению пешеходов, именно к таким средствам относятся электросамокаты, тем более, что данный вид транспортного средства, оборудованный двумя задними или двумя передними колесами, а также сиденьем давно во всем мире служит средством передвижения для престарелых людей и инвалидов. Однако современный электросамокат способен развивать скорость вплоть до 100 км/ч, а, следовательно, необходимо вводить специальные правила их эксплуатации, что и делается во всех цивилизованных государствах.

По своей сути электросамокат является ни чем иным, как складным вариантом электроскутера, но уступает ему по устойчивости и прочим критериям безопасности водителя и окружающих, следовательно приравнивать его к скутерам и мопедам нельзя, равно как и нельзя разрешать на нем двигаться по проезжей части. Поэтому в силу такой повышенной опасности скорость движения такого средства индивидуальной мобильности должна быть безусловно ограничена.

Считаем разумным предложение отечественного законодателя ограничить скорость передвижения электросамокатов в пределах 20 км/ч, при условии движения по велодорожке. Однако велодорожки есть далеко не везде, поэтому считаем, что надо разрешить двигаться на электросамокатах по тротурам, но с максимальной скоростью 10 км/ч. Другой вопрос кто будет измерять данную скорость и наказывать правонарушителей. Бегущий со свистком во рту за самокатом инспектор Государственной инспекции по безопасности дорожного движения будет смотреться весьма пикантно. Поэтому необходимо установить также требования к тем, кто управляет данными транспортными средствами, то есть разрешить их эксплуатацию только относительно ответственной группе населения, детям же и подросткам оставить велосипед.

Считаем, что управлять электросамокатом должны только лица, для которых использование данного средства индивидуальной мобильности вызвано жизненной необходимостью. К таким категориям следует относить: пожилых людей старше 55 лет, инвалидов, курьеров, почтальонов, граждан, занимающихся ремонтом различной электротехники и т.п.

Положительным представляется опыт Испании относительно запрета управления электросамокатом в наушниках. Даже пешеход, слушающий музыку на наушниках во время передвижения, представляет опасность как для себя, так и для других участников дорожного движения, так как не способен услышать звук приближающегося сзади транспортного средства, и один шаг вправо или слева может стать для него роковым, что уж тут говорить о водителе электросамоката.

Следующий момент, который нуждается в правовом регулировании это требования к самому средству индивидуальной мобильности. На наш взгляд не стоит ограничивать мощность электродвигателя такого транспортного средства, ибо двигатель мощностью в 250 Вт будет неспособен сдвинуть с места электросамокат, если его пассажир весит 150 кг. Ограничена должна быть только скорость на уровне 20 км/ч, причем на заводском уровне в невозможности отключения ограничения, что должно быть указано в паспорте данного средства, который управляющий им гражданин обязан всегда иметь при себе для предъявления инспекторам по их требованию. Естественно электросамокат должен быть обязательно оборудован задними и передними габаритными огнями, которые должны быть включены в любое время суток и иметь два зеркала заднего обзора.

Таким образом, введение перечисленных в настоящей работе требований к водителям средств индивидуальной мобильности является необходимым в самые кратчайшие сроки, что должно снизить травматизм и способствовать более сознательному отношению их владельцев к другим участникам дорожного движения.

***

1. Постановление Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения» (с посл. изм. и доп. от 26 марта 2020 г. № 341) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 47. Ст. 4531.
2. Проект постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090» [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=96588> (дата обращения: 15.09.2020).

3. В каких странах самокаты наиболее популярны? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.razor-russia.ru/poleznaya-informatsiya/v-kakih-stranah-samokaty-naibolee-populyarny> (дата обращения: 09.09.2020).
4. В России вводят правила для самокатов и других средств индивидуальной мобильности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777990125/> (дата обращения: 08.09.2020).
5. Как в Европе регулируются электрические самокаты [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/papamechanic.com/s/electric-kick-scooter/kak-v-evrope-reguliruyutsya-elektricheskie-samokaty/> (дата обращения: 09.09.2020).
6. Ковалева Д. На улицы выехал кошмар [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/09/19/kak-reguliruiut-ispolzovanie-elektrosamokatov-v-raznyh-stranah.html> (дата обращения: 09.09.2020).

Рафагутдинов И.И., Павлов С.Ю.

Проблемы привлечения к ответственности несовершеннолетних, управляющих транспортными средствами без водительского удостоверения

*БашГУ
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-152

idsp: ljjournal-01-2021-152

Аннотация

В статье рассмотрены особенности привлечения несовершеннолетних граждан в возрасте от 16 до 18 лет к административной ответственности за управление транспортным средством без водительского удостоверения. Было выявлено, что действующее законодательство позволяет несовершеннолетним практически безнаказанно управлять транспортными средствами без каких-либо документов. Предлагаются правовые пути решения выявленной проблемы.

Ключевые слова: водительское удостоверение, административная ответственность несовершеннолетних, управление транспортным средством без водительского удостоверения; наказание владельцев транспортных средств.

Многие могут удивиться, но оказывается в Российской Федерации любой подросток не имеющий водительского удостоверения может практически безнаказанно управлять автомобилем, подвергая опасности свою жизнь и жизнь других участников дорожного движения. К сожалению, на эту проблему обращается внимание только тогда, когда происходит дорожно-транспортное происшествие с участием несовершеннолетнего водителя.

Большинство несовершеннолетних садятся за руль автомобиля, так как не могут потерпеть до 18-и лет и полагают, что навыки вождения, полученными ими от родителей во время езды вокруг дачи, достаточны для того, чтобы выезжать на проезжую часть. В последнее время среди подростков популярно покупать старые советские автомобили в аварийном состоянии и устраивать на них гоночные заезды, в то время как техническое состояние такого транспортного средства едва позволяет ему сдвинуться с места.

В данной статье будет проанализирована установленная законом ответственность для несовершеннолетних, и тех, кто допустил передачу им управления.

Сразу отметим, что ответственность по Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях[2] наступает с 16 лет по части 1 статьи 2.3. Однако по части 2 этой статьи лица с 16 до 18 лет, совершившие незначительное правонарушение, могут быть освобождены от ответственности как несовершеннолетние.

В настоящее время, к экзамену на управление транспортным средством с объемом двигателя до 50 куб. см допускаются лица в возрасте от 16 лет.

С 17 лет разрешается управлять мотоциклом помощнее, до 125 куб. см.

Категория В и легковые автомобили становятся доступны лишь с 18 лет, хотя обучение можно начать и раньше.

Все эти требования обусловлены серьезностью возможных последствий от того, что водитель не справится с управлением.

Административное законодательство предусматривает следующие санкции, которые возможно наложить на несовершеннолетнего, управляющего транспортным средством.

Если несовершеннолетний находился за рулем транспортного средства без на управление им, то он по части 1 статьи 12.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях будет оштрафован на сумму от 5 до 15 тыс. руб. Если он оплатит данный штраф в течение 20-ти суток со скидкой 50%, то сумма составит 2,5 тыс. руб. – одну полную заправку автомобильного бензобака. При этом само транспортное средство будет помещено на штрафстоянку, от куда ее можно забрать с любым лицом, имеющим водительское удостоверение.

30 тыс. руб. заплатит подросток не имеющий права на управления транспортным средством и находящийся за рулем в состоянии алкогольного опьянения. Если у него такой суммы он будет заключен под стражу на срок от 10 до 15 суток, то есть может вообще ничего не платить.

Как видим, езда без водительского удостоверения для несовершеннолетнего угрожает ему суммой в 2,5 тыс. руб., что в двадцать и более раз меньше цены обучения в автошколе. То есть он фактически остается безнаказанным и может и дальше незаконно ездить до следующей встречи с инспектором.

Конечно не все так просто. Так, если у подростка нет собственных средств для уплаты штрафа, то его по части 2 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях придется платить его родителям, которые могут быть привлечены и к ответственности за игнорирование обязанностей по воспитанию ребенка.

На практике подросток садится за руль в ведома своих родителей, братьев, сестер и они должны нести за это ответственность, хотя всегда будут это отрицать, чтобы избежать предусмотренных законом санкций [5].

Если же подросток находился за рулем не собственного автомобиля, то здесь возможны суровые санкции для того, кто на самом деле имеет право управлять данным транспортным средством. Это 30 тыс. руб. по части 3 статьи 12.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, если ответственное лицо знало, что его автомобилем управляет подросток, а это еще надо доказать, поэтому в сводках происшествий, почти всегда указывается, что несовершеннолетний взял родительский автомобиль без их ведома. Если же подросток находился в состоянии опьянения, тогда ответственное лицо кроме штрафа будет лишено водительского удостоверения на срок 1,5-2 года по части 2 статьи 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

При этом «если владелец авто присутствует в машине, находится в трезвом состоянии и имеет действующий страховой полис, то автомобиль представители ГИБДД изымать не будут» [4].

Кроме всего прочего владелец транспортного средства согласно 2 части статьи 12.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях должен будет уплатить штраф за отсутствие страховки у лица, которое осуществляло управление.

Если же произошло дорожно-транспортное происшествие с участием несовершеннолетнего водителя, не имеющего водительского удостоверения, то, согласно части 3 статьи 26 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] все расходы по компенсации причиненного другим лицам материального и морального ущерба компенсируются за счет личных средств причинившего вред подростка или его родителей.

В случае, если при происшествии от рук несовершеннолетнего серьезно пострадали или погибли люди, виновника отправят в детскую колонию на срок, зависящий от тяжести последствий преступления.

Несовершеннолетнего, который совершил административное нарушение, то есть передвигался на транспортном средстве без наличия соответствующей открытой категории водительского удостоверения, могут поставить на учет в комиссии по делам несовершеннолетних [3]. И, если за первое нарушение такой меры еще можно избежать, за второе она неминуемо будет назначена. Более того, в отношении семьи подростка могут инициировать дело по лишению родительских прав, раз они не могут контролировать его действия.

Подведем итоги. По законам Российской Федерации управление транспортным средством запрещено детям до 16 лет, не имеющим водительского удостоверения и не прошедшим обучения в автошколе. К сожалению, сами дети не всегда готовы преодолевать данные этапы, ведь взять скутер у друга или машину у родителей можно прямо сейчас. Однако не стоит забывать, что подобное безответственное поведение может привести к серьезным последствиям. Прежде всего, финансовые потери понесет лицо, позволившее сесть за руль подростку без водительского удостоверения, сам подросток и его семья. Также, при возникновении дорожно-транспортного происшествия, может быть нанесен серьезный вред здоровью ребенка и другим участникам дорожного движения, а это чревато отправкой в колонию для несовершеннолетних и значительными по объему выплатами пострадавшим.

На наш взгляд, текущее административное наказание для несовершеннолетнего управляющего транспортным средством без соответствующих прав слишком мягкое. Необходимо внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях новый вид наказания: «запрет на сдачу экзамена на получение водительского удостоверения». Для несовершеннолетних установить срок - 5 лет. Таким образом, если подросток не захотел потерпеть год-два до 18 летнего возраста, ему придется потерпеть гораздо больше.

***

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2020 г. № 262-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 15 октября 2020 г. № 341-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
3. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70485810/> (дата обращения: 14.10.2020).
4. Несовершеннолетний без прав за рулем какое наказание? [Электронный ресурс]. URL: <https://shtrafi-gibdd.online/59-shtraf-za-ezdu-nesovershennoletnih-bez-prav-v-2020-godu.html> (дата обращения: 10.10.2020).
5. Несовершеннолетний без прав за рулем: какой штраф и что еще грозит? [Электронный ресурс]. URL: <https://autotonkosti.ru/q/nesovershennoletniy-bez-prav-za-rulyom-kakoy-shtraf-i-cto-eshchyo> (дата обращения: 10.10.2020).

Рябченко А.Г., Гаврик А.Е.

Проблема развития института юридического лица в Древнем Риме.

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-153

idsp: ljjournal-01-2021-153

Аннотация

В научной статье рассматривается проблема развития и становления института юридического лица в Древнем Риме. Анализируется правовая система Рима. Представлена классификация лиц в древнем государстве. В работе прослеживается исторически путь протоформирования института юридического лица. Проанализированы принципы новообразованного протоинститута.

Ключевые слова: Древний Рим, юридическое лицо, физическое лицо, дееспособность, правоспособность, правовой институт, право, обязанность.

Abstract

The scientific article deals with the problem of the development and formation of the institution of a legal entity in Ancient Rome. The legal system of Rome is analyzed. The classification of persons in the ancient state is presented. The paper traces the historical path of the formation of the institution of a legal entity. The principles of the newly formed proto-institute are analyzed.

Key words: Ancient Rome, legal entity, natural person, legal capacity, legal capacity, legal institution, law, duty.

Лицо это субъект наделенный правоспособностью и дееспособностью. Эти два качества характеризуют субъектов в любом государстве. Правоспособность – это основанная на законе способность иметь права и обязанности, а дееспособность – это основанная на законе способность совершать действия с правовыми последствиями, то есть своими действиями приобретать права и обязанности, лишать себя прав и обязанностей, исполнять свои права и обязанности. Именно государство решает, кого наделять правоспособностью и дееспособностью. В Риме государство наделило физических и юридических лиц вышеназванными качествами. Но существовали исключения – общее наделение право и дееспособностью отсутствовало [1].

В Риме к лицам относили как физических, так и юридических субъектов. Физическими лицами были граждане, латины, перегрины, колонны и можно еще добавить либертинов (как разновидность граждан). К юридическим лицам относили различные образования, такие как корпорации, коллегии, муниципии и другие [2]. Не все физические субъекты являлись лицами по римскому праву, а именно таковыми не являлись рабы. Остальные физические лица также делились на категории – на свободных и полусвободных. Подробнее остановимся на юридических лицах Древнего Рима.

В Древнем Римском государстве юридические лица наделались правоспособностью и дееспособностью. Законченного учения о юридических лицах не было. Однако определенной право и дееспособностью могли быть наделены муниципии (городские общины), казна, различные профессиональные союзы (союз булочников, союз мясников, союз ремесленников), союз госслужащих, благотворительные учреждения, религиозные учреждения, церковь (с момента, когда она была признана государством), коллегии, ассоциации, похоронные товарищества.

В правовой системе Древнего Рима не было окончательного оформления некоторых правовых институтов, одним из которых было юридическое лицо [5]. Возникновение субъектов правоотношений, имевших ряд особенностей современного

института юридического лица, связано с их упоминанием в законах XII таблиц. Этот древнейший свод римского права являлся источником всего частного и публичного права.

По Законам XII таблиц допускали полную свободу образования коллегий, ассоциации и другого подобного рода объединений, создаваемые частными лицами по своему усмотрению [4]. Они не нуждались в предварительном разрешении или последующей санкции со стороны органов государственной власти.

С переходом к монархии свободной коллегий оказалось политически проблемным. Ведь Юлий Цезарь запретил все корпорации, кроме тех, которые возникли в древнейшую эпоху. Он мотивировал это тем, что в тот момент присутствовали некоторые злоупотребления, которые имели место на почве свободного образования коллегий.

В I веке до нашей эры, всеми известный Август издал закон о коллегиях (*lex julia de collegis*), благодаря которому вводилась разрешительная система учреждений корпораций. Все корпорации, кроме религиозных и привилегированных, должны были возникать с получением предварительного разрешения сената и императора.

В древне-республиканский период не был признан тот факт, что организация может иметь имущество. Ведь такое имущество всегда было привязано к членам корпорации, и было неделимым только на период ее существования. Когда деятельность корпорации прекращалась, имущество делилось между последним составом ее членов. Корпорация как таковая не могла выступать в гражданском процессе сама по себе, а только представляя группу ее учредителей.

В Древнем Риме юридические лица играли весьма маленькую роль, нежели физические лица. Ведь индивидуальному субъекту как центральной фигуре того времени было уделено гораздо больше внимания в нормах и доктрине римского частного права. Отношения юридических лиц регулировалось уставами [3]. Своим Высшим органом они признавали общее собрание.

Первыми юридическими лицами являлись городские муниципии. Они осуществляли свою хозяйственную деятельность через своих представителей, назначенных муниципальным советом, могли отвечать в суде, становились субъектами имущественных прав наравне с частными лицами. Вслед за ними такое право получили частные корпорации, признанные процессуально правоспособными.

Объем правоспособности у разных юридических лиц был разным. Наибольшим объемом обладали муниципальные общины, поскольку в отличие от частных корпораций (коллегий) муниципии имели право получать имущество в силу завещательных отказов или легатов. Коллегии получили такое право только во II веке. Муниципии признавались обладателями некоторых личных прав, например, им предоставлялось патронат над вольноотпущенниками.

Римское право признавало правоспособность юридического лица, но римским юристам не удалось создать целостное учение о правоспособности корпораций. Такое учение не появилось и в эпоху поздней Империи, когда наряду с корпорациями появилась новая категория юридических лиц, которая в современном праве получила название учреждение. Это было связано с развитием христианства, в ходе которого церковные и частные благотворительные учреждения стали признаваться юридическими лицами. Они обладали имущественной правоспособностью, и им часто предоставлялись различные привилегии [2].

Наравне с физическими лицами выступали и общины, носившие свои особенности, которые были свойственны всем совокупностям. Правоспособность юридического лица возникает с момента его создания и поэтому римские объединения имели ряд особых прав и обязанностей, таких как:

- 1) совокупность могла выступать в качестве патрона, которая носит семейный характер и не могла получить наследство;

- 2) муниципии и другие объединения, которые участвовали в судебном разбирательстве через назначенного им представителя. Представитель действовал в интересах не отдельных лиц, а всей общины. Против муниципии мог предоставляться претором интердикт. Совокупность могла бы отстаивать свои интересы в суде, быть ответчиком. На отношение римских граждан ко всем объединениям, как к правоспособному участнику судебного процесса это оказало огромное влияние.
- 3) юридическое определение долговых обязательств в совокупности также являлось чрезвычайно важной правовой нормой. Долги совокупности признавались не за ее участниками, а за ней, тем самым была законно оформлена защита личной собственности членов объединений при исках против него;
- 4) муниципии имели право на получение имущества в силу завещательного отказа или легатов, а коллегии получили это право только во II веке нашей эры.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что римская социально-правовая система устройства государства была ориентирована только лишь на законное существование физического лица, а институт юридического лица развитие не получил. Проблема отсутствия специализированного института юридических лиц была обусловлена экономическими и политическими, социальными причинами, которые получили свое развитие внутри древнего государства. Тот уровень урегулированности, считался достаточным для экономических и социальных взаимодействий между физическими и протоюридическими лицами на тот период времени. Но также стоит отметить тот факт, что существовала тенденция, направленная на зарождение, развитие и становление института юридического лица. Подтверждение тому отражено в дифференциации уровня правоспособности и дееспособности между различными протоюридическими лицами.

***

1. Боярчук А.В. Зарождение юридических лиц в римском праве. М.: 2018 г. – С. 374 – 376.
2. Иванченко А.Н. Возникновение и развитие юридических лиц в римском частном праве. М.: 2012 г. – С.17–20.
3. Ковалев А.М. Юридические лица в римском праве. М.:2016 г. – С.298.
4. Петров А.Н. История становления юридического лица в частном римском праве. СПб.:2015 г. – С. 449.
5. Рябченко А.Г. Философия права [Электронный ресурс]: методические указания для подготовки к практическим и семинарским занятиям для студентов-бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция»/ Рябченко А.Г. – Электрон. текстовые данные.– Краснодар, Саратов: Южный институт менеджмента, Ай Пи Эр Медиа, 2017.– 23 с.

Самсонов А.И.

Проблемы определения применимого права судом к деликтным правоотношениям

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-154

idsp: ljjournal-01-2021-154

Аннотация

В научной статье рассматривается актуальная проблема определения применимого права судом к деликтным правоотношениям. Проводится анализ

законодательства РФ на предмет коллизионного регулирования деликтных правоотношений. Автор выделяет определенный перечень проблем в рамках научного исследования. Обобщающим выводом выступает подведение итогов и сложившихся правовых тенденций в законодательстве РФ.

Ключевые слова: деликтные правоотношения, деликт, коллизия, применимое право, деликтное обязательство, коллизионная привязка.

Abstract

The scientific article deals with the actual problem of determining the applicable law by the court to tort relations. The article analyzes the legislation of the Russian Federation on the subject of conflict of laws regulation of tort relations. The author identifies a certain list of problems in the framework of scientific research. A General conclusion is the summing up and the current legal trends in the legislation of the Russian Federation.

Keywords: tort relations, tort, conflict of laws, applicable law, tort obligation, conflict of laws binding.

В условиях современного, прогрессивного общества, все чаще возникают разнообразные общественные отношения, которые имеют внедоговорную правовую природу. Речь идет о деликтных правоотношениях. Данная тенденция актуальна и требует детального изучения не только из-за динамизма общественных отношений и социально-экономического развития общества в целом, но и ряда коллизионных проблем при рассмотрении деликтных споров судами.

В рамках деликтных споров коллизионная проблема определения применимого права - является особо актуальной. Она может возникнуть при рассмотрении различного рода правовых вопросов: определение основания возмещения ущерба; характеристика и оценка деяния как деликта; установление деликтных субъектов; бремя доказывания вины правонарушителя; определение размера компенсации (возмещение ущерба).

Как правило, в законодательстве различных стран закрепляется, действует основная коллизионная привязка – это право государства места причинения вреда. Но такой подход не является гибким и универсальным. На практике может возникнуть трудность по правильной локализации правоотношения при помощи «жестких» коллизионных привязок типа места совершения правонарушения. Современные, новейшие тенденции в правовом регулировании деликтных отношений нивелируют «жесткие» коллизионные привязки и демонстрируют все большее использование альтернативных коллизионных норм, в силу которых по выбору стороны, которая является потерпевшей, деликтные обязательства подчиняются либо праву места возникновения вреда, либо закону места совершения правонарушения.

В Российской Федерации наиболее значимым событием в сфере определения применимого права к деликтным правоотношениям стало введение части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ), раздел 6 (ст. 1219-1222). В ст. 1219 ГК РФ закреплён прежде всего принцип применения классического коллизионного обязательного права места совершения деликта. В то же время в законодательстве закреплены следующие ограничения этого принципа.

Во-первых, если вред был причинен в другой стране, то закон этой страны может применяться, если причинитель вреда предвидел или должен был предвидеть вред в этой стране.

Во-вторых, если законы сторон деликтного обязательства, возникающего за рубежом, совпадают, то есть если причинитель вреда и потерпевший являются гражданами или юридическими лицами одной и той же страны, то применяется право этой страны.

В-третьих, если стороны деликтного обязательства не являются гражданами одной и той же страны, но имеют место жительства в одной и той же стране, то применяется право этой страны.

В-четвертых, если стороны деликтного обязательства после наступления или совершения деликта согласились применить к этому обязательству право страны суда, то применяется указанное право.

В-пятых, в случаях причинения вреда вследствие дефектов товара, работы или услуги потерпевший может выбрать либо право страны, где продавец или изготовитель товара или иной причинитель вреда имеет место жительства или основное место деятельности, либо право страны, где была выполнена работа или услуга, либо право страны, где был приобретен товар. Международно-правовые акты в этой области касаются лишь отдельных видов деликтных обязательств. Например, обязательства из причинения ущерба вследствие дорожно-транспортных происшествий - Гагская конвенция «О праве, применимом к дорожно-транспортным происшествиям» 1971 года, которая в первую очередь предписывает применение закона и порядка страны совместного проживания причинителя вреда и потерпевшего. Если стороны деликтного обязательства не имеют общей страны проживания, то применяется место совершения деликта.

Анализ обновленной редакции п. 2 ст. 1219 ГК РФ выявил два принципиально новых аспекта в законодательном подходе к регулированию трансграничных деликтов: Во-первых, приоритет по отношению к применяемому праву смещается в сторону обстоятельств, связанных с местом жительства или основным местом деятельности причинителя вреда и потерпевшего в одной и той же стране. Этот подход полностью соответствует положениям ст. 4 регламента (ЕС) Европейского парламента и совета от 11 июля 2007 года «О праве, применимом к внедоговорным обязательствам» (Рим II); Во-вторых, сфера действия статьи была расширена; если раньше она применялась только к обязательствам, возникающим из причинения вреда за рубежом, то теперь п. 2 ст. 1219 ГК РФ также относится к причинению вреда в России (например, туристами, находящимися в России и причинившими вред друг другу). Предыдущее положение предусматривало применение права общего гражданства или совместного проживания одной из сторон только в том случае, если деликт был совершен за границей. Такое регулирование фактически «уничтожало» основную коллизионную норму и не соответствовало международным стандартам. Обновленная версия исправила эту проблему.

Далее хотелось рассмотреть ст. 1221 ГК РФ, которая предусматривает, что законодатель предоставляет потерпевшему право выбора применимого права в случаях, когда ущерб возник в результате дефектов товара, работы или услуги. В этом случае может применяться право страны проживания или основного места деятельности продавца (изготовителя или иного причинителя вреда); страны проживания или основного места деятельности потерпевшего; страны, в которой была выполнена работа (оказана услуга, приобретен товар). Одним из недостатков статьи 1221 ГК РФ является нерешенность вопроса о ее сфере применения. Здесь возникает вопрос: применяется ли данная норма к случаям причинения вреда вследствие дефектов товаров, работ или услуг, приобретенных (оказанных) исключительно для потребления, или она может применяться в ситуациях причинения вреда, названных в связи с предпринимательской деятельностью. В литературе существует три различных подхода. Согласно первому, сфера применения рассматриваемой статьи ограничивается только потребительскими целями. Существует и противоположная позиция, отстаивающая возможность применения этого правила не только к отношениям, в которых присутствует потребительская цель, но и к отношениям, связанным с предпринимательской деятельностью. На наш взгляд, третий подход является наиболее правильным. Прежде всего необходимо исходить из ст. 1187 ГК РФ, которая

предусматривает, что при определении применимого права толкование правовых понятий должно осуществляться в соответствии с российским законодательством. Поэтому, ссылаясь на ст. 1095 ГК РФ, можно сделать вывод, что сфера действия ст. 1221 ГК РФ ограничивается возмещением вреда, причиненного в результате недостатков товаров, работ или услуг, приобретенных (оказанных) исключительно в потребительских целях.

Подводя итоги необходимо отметить, что на современном этапе правового развития в законодательстве РФ намечается тенденция на унификацию норм российского и международного права. Данное развитие и гармонизация отечественного законодательства в сфере регулирования деликтных правоотношений связана с реформой третьей части ГК РФ и внесение соответствующих изменений в нормы. Также анализируя современные правовые подходы к применимому праву в области регулирования деликтных обязательств, можно выделить: сформировавшиеся, централизованные системы генеральных и субсидиарных коллизионных привязок; двусторонний характер традиционно используемых односторонних коллизионных норм, который выражается в дифференциации коллизионных привязок; расширение сферы применения и использования на практике автономии воли сторон при установлении и закреплении права, которое подлежит применению.

***

1. О праве, применимом к дорожно-транспортным происшествиям: Конвенция (г. Гаага 04.05. 1971 г.)
2. О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам: регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и совета от 11 июля 2007 года (Рим II)
3. Гринь Е.А. К вопросу об определении международной подсудности // В книге: Научное обеспечение агропромышленного комплекса Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции. Ответственный за выпуск А. Г. Коцаев. 2019. С. 351-352.
4. Ишакова А.О. Тымчук Ю.А. Вопросы применимого права в сфере деликтных отношений с иностранным элементом. Научная статья ВАК. Волгоград: 2017 г.
5. Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность. Учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2018 г. С. 89-90.

Симонян Р.З., Алфимова К.А.

**К вопросу об альтернативном разрешении конфликтов в сфере здравоохранения
через досудебные, судебные и внесудебные процедуры**

*ФГБОУ ВО Курский государственный медицинский университет Минздрава
России
(Россия, Курск)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-155

idsp: ljjournal-01-2021-155

Аннотация

В статье поднимается вопрос об альтернативных разрешениях конфликтов в сфере здравоохранения через досудебные, судебные и внесудебные процедуры. В ходе обсуждения перечисляются способы разрешения конфликтов, такие как: административный порядок разрешения спора, претензионный порядок, третейский суд и медиация, а также какие общественные объединения по защите прав пациентов в сфере охраны здоровья существуют в Российской Федерации. Делается вывод, что больше всего подходит процедура медиации, описываются плюсы и недостатки этой процедуры, сама процедура медиации, что должен делать медиатор (арбитр) при разрешении конфликтов. Описываются и другие варианты досудебного урегулирования конфликтов с их минусами и преимуществами. Авторы приходят к выводу, почему в Российской Федерации стоит развивать медиацию. Приводятся примеры, что в других

странах есть подобные учреждения, которые занимаются разрешением конфликтов: Франции, Бразилии и в других странах.

Ключевые слова: медиация, здравоохранение, конфликты, врачи, пациенты

Abstract

The article raises the question of alternative solutions to conflicts in the health sector through pre-trial, judicial and extra-judicial procedures. From which it is concluded that from a list of conflict resolution methods, such as: administrative procedure for resolving a dispute, claims procedure, arbitration court and mediation. About what also public associations for the protection of their rights in the field of health protection exist on the territory of the Russian Federation, as well as about organizations of a general orientation, which are located in small cities. Mediation is best suited and where its causes, advantages and disadvantages of this procedure are described. But also other options are described with their disadvantages and advantages. It also describes the mediation procedure itself, what a mediator (arbitrator) should do, and it also describes what a mediator should not do when resolving conflicts. The conclusion also describes why we should develop mediation; examples are also given that other countries already have similar institutions that deal with these issues in France, Brazil and other countries.

Keywords: mediation, healthcare, conflicts, doctors, patients

Цель исследования. Рассмотреть вопрос об альтернативном разрешении конфликтов в сфере здравоохранения через досудебные, судебные и внесудебные процедуры

Результаты и обсуждения. В настоящее время одной из основных задач медицинского права считается подготовка профессионалов для решения споров между доктором и пациентом появляющихся в процессе оказания медицинской помощи. В здравоохранении не являются редкостью инциденты и разногласия. Практически каждый год растет численность дел, связанных с врачебными ошибками. Председатель Следственного комитета Российской Федерации Бастрыкин А.И. представил статистику, по которой в 2019 году в следственный комитет поступило более 6500 заявлений об ошибках при оказании медицинской помощи. Из них в суд направлены 332 уголовных дела, что на 10% более, нежели было в 2018 году [4].

Количество жалоб можно также объяснить подъемом гражданского самосознания и юридической грамотности населения, сменой парадигмы общественного восприятия медицины, а еще созданием юридических практик [6]. Таким образом, вопрос о создании института омбудсмена и улучшении процедур медицинской медиации на данный момент стоит как никогда остро.

Медицинская медиация – это альтернативное разрешение инцидентов (споров) в сфере здравоохранения через судебные, досудебные и внесудебные процедуры [2]. Что же касается института омбудсменов, то он выступает как независимый конституционный контрольный орган внесудебной защиты, действия которого ориентированы на защиту прав человека, нарушенные органами государственной и муниципальной власти, или должностными лицами [1].

Проанализировав законодательство Российской Федерации, следует отметить последующие способы урегулирования досудебного урегулирования споров между медицинскими организациями и пациентами: административный порядок разрешения спора, претензионный порядок, третейский суд и медиацию.

Административный порядок разрешения спора, дает возможность пациентам обратиться с претензией на действия медицинской организации (врача), который не соблюдает его права, к вышестоящему в порядке подчиненности органу. В соответствии со ст. 28 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» граждане вправе на добровольной основе создавать

общественные объединения по защите своих прав в сфере охраны здоровья [5]. Существование таких объединений пациентов наиболее свойственно для больших русских мегаполисов (Санкт–Петербург, Москва). Для субъектов РФ типично создание организаций наиболее общей направленности (Пермский медицинский правозащитный центр, Ростовское региональное общественное движение в защиту прав пациентов). Главный плюс административного порядка для разрешения спора это оперативность, так как законодательно зафиксированы определенные сроки, в течение которых, необходимо ответить на обращения людей. Еще один плюс бесплатность обращений, отсутствие особых знаний в данной сфере (жалоба либо заявление оформляются в вольной форме). К недостаткам, всё же, надлежит отнести: невысокую заинтересованность в признании нарушений прав пациентов, так как ответственность из-за обнаруженных нарушений возлагается не только на конкретных исполнителей, сколько на руководителей медицинских организаций. Таким образом, этот метод защиты прав пациентов занимает четкое положение в системе урегулирования споров медицинского характера – почти все пациенты его используют [9].

Претензионный порядок предполагает требование пациента, обращенное конкретно к исполнителю медицинской услуги либо к администрации медицинской организации о восстановлении нарушенных прав пациента в досудебном порядке. Плюсы претензионного метода разрешения спора: бесплатность, доступность, возможная поддержка страховой организацией, отсутствие надобности специальных знаний. Использование предоставленной формы урегулирования появившихся разногласий в медицинской сфере делается все более распространенным, так как медицинские организации все чаще стараются не доводить дело до стадии судебного разбирательства. Потому, пациент-потребитель, следуя своему собственному усмотрению, имеет возможность либо предъявить требование о защите нарушенного права исполнителю, либо обратиться напрямую с иском в суд. Предъявление требований исполнителю никак не лишает потребителя права предъявить иск в суд, если исполнитель откажется по собственной воле удовлетворить его требование частично либо полностью.

Предоставление спора на обсуждение в третейский суд, как альтернативная форма судебного разбирательства конфликтных ситуаций в сфере оказания медицинских услуг не нашла в настоящее время широкого внедрения на практике. Условием, затрудняющим распространение такого способа защиты, надлежит назвать наличие обязательного письменного соглашения между пациентом и исполнителем медицинской услуги (договора) о передаче на обсуждение и разрешение конфликтной ситуации определенному третейскому суду. В то же время надлежит указать и позитивные факторы третейского суда: его заключение считается конечным и не имеет возможности быть оспоренным в государственном суде. Стороны изредка обращаются в третейские суды, предпочитая им федеральные, арбитражные суды с законодательной возможностью принудительного выполнения решения. Перспективы применения третейского судопроизводства в здравоохранении лежат в плоскости рассмотрения финансовых споров, к примеру, между страховыми и медицинскими организациями.

Еще одним методом защиты прав пациента считается использование относительно новой для российской правовой системы процедуры медиации. С 1 января 2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 27.07.2010 № 193–ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон). Введение закона в силу обозначило как организационные, так и правовые основы применения альтернативной процедуры урегулирования споров при содействии арбитров (медиаторов) на базе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [8].

Медиацию невозможно отнести к институтам либо органам, совсем чуждым, искусственно насажденным в систему отечественной юридической системы. Ее так же

можно считать несколько эволюционировавшим и видоизмененным продолжением уже существовавших в истории нашей страны институтов. Пробразами института медиации можно считать коммерческие суды, комиссии по трудовым спорам, дореволюционные мировые суды, товарищеские суды советского периода русской истории. Во всех перечисленных вариантах, также, как и при урегулировании инцидента, средством медиации, дела рассматривались непрофессиональными юристами: в качестве глобальных арбитров не всегда выступали юристы, дела в платных судах проводились опытнейшими предпринимателями, также, как и в комиссиях по трудовым спорам принимали участие представители профсоюза и администрации [10].

Как указывает практика процедура медиации пока не обретает собственного широкого распространения в медицинском обществе, термин «медиация» известен довольно узкому кругу специалистов и практически неизвестен пациентам и медицинским работникам. В конкретной ступени препятствует непонимание ими сущности процедуры медиации, а также ее некоторых преимуществ. Естественным преимуществом считается экономия времени, так как срок рассмотрения дела судом, с учетом его трудности, может иметь возможность достигать 3–5 лет, срок рассмотрения дела в рамках процедуры медиации, в большинстве случаев, от 1 и до 180 дней.

Достоинства внедрения предоставленной технологии для разрешения споров в сфере здравоохранения состоит в обеспечении конфиденциальности информации, в том числе и врачебной тайны, а также ее распространении среди максимально узкого круга лиц. Процедура медиации базируется на принципах информированной добровольности сторон медицинского спора и медиаторов и принципах самостоятельности и свободы, но никак не состязательности и равенства сторон.

К правовым (процессуальным) основам медиации можно всё же отнести: принцип симплифицированности (скорость и простота самой процедуры, ее неофициальность и гибкость); принцип ограниченности возможностей медиатора (медиатор не имеет возможностей вверять спорящим сторонам свое решение спора); принцип не причинения ущерба (этот принцип требует от медиатора сторониться проведения процедуры, таковым образом, при котором инцидент усугубится либо его участникам будет нанесен вред).

Существенное значение в процедуре медиации играет принцип особого внимания интересам 3 лиц (этот принцип описывает повинность медиатора убеждаться в том, что предполагаемый вариант урегулирования спора никак не причинит вред третьим лицам, к примеру: детям, пожилым иждивенцам и т.д.). Принцип профессиональной много профильности медиатора, обязует это лицо владеть конкретным комплектом профессиональных познаний в психологии, конфликтологии, праве. К перечисленным выше основам медиации можно прибавить и коммуникативно–психологические принципы, имеющие важное правовое значение: беспристрастность и нейтральность медиатора, принцип добросовестности сторон инцидента и медиатора; прямого взаимодействия сторон (личное присутствие сторон и медиатора) и принцип этики поведения; принцип личного нрава процедуры медиации и стремления психологической комфортности во время упражнения медиации (стремление к обоюдному доверию и медиатору, отказ от гипервыскательности, обоюдных оскорблений) [11].

Не считая всего этого, медиация – одна из возможностей убавления возложенной на суды нагрузки.

Исходя из данного, уже возможно сделать вывод, что критика деятельности врача в сфере медицины усугубляется не только огромной численностью различных видов медицинской деятельности, но и индивидуальностью организма каждого больного, и ограниченностью возможностей медицины.

Естественно, клинические рекомендации и стандарты оказания медицинской помощи помогают урегулировать и разрешить огромную часть инцидентов, однако они

никак не позволяют произвести оценку деяний врача и сделать выводы, позволяющие в дальнейшем скорректировать деятельность медицинских работников в здравоохранении.

Создание центров независимой экспертизы и урегулирования споров во многом посодействовали бы разрешить эту проблему. С одной стороны, дело будет рассмотрено независимым профессионалом, который, несомненно, поможет обнаружить фактор, по которой медицинская помощь была оказана ненадлежащим образом. С другой стороны – пациент охотнее полагается на решения специализированных центров, а не разъяснениям медицинских организаций. Кроме того, решается проблема предоставления информации СМИ (средствами массовой информации) в неправильном свете, что нередко вызывает у людей неоправданную ярость, а отсюда замещение профессионализма человеческими чувствами [12].

Но, исследовав статью Тыртышного А.А. и Помазковой С.И., непроизвольно авторы, приходят к пониманию того, что, несмотря на все собственные плюсы, подобные способы примирения сторон, не имеют особенного успеха в России.

Примирительные процедуры в настоящее время пока никак не могут обрести широкого применения в судебной практике. Главные предпосылки заключаются в следующем: высочайшая степень конфликтности отношений участников спора, нерешенность досудебного порядка (омбудсмена и т.д.), а также новизна процедуры, отсутствие умений при переговорах, и т.д. [3]

Следовательно, эффективность медиации может быть оценена с использованием междисциплинарного расклада с привлечением врачей, социологов, специалистов по психологии, юристов, представителей институтов гражданского общества, обеспечивающих защиту прав пациентов, с целью выработки оптимальных моделей интеграции медиации в отечественную систему здравоохранения. Для удачного становления института медиации и создание доверия к нему как среди профессионального медицинского сообщества, так и среди пациентов, нужно, чтоб меры, нацеленные на формирование института медиации, строились на неопровержимых исследованиях, подтверждающих эффективность медиации и возможность ее применения в российском здравоохранении для урегулирования конкретных видов споров.

Однако если в нашей стране альтернативные способы разрешения инцидентов никак не возымели подобающего интереса, то, к примеру, в Министерстве Здравоохранения Бразилии действует Генеральный омбудсмен единой системы здравоохранения, а также во Франции уже есть омбудсмены по делам здравоохранения. Таким образом, мы приходим к выводу, что изобретение института омбудсменов и формирование процедур медиации считается нужной мерой. Это даст участникам инцидента выбор: урегулировать все, как говорят, «тихо-мирно», либо же обратиться в суд. Так как альтернативные методы разрешения носят лишь добровольный характер, то пациенты станут применять их только лишь в том случае, если они обоснуют свою нужность и справедливость, а для этого уже потребуется точная правовая регламентация, учет особенностей правовой системы нашей страны и сформировавшийся менталитет врача и пациента.

Заключение. В ходе изучения данного вопроса, можно прийти к выводу, что медиация является самым лучшим способом разрешения конфликтов, а также о её некоторых преимуществах. Процедуру медиации можно использовать и развивать в сфере здравоохранения, она помогает разрешить конфликт «мирным» путём.

***

1. ДДемидов М.В. Понятие института уполномоченного по правам человека и его место в правозащитном механизме государства // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 1(35). С. 111-114.
2. Марков С.М. Медицинская медиация в России: ее возможности и перспективы // Медицинское право. 2017. №6 (76). С. 25-29.

3. Тыртышный А.А. Досудебные и внесудебные способы урегулирования споров между врачами и пациентами // Медицинское право. 2018. №1 (77). С. 8-13.
4. Симонян Р.З. Врачебные дела в уголовном процессе как результат неблагоприятных последствий оказания медицинской помощи // Евразийское Научное Объединение. 2018. Т 2. № 10. (44). С. 157-160.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 1 ноября 2011 г. №323-ФЗ (с изменениями и дополнениями). [Интернет]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (05.12.2020).
6. Симонян Р.З. О юридических аспектах врачебных дел // Евразийское Научное Объединение. 2019. Т 3. № 1 (47). С. 160-162.
7. Семенов В.Ю., Лившиц С.А., Тихонова Е.В., Веселкина О.В. Независимая медицинская экспертиза как инструмент досудебного урегулирования споров между врачом и пациентом. Методические рекомендации. [Интернет]. 2016. URL: <http://www.nacmedpalata.ru/?action=show&id=49> (23.05.2020)
8. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27.07.2010 № 193–ФЗ (с изменениями и дополнениями). [Интернет]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (Дата обращения 25.05.2020).
9. Пасикова Т.А. Перспективы развития внесудебных способов урегулирования споров, возникающих при оказании медицинских услуг. Правовые вопросы в здравоохранении [электронный научный журнал] 2013. (2). URL: <http://www.zdrav.ru/contacts> (25.05.2020).
10. Григорянц С.А. Применение медиации как способа разрешения споров в сфере предпринимательства. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015; 60 (5): С. 82–85.
11. Елисеев Д.Б. Роль медиации в разрешении правовых конфликтов (теоретико–правовой анализ): автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва. 2012. 24 с.
12. Симонян Р.З. О необходимости законодательного обеспечения чести, достоинства и деловой репутации медицинских работников от неправомерных нападок средств массовой информации // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. №5-2 (83). С. 88-91.

Скрылева Ю.А., Маслов А.В.

Ретроспектива становления уголовной ответственности за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны в Российской Империи

*Центральный филиал Российского государственного университета правосудия
(Россия, Воронеж)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-156

idsp: ljjournal-01-2021-156

Аннотация

В статье рассматриваются история становления института необходимой обороны и уголовной ответственности за убийство, совершенное при ее превышении в Российской Империи. Проводится анализ содержания правовых памятников, определяющих понятие и условия правомерности необходимой обороны.

Ключевые слова: преступление, убийство, уголовная ответственность, необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, история становления.

Abstract

The article examines the history of the formation of the institute of necessary defense and criminal responsibility for a murder committed when it was exceeded in the Russian Empire. The analysis of the content of legal monuments defining the concept and conditions of the legitimacy of necessary defense is carried out.

Keywords: crime, murder, criminal liability, necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, history of formation.

Полагаем, что ни у кого не вызывает сомнений, положение о том, что право на необходимую оборону принадлежит гражданину от рождения. В Российской Федерации это право является конституционным. Так, часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [3].

Наиболее полно содержание указанного права раскрывается в уголовном законодательстве. Так, статья 37 Уголовного кодекса Российской Федерации [13] раскрывает понятие необходимой обороны и определяет условия ее правомерности. Вместе с этим, данный институт является одним из наиболее дискуссионных в доктрине уголовного права и вызывающим ряд проблем применения в следственно-судебной практике.

Возможно поэтому, законодатель предусмотрел в особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации привилегированный состав за совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны.

Таким деянием, является убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, ответственность за которое предусмотрена частью 1 статьи 108 УК РФ.

Анализ статистических данных о преступности в Российской Федерации за последние пять лет свидетельствует о том, что доля убийств, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, среди всех привилегированных составов преступлений против жизни (статьи 106-110.2 УК РФ) колеблется в пределах 15-20 процентов. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2019 году на территории Российской Федерации было осуждено 232 человека, за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 108 УК РФ, из них 84 женщины [10].

Указанные обстоятельства свидетельствуют об актуальности изучения института необходимой обороны в целом, и регламентации уголовной ответственности и наказания за совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны, в частности.

В этой связи, считаем целесообразным, обратиться к исследованию истории становления и развития российского уголовного законодательства об ответственности за совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны.

Как справедливо отмечает А.Н. Попов, «в российском праве первые упоминания о необходимой обороне встречаются в Русской Правде, которая позволяла убить вора, пойманного на месте преступления, однако вводила и ограничение на его убийство» [8, С.6].

Так, анализ текста статьи 38 Краткой Русской Правды [4] позволяет предположить, что убийство вора на территории домовладения или рядом с ним непосредственно после совершения хищения, считалось правомерным. В том случае, если вора удалось задержать, то его необходимо будет вести к князю. Если этого не сделать, а убить вора, то лицо, совершившее это деяние, должно будет заплатить князю штраф, размер которого зависит от вида похищаемого имущества. Как видно, убийство после окончания посягательства, считалось совершенным при превышении пределов необходимой обороны.

Ряд положений о совершении убийства в состоянии необходимой обороны предусматривало Соборное уложение 1649 г. [9]. Так, статья 200 Главы X «О суде» говорила о правомерности совершения убийства посягающего на жизнь и имущество, совершенное в своем жилище. При этом законодатель использует термин «поневоле», то есть говорит о вынужденном характере убийства и признает неприкосновенность жилища. А статья 201 этой же главы, допускает причинение смерти или вреда здоровью нападавшему в том случае, если он сам спровоцировал нападение.

Как видно, основным условием правомерности необходимой обороны законодатель считал противоправность нападения и не определял пределов действий обороняющегося. Однако в некоторых случаях, о причинении вреда необходимо было надлежащим образом уведомить орган власти [5, С. 11].

Поэтому, можно согласиться с мнением ряда ученых [2, с.90; 6; 5, с.10; 15, с. 40 и др.] о том, что, не смотря на отсутствие в Соборном Уложении термина «необходимая оборона», данный институт в общих чертах сформировался именно в этом законодательном акте.

В Воинском Артикуле [1] Петра 1 впервые на законодательном уровне употребляется термин «нужное оборонение», который раскрывает необходимую оборону, как самостоятельный уголовно-правовой институт.

По мнению Т.Ю. Орешкиной, «...положения Воинского артикула детально регламентировали необходимую оборону («нужное оборонение»), существенно ограничив возможности ее осуществления по сравнению с Соборным уложением 1649 г.» [7].

Статьи 156-158 Артикула воинского 1715 года были непосредственно посвящены состоянию необходимой обороны, кроме того к указанным нормам имелось так называемое «толкование». Если попытаться изложить его современным языком, то условия правомерности необходимой обороны сводились к следующему:

- обороняющемуся необходимо было доказать, что не он, а его противник был инициатором конфликта;
- нападение должно быть насильственным и противоправным;
- нельзя было защититься иным образом, кроме как причинив смерть нападающему. Сначала надо было попытаться избежать нападения, вплоть до бегства;
- необходимо было соблюдать соразмерность средств защиты и нападения.

Кроме того, определялись моменты начала и завершения необходимой обороны, которые учитывали эмоциональное состояние обороняющегося и неожиданность нападения.

Учитывая вышеизложенное, мы полностью поддерживаем точку зрения А.Н. Попова, который отмечал, что «... Воинский Устав 1715 г. неоправданно ограничивал применение необходимой обороны дополнительными требованиями, не вызываемыми необходимостью, ставя обороняющегося в невыгодное положение перед нападающим. По существу, в регламентации необходимой обороны в русском уголовном праве это был огромный шаг назад» [8, С.9].

Уложение 1845 г. [14] в главе III «Об определении наказаний по преступлениям» в статье 101 не только раскрывает содержание и условия правомерности «необходимой личной обороны». В Разделе 10 «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» в Главе 1 «О смертоубийстве» содержится ряд норм, предусматривающих ответственность за убийство, совершенное при превышении необходимой обороны.

Поэтому нельзя согласиться с высказыванием Тологлы Г.Ю., Шульга А.В. о том, что «... Уложение 1845 года не предусматривало отдельной ответственности за превышение пределов необходимой обороны...» [11, С. 36].

Так, статья 1467, по нашему мнению, впервые предусматривает ответственность за убийство, совершенное при превышении необходимой обороны. Диспозиция этой нормы звучит следующим образом: «Кто при необходимой личной обороне, о коей упоминается в статьях 101-103 сего Уложения, превзойдет полагаемые оною сею необходимостью пределы, и без нужды, после уже отвращения грозившей опасности, нанесет нападавшему на него смерть, тот, смотря по роду побуждения, коему он следовал, и другим обстоятельствам дела, подвергается...». Самое строгое наказание за

совершение данного преступления предусматривало тюремное заключение на срок от четырех до восьми месяцев.

Полагаем, что следующие две нормы Уложения 1845 года с определенной степенью условности, могут быть связаны с превышением института необходимой обороны.

Так, статья 1465 гласит: «Если, в начавшейся без всякого намерения на совершение убийства драке, кому либо будет нанесена смерть, то участвовавшие в насильственных против убитого действиях подвергаются наказаниям...».

А, статья 1466 предусматривает ответственность за следующие действия: «Если, кто без намерения учинить убийство, дозволит себе какое либо действие, противное ограждающим личную безопасность и общественную безопасность постановлениями, и последствием оною, хотя и неожиданным, причинится кому-либо смерть, тот за сие подвергается...».

Действующей в настоящее время статьи 107 УК РФ «Убийство, совершенное в состоянии аффекта» может соответствовать часть 2 статьи 1455 Уложения 1845 года, в которой закреплено: «Если убийство учинено хотя не случайно, но в запальчивости и раздражении, и особенно когда раздражение вызвано насильственными действиями или тяжкими оскорблениями со стороны убитого, виновный по усмотрению суда, подвергается...».

Таким образом, полагаем, что в данном памятнике права была представлена развернутая и достаточно логично выстроенная, для того времени, система правовых норм, регламентирующих институт необходимой обороны и ответственности за нарушение условий его правомерности.

Уголовное уложение 1903 г. [12] в общей части также содержало норму, посвященную понятию и условиям правомерности необходимой обороны. При этом в статье 45 законодатель впервые использовал термин именно «необходимая оборона».

Также Уголовное уложение 1903 г. содержало главу 22 «О лишении жизни». Статья 459 предусматривала ответственность за убийство «... учиненное при превышении пределов необходимой обороны, если сие убийство последовало не для защиты от посягательства на жизнь или от изнасилования». Как видим, законодатель определил степень общественной опасности посягательства, и указал в качестве объектов защиты жизнь, половую свободу и половую неприкосновенность личности. Вместе с этим, по сравнению с Уложением 1845 года увеличился размер санкции, который определен заключением в крепости на срок не свыше одного года или заключением в тюрьме.

Подводя итог изложенному, можно констатировать, что к началу XIX века в Российской империи существовала достаточно логичная нормативная правовая база, регламентирующая необходимую оборону и ответственность за убийство, совершенное при ее превышении.

***

1. Артикул воинский от 25 апреля 1715 года // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 14.10.2020 г.).
2. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М.: Остожье, 1996.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gov.ru/main/konst/konst12.html> (дата обращения: 12.10.2020 г.).
4. Краткая Русская Правда (по Академическому списку половины XV в.) // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/krp.htm> (дата обращения: 11.10.2020 г.).
5. Меркурьев В. В. Уголовное право: необходимая оборона : учеб. пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2019. 238 с.
6. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключющие преступность деяния // [Электронный ресурс]: URL: <https://law.wikireading.ru/63006> (дата обращения: 14.10.2020 г.).

7. Орешкина Т. Ю. Формирование института обстоятельств, исключающих преступность деяния: законодательство и доктрина // [Электронный ресурс]: URL: https://litgid.com/read/pravovye_issledovaniya_na_kafedre_ugolovnogo_prava_vyuuzi_myuui_mgyua_uni_versiteta_imeni_o_e_kutafina_sbornik_statey/page-11.php (дата обращения: 12.10.2020 г.).
8. Попов А. Н. Преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ). СПб., 2001. 236 с.
9. Соборное уложение 1649 года // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/7.htm> (дата обращения: 14.10.2020 г.).
10. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2019 года. Форма № 11.1 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.10.2020 г.).
11. Тологлы Г.Ю., Шульга А.В. Историческое развитие института необходимой обороны в уголовном законодательстве дореволюционной России // Систематизация российского законодательства в современных реалиях: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 июля 2019 г, г. Челябинск). Уфа: Аэтерна, 2019. С. 34-37.
12. Уголовное уложение 1903 г. // [Электронный ресурс]: URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения 09.10. 2020 г.).
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.10.2020 г.).
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // [Электронный ресурс]: URL: https://vk.com/doc20559902_437521740?hash=4a7bdf15570fc55da2&dl=69e1aa427fe5224329 (дата обращения 13.10. 2020 г.).
15. Шингарев В.О. Становление и развитие института необходимой обороны в российском уголовном праве // Школа науки. 2019. №5 (16). С. 40-42.

Соколова К.М.

**Актуальные проблемы применения законодательства о защите конкуренции в
сфере пресечения недобросовестной конкуренции**

*Дальневосточный Федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-157

idsp: ljjournal-01-2021-157

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем, возникающих в сфере пресечения недобросовестной конкуренции. В статье анализируются административные способы защиты субъектов рыночных отношений от недобросовестной конкуренции. Автор рассматривает нарушения законодательства о конкуренции, связанные с незаконным использованием объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, антимонопольный орган, интеллектуальная собственность, защита конкуренции.

Abstract

The article is devoted to the analysis of problems arising in the field of suppression of unfair competition. The article analyzes the administrative methods of protecting the subjects of market relations from unfair competition. The author examines violations of competition laws related to the illegal use of intellectual property.

Keywords: unfair competition, Antimonopoly authority, intellectual property, competition protection.

Экономический рост, отражающий потребности граждан, общества и самого государства, возможен только в условиях обеспечения и развития добросовестной экономической конкуренции. Законодательство Российской Федерации запрещает недобросовестную конкуренцию и рассматривает ее как одну из форм неправомерного

поведения, которое оказывает негативное влияние на конкуренцию и ограничивает ее на товарных рынках.

Главой 2.1 Федерального Закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) введен запрет на недобросовестную конкуренцию, в частности: запрет на недобросовестную конкуренцию путем введения в заблуждение в отношении характера, способа и места производства, потребительских свойств, качества и количества товара или в отношении его производителей; запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с созданием смешения; запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации; запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации товаров, работ или услуг и т.д.

При этом не отражающее объективной реальности правовое регулирование, излишнее вмешательство органов государственной власти в рыночные отношения, а также в деятельность самих организаций, как субъектов экономических отношений, создает прецедент для развития недобросовестной конкуренции, что причиняет ущерб другим участникам экономической сферы, продвигает некачественные товары путем обмана, позволяет распространять ложные, неточные или искаженные сведения, которые могут причинить убытки хозяйствующим субъектам либо нанести ущерб их деловой репутации.

Актуальным вопросом в этой связи является пресечение недобросовестной конкуренции. Пресечение недобросовестной конкуренции – это комплекс мер, направленных на пресечение и борьбу с нарушениями общепринятых правил и норм конкуренции.

При избрании способа защиты от недобросовестных конкурентных действий хозяйствующему субъекту желательно тщательно анализировать (самостоятельно или с привлечением специалистов), с какой целью и каким образом осуществляются те или иные действия, можно ли применить меры их административного пресечения или следует обратиться в суд и т.п.

Говоря об административных способах защиты, следует отметить, что пресечение недобросовестной конкуренции относится к одной из основных задач федерального антимонопольного органа, которым является Федеральная антимонопольная служба (ФАС России).

Четвертым антимонопольным пакетом (поправки в Закон о защите конкуренции 2016 г.) предусмотрено расширение сферы применения института предупреждения о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства, за счет распространения его на действия органов государственной власти и органов местного самоуправления. Расширен перечень лиц, которым направляется предостережение о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства, – в него включены должностные лица органов власти различных уровней.

Тем не менее, для пресечения недобросовестной конкуренции такие меры не всегда эффективны.

Рассмотрим проблему, которая возникла в 2015 - 2016 годах в сфере банковской деятельности с использованием недобросовестной конкуренции при привлечении денежных средств граждан во вклады.

Как было установлено ФАС России, еще в конце 2014 года в связи с кризисными явлениями в экономике страны банки для удержания текущих вкладчиков и привлечения дополнительного спроса на услуги по размещению денежных средств в банковские вклады существенно увеличивали процентные ставки по ним, при этом в большинстве случаев, заверяя о возможности пополнения данных вкладов по повышенным ставкам в течение всего срока их действия.

Вместе с тем после снижения в 2015 году среднерыночного размера процентных ставок по вкладам рядом банков, банками были предприняты различные меры по ухудшению потребительских условий, открытых ранее вкладов.

Совершив такие действия, банки, помимо получения преимуществ, могли причинить убытки конкурентам в виде упущенной выгоды, поскольку, как было установлено антимонопольными органами, многие вкладчики не заключили бы договоры вкладов с этими банками, а обратились бы в другие банки. В 2016 году ФАС России было завершено рассмотрение дел по признакам недобросовестной конкуренции на рынке вкладов в действиях КБ «Гагаринский» (АО), введшего плату за пополнение действующих вкладов; и КБ «Транспортный» (ООО), установившего небольшую максимальную сумму, на которую может быть пополнен вклад в течение месяца.

В результате аналогичных проведенных расследований были вынесены предупреждения о прекращении действий, содержащих признаки нарушения антимонопольного законодательства, АО КБ «РосинтерБанк», ПАО БАНК «ЮГРА» и ПАО «АК Банк», и других.

Проблема пресечения недобросовестной конкуренции в данном случае выражается в том, что, во-первых, факт обнаружения и расследования недобросовестной конкуренции в отношении каждого из банков занимает значительный временной промежуток времени, во-вторых, до ухудшения экономической обстановки в 2014 году у банков не было изначального умысла на совершение подобных действий, умысел возник в 2015 году с целью сокращения убытков от вкладов с высокими процентами, и, в-третьих, установить потенциальный ущерб, который нанесен другим банкам затруднительно.

Экономическая обстановка в государстве, научно-технический прогресс также активным образом влияют на рост недобросовестной конкуренции и выработку мер пресечения и борьбы с ней. В настоящее время большинство актов недобросовестной конкуренции совершается путём нарушения прав на интеллектуальную собственность. Законодательство о недобросовестной конкуренции в настоящее время является одним из наиболее эффективных средств правовой защиты исключительных прав в сфере интеллектуальной собственности, особенно исключительных прав на средства индивидуализации.

Современное российское законодательство содержит в ст. 14 Закона о защите конкуренции открытый перечень актов недобросовестной конкуренции. Одним из них является продажа, обмен или иное введение в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг.

В настоящее время большинство актов недобросовестной конкуренции совершается путём нарушения прав на интеллектуальную собственность. Согласно п. 7 ст. 1252 ГК РФ в случаях, когда нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации признано недобросовестной конкуренцией, защита нарушенного исключительного права может осуществляться как способами, предусмотренными Гражданским кодексом, так и в соответствии с антимонопольным законодательством.

Исходя из смысла ч. 4 ст. 10, ч. 9 ст. 11 Закона о защите конкуренции, в сфере интеллектуальной собственности может применяться антимонопольное законодательство в связи с недобросовестной конкуренцией, но к ним не могут применяться антимонопольные запреты, установленные для случаев злоупотребления доминирующим положением, действий обладателей исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также

контроля за заключением соглашений между хозяйствующими субъектами в области интеллектуальной собственности.

Некоторые авторы высказывают мнение о необходимости снятия данных ограничений для своевременного пресечения недобросовестной конкуренции, а другие считают это излишними мерами. Так Д.А. Гаврилов отмечает, что распространение антимонопольного законодательства на сферу интеллектуальной собственности будет способствовать повышению эффективности антимонопольного регулирования отношений, связанных с использованием объектов интеллектуальной собственности, а также повышению эффективности защиты от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав.

Анализ правовых норм, запрещающих недобросовестную конкуренцию в сфере интеллектуальной собственности, а также практики их применения позволяет выделить ряд проблем. Прежде всего, определенную проблему представляет собой отграничение нарушений интеллектуальных прав на результаты и средства индивидуализации, от незаконного введения в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты и средства индивидуализации.

Однако, нарушение интеллектуальных прав значительно шире по своему объему, чем незаконное введение в оборот товара с незаконным использованием объектов интеллектуальной собственности, тем более что, согласно ст. 1227 ГК РФ, в понятие интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности включаются как исключительное имущественное право, так и ряд личных неимущественных прав. Как справедливо отмечают зарубежные авторы, в частности, М. Браун: «Объектом законодательства об авторском праве является защита прав авторов и их произведений. Законодательство в сфере недобросовестной конкуренции, с этой точки зрения, не направлено на защиту авторского права, как права абсолютного и субъективного, но в то же время обеспечивает нормальный процесс конкуренции». Соответственно, защита личных неимущественных прав должна осуществляться преимущественно средствами права интеллектуальной собственности, а не нормами антимонопольного законодательства.

Более того, для признания использования результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации при реализации товара в оборот с использованием незаконных действий, необходимо установить не просто факт нарушения исключительного права, но и определить наличие всех необходимых признаков, которые позволили бы квалифицировать подобное незаконное использование, как акт недобросовестной конкуренции.

Рассмотрим решение Комиссии Федеральной антимонопольной службы по делу в отношении ООО «Бествей» (№ 1 14/194-10). В данном деле Заявитель обратился в ФАС с заявлением о признании действий Ответчика (ООО «Бествей») незаконной конкуренцией по основанию незаконной регистрации товарного знака «Маленькая принцесса» с использованием средств индивидуализации заявителя. Факты сходства средств индивидуализации сторонами не оспаривались. Однако комиссия ФАС вынесла решение о прекращении дела в связи с отсутствием в действиях Ответчика нарушений антимонопольного законодательства. По мнению Комиссии ФАС, материалы дела свидетельствовали о том, что программные продукты, разработанные и введенные в гражданский оборот Заявителем с использованием словесного обозначения «Маленькая принцесса», и программные продукты, введенные в гражданский оборот Ответчиком с использованием словесного товарного знака по свидетельству № 401381, не могут быть признаны взаимозаменяемыми товарами.

Один из программных продуктов, введенных в гражданский оборот Заявителем под общим наименованием «Маленькая принцесса» был предназначен для детей, уже умеющих читать, и направлен на совершение самостоятельных действий с использованием инструкций, содержащихся на диске. В то же время программные

продукты, введенные в гражданский оборот Ответчиком под вышеуказанным наименованием, представляют собой анимационные игры, предназначенные для детей от 4 лет, и не предполагают у детей умение читать. Следовательно, программные продукты, вводимые в гражданский оборот Заявителем и Ответчиком, предназначены для разной целевой аудитории и обладают различными качественными характеристиками. Соответственно, указанные программные продукты не являются взаимозаменяемыми.

Однако, открытым является вопрос о возможности нарушения исключительного права при отсутствии недобросовестной конкуренции. В соответствии с ч. 3 ст. 1484 Гражданского Кодекса РФ, данные действия могут быть признаны нарушением исключительного права, если данные товары будут признаны не взаимозаменяемыми, но однородными и будет доказана вероятность возникновения смешения. Современное российское законодательство не содержит четкого отграничения понятий «однородности», используемого в ГК РФ, и «взаимозаменяемости», используемого в Законе. В подобного рода ситуации непризнание действий в качестве недобросовестной конкуренции по мотиву отсутствия взаимозаменяемости товара не должно являться свидетельством об отсутствии нарушения исключительного права.

По нашему мнению, обстоятельства вышеизложенного дела не исключали для Заявителя возможности оспаривать действия Ответчика по основанию нарушения исключительных прав при условии доказывания факта причинения убытков по причине смешения используемых сторонами обозначений.

С точки зрения практики применения Закона, товар, или же результаты выполненных работ должны находиться на том или ином рынке, то есть, существовать в действительности. Вторым важным признаком является то, что данный товар должен быть введен в оборот, например, с помощью продажи либо на основании договора подряда, либо возмездного оказания услуг и др. Наличие товара с нарушениями само по себе не свидетельствует о наличии нарушения правил конкуренции, в силу необходимости доказывания именно факта реализации данного товара на соответствующий экономический рынок, то есть в сферу обращения.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время проблемы пресечения недобросовестной конкуренции заключаются в длительном расследовании недобросовестной конкуренции, соответственно, длительном периоде причинения убытков, в невозможности своевременного предотвращения при наличии правовых пробелов, в неиспользовании базовых принципов гражданского законодательства в каждом деле по причине их абстрактности, отсутствии баланса между конкуренцией и излишним вмешательством государства в неё.

С учетом специфики отдельных объектов интеллектуальной собственности правообладателям при защите своих прав средствами законодательства о защите конкуренции необходимо уделять особое внимание доказыванию факта «взаимозаменяемости» товаров, для индивидуализации которых используются спорные обозначения, а также факта направленности действий нарушителя исключительного права именно на получение преимуществ в сфере предпринимательской деятельности.

В то же время действия субъектов в сфере недобросовестной конкуренции, связанные с введением в оборот товаров с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, всегда связаны с нарушением норм гражданского законодательства, регламентирующего их гражданско-правовой режим.

***

1. О защите конкуренции: федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3434. 2019 (часть V). N 49. Ст. 6962.

2. Решение Комиссии Федеральной антимонопольной службы по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства № АК/14364 от 03.05.2011 г. - URL: <http://solutions.fas.gov.ru/documents/5047> (дата обращения 20.11.2020).
3. Абакумова Ю.И. Процедуры в конкурентном праве: учебное пособие / О.Р. Афанасьева, А.В. Борисов и др.; отв. ред. С.А. Пузыревский. Москва: Проспект, 2019. 296 с.
4. Гаврилов Д.А. Правовая защита от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав на средства индивидуализации и иные объекты промышленной собственности. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 192 с.
5. Доклад по правоприменительной практике, статистике типовых и массовых нарушений обязательных требований с разъяснением (утв. ФАС России) // СПС «КонсультантПлюс»
6. Braun M. Le droit morale de l'artiste interprete // These de license et de doctorat presentee a la Faculte de droit et des sciences criminelles de l'Universite de Lausanne. - Berne, 2010.

Соломко М.К., Павлов С.Ю.

Сравнительный анализ трудоустройства на государственную службу в РФ и США

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-158

idsp: ljjournal-01-2021-158

Аннотация

Цель исследования – проанализировать процедуру трудоустройства на государственную службу в двух крупнейших странах – Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации. В статье рассмотрены ключевые нормативно-правовые акты двух стран, в подробностях проанализированы реформы США и РФ, благодаря которым сложилась система государственной службы. Также, в статье приведены отличия и схожесть в современном порядке трудоустройства и предложены собственные идеи для улучшения системы государственной службы в Российской Федерации.

Ключевые слова: РФ, США, государственная служба, трудоустройство, реформы.

Abstract

The purpose of research is to analyse the procedure of employment at the public services in two major countries - the United States of America and the Russian Federation. This article reviews crucial regulations of two counties, analyses the reforms of the USA and Russia, which have established the public service system, in detail. Also this article provides information about the differences and similarities of modern procedure of employment and suggest ideas for the public service system improvement in the Russian Federation.

Key words: the Russian Federation, the United States of America, public services, employment, reforms.

Безусловно, что вопрос трудоустройства является одним из самых основных в нашей жизни. Если мы хотим стать государственным служащим, то процесс поступления на работу характеризуется определенными особенностями, которые присущи в разных странах и которые необходимо знать и соблюдать в момент поиска работы.

Определенно, что Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки являются крупнейшими странами в мире, где государственная служба для граждан является фундаментом и инструментом взаимодействия. Это важно для построения современного и развитого государства, и конечно же, это огромное число рабочих мест для людей, обладающих разными профессиональными специальностями и категориями подготовки.

В первую очередь, сравнительный анализ необходимо начать с нормативной базы, которая регулирует государственную службу в этих двух странах.

Важно отметить, что государственная служба США никак не закреплена в Конституции, что вносило в организацию массу неточностей и не имела структурированность. Только статья 11, раздела 2 Конституции говорит о праве президента как главы исполнительного федерального аппарата «с совета и согласия сената назначать послов и иных полномочных представителей и консулов... а также всех других должностных лиц Соединенных Штатов» и о том, что президент может «замещать все вакансии, которые откроются в период между сессиями сената»

Поэтому, в США модель госслужбы берет начало с Закона «О гражданской службе», принятого в 1883 году (Pendleton Civil Service Reform Act).

Этим актом упразднилась система «добычи» (spoils system), в соответствии с которой президент, победивший на выборах, мог полностью сменить всех должностных лиц. Закон ввел в действие новую систему (систему заслуг) и конкурсные экзамены для набора на службу и назначения на подавляющее число должностей. Также, теперь запрещалась дискриминация по признаку партийной принадлежности, а гражданская служба объявлялась политически нейтральной. Закон учредил особый орган - Комиссию гражданской службы, ставшую впоследствии независимым ведомством в системе исполнительной власти.

На мой взгляд, именно эти реформы сделали большое продвижение в государственной службе США, и стали отправной точкой развития данной структуры. Также, по моему мнению, введение «системы заслуг» является большим шагом в сторону демократизации общества, что привело к тому, что имеет на сегодняшний день Соединенные Штаты Америки.

В последующие годы законодательство, регулирующее гражданскую службу, неоднократно дополнялось и изменялось. Одним из последних и наиболее значительных актов был «Закон о реформе гражданской службы» 1978 г. (Civil Service Reform Act of 1978).

Этим законом вместо комиссии были созданы в качестве независимых ведомств три новых органа: 1) Управление по руководству персоналом; 2) Управление особого советника; 3) Совет по охране системы заслуг, которым было поручено выполнение трех различных функций, порученных ранее комиссии: 1) управление набором, обучением и продвижением служащих; 2) расследование случаев нарушений правовых норм; 3) вынесение решений по таким нарушениям.

Также, одним из основным современных актов, регулирующий государственную службу в Америке – это пятый раздел Кодекса США с названием «Государственная организация и сотрудники» (Title Five – Government Organization and employees).

Анализируя законодательную базу Америки, можно выделить традиционное использование по сей день актов, которые были приняты столетиями назад, и которые не теряют актуальность для страны в современном мире. Также, можем наблюдать, как с годами само понятие и структура работы в государственных органах стала более четкой, благодаря принятым реформам и законам.

Говоря о России, то самым первым документом был «Табель о рангах 1722 года», сохранивший своё значение основного документа, регламентировавшего порядок приёма на службу и её прохождения в Российской империи вплоть до 1917 года.

В современной Российской Федерации государственная служба закреплена Конституцией, а именно статьей 71, пунктом «т», где указано, что «В ведении Российской Федерации находится - федеральная государственная служба».

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующие госслужбу являются Федеральные законы: «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05. 2003 года N 58-ФЗ, «О государственной гражданской службе Российской

Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ, «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 N 53-ФЗ.

Также, данную деятельность регулируют указы Президента, постановления Правительства, нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти и Конституции (уставы) субъектов РФ.

Я считаю, что основными преимуществами в нашей стране является изначально четкая и понятная структура государственной службы, закрепление в Конституции, зафиксированные понятия, разделение прав и обязанностей и другая регламентация, которая содержится в нормативных-правовых актах указанных выше.

Если сравнивать определение «государственный служащий», мы можем видеть, что фактически значение в обеих странах одинаковое.

В России: «Федеральный государственный служащий - гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств федерального бюджета.» (ст 10, 58 ФЗ)

В США под федеральным государственным служащим понимается любое лицо, труд которого оплачивается из федерального бюджета.

Переходя к главной теме, а конкретно - к вопросу трудоустройства, то необходимо отметить, что в Российской Федерации требования к поступающим на гражданскую госслужбу закреплены в статье 21 одноименного закона, где прямо указывается, что «На гражданскую службу вправе поступать граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет, владеющие государственным языком Российской Федерации и соответствующие квалификационным требованиям».

В России поступление на государственную службу происходит двумя основными способами: 1) конкурс (т.е. оценка профессиональных знаний и навыков претендентов на замещение должности гражданской службы установленными требованиями); 2) по контракту (т.е. соглашение между представителем нанимателя и гражданином, поступающим на гражданскую службу, или гражданским служащим о прохождении гражданской службы и замещении должности гражданской службы).

Говоря об особенностях системы государственной службы США, то они заключаются в том, что она имеет отбор на должности «открытого» и «закрытого» формата.

Например, на должность «открытого» формата может пройти любое лицо, которое успешно прошло экзаменационный этап. То есть здесь, в законодательстве не регламентировано, что нужно обязательно быть гражданином Соединенных Штатов Америки, как в отличие от РФ, где на любую государственную должность может вступить исключительно гражданин Российской Федерации. Хотя на практике, при трудоустройстве в США, необходимо будет иметь обязательное официальное разрешение на работу, и для большинства позиций – гринкарту или иметь американское гражданство.

Еще одним большим отличием между двумя странами является тот факт, что в США существует 18 уровней должностей — первые 8, где лица являются техническими исполнителями; с 9 по 15 — средний руководящий состав и вспомогательно-технический персонал высшей квалификации; с 16 по 18 — высший руководящий состав.

Как правило, должности открытого формата – это зачастую должности первых восьми уровней.

Говоря о должностях «закрытого» формата (для государственного департамента, служб здравоохранения и лесного хозяйства и ряда других ведомств и министерств), то посты занимают по очередности карьерной службы. Логично, что если мы говорим о более высоком уровне, то, здесь уже большую роль играет профессиональная

квалификация лица, опыт работы и заслуги, которые в последствии смогут продвинуть работника вверх по карьерной лестнице.

Порядок информирования о наличии вакантных мест предусматривается:

В России данный вопрос регулируется Указом Президента от 01.02.2005 №112, пунктом 6 «На первом этапе на официальных сайтах государственного органа и государственной информационной системы в области государственной службы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» размещается объявление о приеме документов для участия в конкурсе, а также следующая информация о конкурсе: наименование вакантной должности гражданской службы, квалификационные требования для замещения этой должности, условия прохождения гражданской службы, место и время приема документов, подлежащих представлению в срок, до истечения которого принимаются указанные документы, предполагаемая дата проведения конкурса, место и порядок его проведения, другие информационные материалы.»

В США, чтобы узнать об актуальных вакансиях, необходимо также выбрать штат, где будет искаться вакансия, перейти на сайт мэрии города и в специальной вкладке будет список открытых предложений, и требования к поступающим на должность со всеми дальнейшими указаниями.

Таким образом, мы видим, что процедура поиска работы на государственную службу в обеих странах действует по одному принципу.

Определенно, что важно еще учесть вопрос регламентация конкурсного экзамена на должность. Рассматривая обе страны, можно увидеть, что в РФ данная процедура регулируется вышеупомянутым указом Президента.

Конкурсная комиссия оценивает кандидатов на основании представленных ими документов об образовании, а также, методов оценки профессиональных и личностных качеств кандидатов, включая индивидуальное собеседование, анкетирование, проведение групповых дискуссий, написание реферата или тестирование по вопросам, связанным с выполнением должностных обязанностей по вакантной должности гражданской службы, на замещение которой претендуют кандидаты.

На практике, помимо всех документов, которые затребует работодатель в конкурсном экзамене проверяют знания претендентов на знания нормативной базы узкой направленности и знания русского языка.

В США набором служащих занимаются специальные организации, одна из которых – Управление по руководству персоналом. Наем на госслужбу в США ведется на конкурсной основе с использованием отборочных экзаменов. Прием на работу в госструктуры здесь производится в два этапа: сначала комиссия отбирает трех кандидатов. Отбор может быть основан либо на тестах, и, если речь о высших должностях – на формальных сведениях об образовании и профессиональном стаже.

Например, чтобы получить должность специалиста отдела кадров, нужно пройти тест, который состоит примерно из 80 вопросов, который состоит на профпригодность, и где отдельной частью является знание английской лексики и грамматики.

Таким образом, мы видим, что процедура конкурса в двух странах достаточно схожа, потому что в первую очередь оценивается образование претендентов, профессиональная пригодность и знание государственного языка.

Что касается сроков результатов, то если в РФ закреплено, что «Сообщения о результатах конкурса в 7-дневный срок со дня его завершения направляются кандидатам в письменной/электронной форме», то в США даже при успешной сдаче экзамена, вовсе не точно, что потенциального работника сразу примут на работу. Вероятно, что претенденту нужно будет ждать свою очередь (список ожидания на должность составляет от двух месяцев до нескольких лет).

На мой взгляд, это является большим недостатком для системы в целом, потому что незнание лица конечного результата и сроков принятия на работу может сказаться, как и на профессиональных качествах, так и на мотивации будущего сотрудника.

Подводя итог, если рассматривать государственные службы этих стран в более объективном смысле, то мы можем видеть конкретные различия – например, система заслуг, которая не внедрена в нашей стране, но которая, на мой взгляд, могла бы быть мотивационной для ряда работников в Российской Федерации. Также, сильно отличается то, что в США есть точная квалификация государственных должностей по уровням и прочую узкую специфику, в отличие от России, где система должностей достаточно размыта и не является закрытой и исчерпывающей.

Однако, сравнивая процедуру самого трудоустройства на государственную службу в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки мы видим, что процедура конкурса достаточно схожа: сбор необходимых документов, собеседование, сдача профессионального экзамена и в последствии – вступление в желаемую должность. Также, нужно отметить, что государственная служба в обеих странах имеет большую историю, которая складывалась несколькими веками назад, и которая привела к современной системе, к которой мы привыкли на сегодняшний день.

***

1. Государственное управление и государственная служба за рубежом: курс лекций / под общ. ред. В.В. Чубинского. – СПб. : Изд-во «Образование – Культура»; Изд-во СЗАГС, 1998
2. Государственная служба в зарубежных странах: учебное пособие. / М.Е. Апон – Санкт-Петербург: НОИР, 2016. – 73 с.
3. Конституция США / от 17.09.1787 г.
4. Закон США «О гражданской службе» (Pendleton Civil Service Reform Act) от 16.01.1883
5. Закон США о реформе гражданской службы» (Civil Service Reform Act of 1978) от 13.10.1978
6. Конституция РФ от 12.12.1993 г
7. Табель о рангах от 24.01.1722 г.
8. Федеральный закон РФ «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 года N 58-ФЗ
9. Федеральный закон РФ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ
10. Федеральный закон РФ «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 N 53-ФЗ.
11. Указ Президента Российской Федерации от 01.02.2005 г. № 112

Степанян Е.К.

Актуальные вопросы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц вне рамок банкротного процесса

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-159

idsp: ljjournal-01-2021-159

Аннотация

В научной статье рассматривается актуальная проблема привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц вне рамок банкротного процесса. Автор раскрывает актуальность данной темы, обращаясь к практике. Также проведен анализ законодательства в рамках указанной темы. Приводится несколько способов по привлечению к субсидиарной ответственности контролирующего лица вне процесса по делу о банкротстве. В заключении сформирован вывод по проблеме, сформулированной в результате научного исследования, и указана тенденция в дальнейшем развитии.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, контролирующее лицо, должник, заявитель, установление субсидиарной ответственности

Abstract

The scientific article deals with the actual problem of bringing controlling persons to subsidiary liability outside the framework of the bankruptcy process. The author reveals the relevance of this topic, referring to practice. The analysis of the legislation in the framework of this topic was also carried out. There are several ways to bring a controlling person to subsidiary liability outside of the bankruptcy process. In conclusion, a conclusion is formed on the problem formulated as a result of scientific research, and the trend in further development is indicated.

Keywords: vicarious liability, bankruptcy, the controlling person, the debtor, the claimant, the establishment of vicarious liability

Зачастую реализация механизма по привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих лиц происходит непосредственно в самом процессе банкротства, но на практике также возможно привлечение вне рамок банкротного процесса. На сегодняшний день процент удовлетворения требований о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках проведения процедур банкротства довольно высок. Учитывая это, можно сказать, что суды зачастую удовлетворяют подобные требования, а если рассматривать другую ситуацию, в которой привлекают к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, все намного сложнее. Возникает ряд правовых и практических вопросов, разрешение которых особо актуально на наш взгляд. В обоснование актуальности приведем практический пример: может сложиться такая ситуация, когда истец получает решение суда, а ответчик уже «мертвый». Существует два варианта поведения на наш взгляд.

В первом случае банкротство, как процесс, который требует определенной инициации и соблюдения специальной процедуры его сопровождения, будет прекращен по конкретному основанию, который предусмотрен ст. 57 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее №127-ФЗ), а именно ввиду отсутствия средств, которые необходимы для достаточности возмещения судебных расходов, в том числе на выплату вознаграждения арбитражному управляющему. Далее обратимся к п. 1 ст. 61.19 №127-ФЗ, который указывает на то, что если после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве лицу, которое имеет право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица в соответствии с п. 3 ст. 61.14 №127-ФЗ и требования которого не были удовлетворены в полном объеме, станет известно о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренной ст. 61.11 №127-ФЗ, оно вправе обратиться в арбитражный суд с иском вне рамок дела о банкротстве. На наш взгляд, законодатель закрепил право заявителя по делу о банкротстве, подать заявление о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица в связи с отсутствием финансирования. На практике качественная реализация данного права работает. Например, дело А40-230837/2018 – суд кассационной инстанции в своем решении указал на порядок привлечения лица к субсидиарной ответственности и необходимости правильного применения норм №127-ФЗ с учетом фактических обстоятельств дела.

Во втором случае можно идти через привлечение к субсидиарной ответственности контролирующего лица уже ликвидированного должника. Так, согласно п.3.1 ст. 3 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» исключение общества из ЕГРЮЛ в порядке, установленном № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц» (далее №129-ФЗ) для неработающих

юридических лиц, влечет за собой предусмотренные № 51-ФЗ Гражданским кодексом Российской Федерации (далее ГК РФ) последствия отказа основного должника от исполнения обязательства. В этом случае, если неисполнение обществом своих обязательств (в том числе в результате причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в п.1-3 ст. 53.1 ГК РФ, действовали недобросовестно или необоснованно, по требованию кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества. Следует отметить то, что речь идет о конкретной процедуре исключения из реестра юр. лица по решению регистрирующего органа на основании ст. 21 №129-ФЗ. На наш взгляд, это является важным и ключевым моментом для целей последующего привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего лица. В данном случае имеем совершенно уверенное обоснование и правовую опору для обращения с заявлением в суд об установлении субсидиарной ответственности.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в настоящее время судебная практика по вопросу привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего лица находится в стадии формирования, как в вопросах, что считать недобросовестными и неразумными действиями, так и в вопросе подведомственности. Действующие аспекты законодательства и правоприменительная практика по вышеназванному вопросу предоставляет намного больше возможностей в борьбе с недобросовестными должниками по сравнению с классическим банкротством. Исходя из текущей экономической ситуации, возросшей осведомленности кредиторов и ориентированности уполномоченных органов на реальное взыскание денежных средств с контролирующих лиц, мы прогнозируем значительное увеличение числа таких споров как в делах о банкротстве, так и вне их. Все вышесказанное приводит к образованию определенной направленности движения спорных правоотношений в сфере привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц вне рамок банкротного процесса. Данная тенденция может выступать как конкретный и положительный стимул для руководителей осуществлять управленческую деятельность в рамках законодательства Российской Федерации с целью добросовестного исполнения юридическим лицом своих прямых обязанностей и обязательств, которые возникают в хозяйственном процессе. Но с другой стороны, необходимо отметить достаточное количество вновь возникающих споров в рамках привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц вне процесса банкротства, что указывает на несовершенное правовое регулирование, наличие пробелов в законодательстве Российской Федерации и отсутствие систематизированного, выработанного на практике механизма, который бы позволил компетентно и своевременно разрешить подобные споры.

***

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ): Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 (последняя редакция) // Российская газета 21.10.1994
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета 28.01.1998
3. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета 20.07.2001
4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета 16.10.2002
5. Масленникова Л.В. Основы правового регулирования отношений в сфере несостоятельности (банкротства) [Текст]: учебное пособие по направлению подготовки 030900.68 - Юриспруденция: магистерская программа: гражданское право, семейное право, международное частное право (степень магистр). Краснодар.: Кубанский гос. аграрный ун-т, 2013
6. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника. Научная статья ВАК. Журнал Lex Russica. 2018 г.
7. Туктамышева С.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в деле о банкротстве. Научная статья РИНЦ. Журнал Теология. Философия. Право. 2019 г.

Степанян Е.К.

Проблемы эффективности государственного управления земельными ресурсами

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»
(Россия, Краснодар)

doi: 10.18411/lj-01-2021-160

idsp: ljjournal-01-2021-160

Аннотация

В научной статье рассматриваются актуальные проблемы государственного управления земельными ресурсами, находящимися в государственной, муниципальной или частной собственности. Автором проведен анализ нормативно-правовых актов РФ на предмет коллизий, пробелов и неточностей в рамках исследуемой темы. В заключении предложены разумные и эффективные способы устранения исследуемых проблем государственного управления земельными ресурсами в целях повышения эффективности такого института.

Ключевые слова: земля, земельный ресурс, земельное законодательство, государственное управление земельными ресурсами, земельный фонд.

Abstract

The scientific article examines the actual problems of state management of land resources, which are in state, municipal or private ownership. The author analyzed the regulatory legal acts of the Russian Federation for collisions, gaps and inaccuracies within the framework of the research topic. In the conclusion, reasonable and effective ways of eliminating the studied problems of state land administration are proposed in order to increase the efficiency of such use.

Keywords: land, land resource, land legislation, state management of land resources, land Fund.

Постановлением Правительства № 297-р от 3 марта 2012 г. утверждены «Основы государственной политики в области использования земельного фонда Российской Федерации на 2012–2020 годы» (далее - Основы государственной политики), в которых определены цели государственной политики в области землеустройства: повышение эффективности землепользования, охрана земель как основного компонента окружающей среды и основного средства производства в сельском хозяйстве при обеспечении продовольственной безопасности страны.

Некоторые меры, перечисленные в Основах государственной политики, в том числе такие важные, как установление размера административного штрафа в зависимости от площади и кадастровой стоимости земельного участка, на котором совершено земельное правонарушение, были реализованы. С другой стороны, в Основах государственной политики содержатся такие положения, как исключение из земельного законодательства принципа разделения земель на категории, которые неоднозначно соблюдаются органами государственной власти, местного самоуправления, землепользователями и экспертным сообществом.

В целом в Основах государственной политики отмечается как незавершенность трансформации земельных отношений, в частности незавершенность процесса выделения земельных участков за счет земельных долей и необходимость совершенствования процедуры их оформления, так и проблемы, связанные с их регистрацией, условия для решения которых сейчас созданы, например, для улучшения взаимодействия органов государственной власти (переход на электронный документооборот с целью увеличения скорости обмена данными и снижения затрат);

установление возможности привлечения нарушителей к ответственности на основании данных дистанционного зондирования и другое.

В целом современное земельное законодательство представляет собой сложную систему, в которой земельные отношения, в том числе в сфере государственного землеустройства, наряду с Земельным кодексом Российской Федерации (далее - Земельный кодекс), в новой редакции которого от 1 марта 2015 года изменена значительная часть земельных правовых норм, также регулируются Лесным, Водным, Градостроительным кодексами Российской Федерации, Федеральными законами «О государственной регистрации недвижимого имущества», «О кадастровой деятельности», «О землеустройстве», «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую», «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения», а также «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях упразднения. Противоречия в данных государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель», признанные подзаконными актами.

В то же время в последние годы наблюдается тенденция детализации положений Земельного кодекса и других нормативных правовых актов земельного законодательства, включения в них процессуальных и технических норм. В этой связи следует отметить, что чрезмерная детализация способствует возникновению противоречий между вновь принятыми нормативными актами и принятыми ранее, что негативно сказывается на возможностях законодательства как регулятора земельных отношений, что в свою очередь вызывает неоднозначное толкование и повышает уровень безразличия государственных и муниципальных властей, землевладельцев, способствующих возникновению земельных споров.

Федеральным законом от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» комплексно и систематически внесены изменения в порядок предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Однако его практическая реализация вызывает множество проблем, особенно в части вопросов землеотвода и порядка установления сервитутов.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд также вызывает множество вопросов, которые претерпели существенные изменения с принятием Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации», усовершенствовавшие порядок изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд.

На основании изложенного предлагаем: рекомендовать Правительству Российской Федерации - ускорить рассмотрение и внесение в Государственную Думу проекта Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и некоторых законодательных актов Российской Федерации» (в целях уточнения определения видов разрешенного использования земель); при разработке новой редакции Федерального закона «О землеустройстве» рассмотреть возможность привлечения к специализированной деятельности ученых и специалистов государственного университета землеустройства, национального союза землеустроителей и других профессиональных объединений в области землеустройства; обеспечить улучшение взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в части координации землеустройства; рассмотреть возможность создания единого специального федерального органа исполнительной власти по землеустройству; обеспечить выполнение положений земельного законодательства и законодательства о государственной регистрации недвижимого

имущества в части совершенствования кадастрового учета и учета земельных участков и границ зон с особыми условиями использования территорий; рассмотреть вопрос об уточнении ограничений обороноспособности земельных участков в населенных пунктах, например, расположенных на территории центральной экологической зоны озера Байкал.

***

1. Об утверждении Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012 - 2020 годы: Распоряжение Правительства РФ от 03.03.2012 № 297-р (ред. от 28.08.2014) // режим доступа СПС «КонсультантПлюс»
2. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №136 (ред. от 22.12.2020) // режим доступа СПС «КонсультантПлюс»
3. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон №218 от 13.07.2015 (последняя редакция) // режим доступа СПС «КонсультантПлюс»
4. О кадастровой деятельности: Федеральный закон №221 от 24.07.2007 (последняя редакция) // режим доступа СПС «КонсультантПлюс»
5. О землеустройстве: Федеральный закон №78 от 18.06.2001 (последняя редакция) // режим доступа СПС «КонсультантПлюс»
6. О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую: Федеральный закон №172 от 21.12.2004 (последняя редакция) // режим доступа СПС «КонсультантПлюс»
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель: Федеральный закон №280 от 29.07.2017 (последняя редакция) // режим доступа СПС «КонсультантПлюс»
8. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №171 от 23.06.2014 (последняя редакция) // режим доступа СПС «КонсультантПлюс»
9. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №499 от 31.12.2014 (последняя редакция) режим доступа СПС «КонсультантПлюс»
10. Брыжко В.Г. Экономическая защита земель сельскохозяйственного назначения. Аграрная наука. 2019. №12. С. 2-4.
11. Колиева А.Э. Некоторые юридические коллизии доверительных отношений в договорном праве. Современная научная мысль. 2013 г. №6. С.169-175.

**Удычак Ф.Н., Шадже А.М., Ревенко В.Э.
Легитимация как обоснование права власти**

*Адыгейский государственный университет
(Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-161

idsp: ljjournal-01-2021-161

Аннотация

Легитимация власти представляет собой сложный и противоречивый механизм, комплексную систему субъектов, объектов, условий, принципов, процедур, средств и методов, посредством которых существующая и действующая власть обосновывает свою компетентность и дееспособность. Представления о легитимации власти до сих пор претерпевают изменения по мере ее исторического развития и усложнения представления о государственно-политических основаниях власти.

Ключевые слова: легитимация, государство, власть, легализация власти, субъекты властных отношений.

Abstract

The legitimization of power is a complex and contradictory mechanism, an integrated system of subjects, objects, conditions, principles, procedures, means and methods by which the existing and current government justifies its competence and capacity. Ideas about the

legitimization of power are still undergoing changes as its historical development and the complication of ideas about the state and political foundations of power.

Key words: legitimation, state, power, legalization of power, subjects of power relations.

Легитимация государственной власти - это механизмы и приемы, посредством которых властные отношения приобретают свойство легитимности, т.е. предстают в общественном сознании как естественные, онтологически необходимые и справедливые [1].

Так, легитимация государственной власти - весьма сложный феномен, обладающий разветвленной и взаимообусловленной структурой, которая может совершенствоваться и модернизироваться по мере становления и усложнения государственных институтов, развиваться по условно предсказуемым сценариям, прибегать к комплексу различных аргументов и оснований.

В легитимации, как и в любом социальном феномене или познаваемом явлении, присутствуют субъектные отношения. Следует признать присутствие не менее двух субъектов властных отношений: субъект носителя власти и подвластный субъект. Для осуществления власти подвластный субъект должен быть встроен в отношения «власть - подчинение», обозначая при этом собственную позицию. Он должен понимать и признавать, что существует собственно феномен власти как таковой, что необходима реализация властных отношений и то, что эта реализация является выражением именно его интересов.

Государственная власть легитимна:

- если она едина, т.е. является выражением суверенной воли единого народа, что обуславливается единством народа как единственного источника и носителя власти;
- если она сформирована в соответствии с требованиями конституции и других правовых норм, т.е. законна. Здесь существенным является то, насколько непосредственно народ участвовал в образовании принадлежащей ему власти, в частности в выборе президента, парламента, местных органов самоуправления, и насколько эти выборы соответствуют требованиям закона;
- если легитимация и легализация государственной власти осуществляются по нормам, соответствующим принципам права, общечеловеческим ценностям и, в частности, основному закону страны - конституции [2], иначе говоря, если эти нормы законны;
- если формы и методы реализации государственной власти соответствуют требованиям норм права;
- если государственные органы и органы самоуправления действуют в рамках своих полномочий.

Государственная власть нуждается в легитимации и легализации.

Государственная власть легитимируется в первую очередь народом следующими формами:

1. Принятием конституции как основного закона страны, которым конституционно закрепляется:
  - а) его естественное право, иначе говоря, реализуется естественное право принадлежности ему власти;
  - б) модель его идеала конституционализма и соответствующий его представлениям механизм, формы и методы реализации власти;
  - в) степень и способы его участия в воплощении этого идеала;

- г) круг полномочий разных ветвей власти и должностных лиц в процессе воплощения его идеала.

Отсюда и вытекает значимость легитимности принятой конституции, что обусловлено также тем, что именно конституцией легитимируется и легализуется государственная власть.

2. Избранием главы государства, парламента и органов местного самоуправления.
3. Формированием других органов государственной власти, избранных народом, президентом и парламентом.
4. Присягой президента страны, принесенной народу перед вступлением в должность [3].

Однако легитимность обычно понимают как «важнейшее свойство любой эффективной государственной власти, утратив которое государственная власть перестает существовать» [4]. Однако с таким пониманием вряд ли можно согласиться. Во-первых, легитимность не является имманентным свойством и тем более отличительным признаком государственной власти. В противном случае была бы излишней, ненужной легитимация власти. Во-вторых, легитимность - не свойство самой власти, а одно из свойств связи власти с обществом в целом или с его элементами, а точнее, отношение общества к власти. В-третьих, легитимность не является однозначным индикатором эффективности государственной власти и не порождает эту эффективность с неизбежностью. Следует лишь признать, что при наличии легитимности степень эффективности государственной власти повышается более легко, это в целом придает ей в общественном сознании преимущественно позитивный характер и позволяет нейтрализовать или приуменьшать негативные последствия действий власти.

Легитимность создает для власти возможность добиваться принятия ее решений и действий без принуждения, а их результатов - без сопротивления. Но даже насилие должно быть законным и понятным в тех случаях, когда без принуждения невозможно обеспечить действенность требований власти.

Индикатором легитимности власти, с одной стороны, является ее авторитет и умение властвовать, а с другой стороны - признание действительности власти в целом и конкретных ее правителей, а также склонность подвластных подчиняться и сохранять верность существующей власти.

Легитимность власти генетически связана с легальностью властных действий, поскольку норма права придает властной деятельности санкционированную обществом, публичную и предсказуемую форму. По сути, назначение системы права - создание предсказуемых для общества правил «поведения». Но, когда государственный аппарат отклоняется от собственных правил, выраженных в законах, его деятельность теряет легитимность, если только такие действия не сопряжены с чрезвычайными обстоятельствами. В чрезвычайных ситуациях соблюдение формальных требований закона не всегда оправданно и может приводить, напротив, к антисоциальным решениям, а следовательно, и влечь снижение легитимности власти. То есть легитимность власти связана не только и не столько с легальностью, сколько с категорией стабильности. Как отмечает в этой связи И.С. Штода, «власть становится легитимной благодаря достижению ею устойчивости, определенности, установлению порядка [5].

В связи с этим, обращаясь к историческому анализу отечественной модели легитимации государственной власти, следует отметить, что для нее характерно два противоположных явления. С одной стороны, это идеализация (или идеократизация) государственной власти, а с другой - в российской традиции сильны идеи анархизма и отрицания ценности государственных институтов (воспринимаемых либо сразу негативно, либо в качестве вторичных социальных ценностей, призванных

реализовывать, обслуживать ценности первичные, прежде всего, духовно-нравственные). При этом данное противоречие представлено не столько разными конкретными социальными группами, сколько антиномичными политико-правовыми установками обыденного, повседневного мышления. Отсюда складывается необходимость в формировании специфической стратегии легитимации государственной власти с учетом национальных особенностей политико-правового менталитета российского общества [6].

Таким образом, бесспорно мнение Ж. Маритена, который полагает, «что изначально власть (не в своем конкретном выражении, а по своей сущности) - это не право (иначе она не нуждалась бы в легитимации); власть - это лишь возможность права, лишь притязание, обеспеченное силой и рассчитанное на признание» [7]. Именно легитимную государственную власть в любом случае следует рассматривать как право. При этом задача укрепить в общественном сознании представление о власти как о праве - задача правовой идеологии, определяемая ее легитимационной функцией. В содержании правовой идеологии власть предстает как право, а механизм правовой идеологии, внедряя такое представление о власти, вместе с тем должен снять все идейные основания сопротивления власти.

Вся логика легитимации государственной власти выражена в переходе от легитимации права на власть к легитимации самой этой власти и далее - к легитимации действующего права.

***

1. Беседин А.А. Значение правовой идеологии в решении задачи легитимации государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 8.
2. Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2011. С. 120.
3. Джангириян Ж.Д. Легитимная государственная власть как гарант конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 6.
4. Актуальные проблемы правовой теории государства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 135.
5. Штода И.С. Легализация и легитимация государственной власти [Электронный ресурс] // URL: www.gramota.net/materials/3/2011/1/55.html (дата обращения: 07.11.2020).
6. Кравченко А.Г., Мамычев А.Ю. Особенности легитимации результатов юридико-политической деятельности российской государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 7-8.
7. Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000. С. 119.

Удычак Ф.Н., Шадже А.М., Белая М.О.
Федерализация как способ изменения формы государства

*Адыгейский государственный университет
(Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-162

idsp: ljjournal-01-2021-162

Аннотация

Многие современные федерации исторически возникали как унитарные государства, которые в процессе эволюции по разным обстоятельным причинам трансформировали форму территориально-государственного устройства, что, в свою очередь, не могло не отразиться на форме правления и форме государственно-политического режима, которые, являются основными взаимосвязанными элементами формы государства.

Ключевые слова: федерализация, федерация, унитарное государство, децентрализация, административно-территориальные образования.

Abstract

Many modern federations historically arose as unitary states, which in the process of evolution, for various detailed reasons, transformed the form of the territorial-state structure, which, in turn, could not but affect the form of government and the form of the state-political regime, which are the main interrelated elements. forms of state.

Keywords: federalization, federation, unitary state, decentralization, administrative-territorial entities.

Федерализация – это промежуточная категория – процесс обретения государством федеративных характеристик. Анализируя опыт федерализации большинства государств мира можно прийти к следующим суждениям.

Во-первых, федерализация как способ изменения формы государства возможна только в уже существующем государстве, в отличие от федерализации, проводящейся параллельно с учреждением государственности, как было, например, в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Австралии. Федерализация, осуществляемая «сверху», может реализовываться двумя путями - либо эволюционно, посредством поэтапных конституционных реформ, либо посредством революции. Широкомасштабная реформа федеративных отношений требует пересмотра отношений между центром и регионами не только по форме, но и по существу [1].

Действительно, децентрализация не всегда приводит к появлению федеративного государства; ее результатом может быть, например, лишь немотивированное расширение полномочий органов местного самоуправления без формирования субъектов федерации и соответствующих органов государственной власти, соответственно, без учреждения федеративной государственности. Кроме того, децентрализация власти по вертикали может охватывать не всю территорию государства, а лишь некоторые его части.

Во-вторых, если становление федеративной государственности начинается «сверху», то возникает реальная опасность превалирования субъективного, волюнтаристического подхода к процессу федерализации, игнорирование ее объективных предпосылок, последовательности и логики проведения необходимых этапов и процедур. Объективизацией результата федерализации здесь является вновь принятый конституционный акт, учреждающий федеративную форму территориально-государственного устройства. Однако этот акт нельзя считать самоцелью и отправной точкой федерализма, так как он должен отражать не желаемое состояние общественных отношений (содержать нормы-программы и нормы-цели), а закреплять нормы-принципы, способные реализовываться в повседневных отношениях на всех уровнях власти, «здесь и сейчас»[2].

С.Д. Валентей утверждает, что «сформировать... демократическое федеративное государство лишь путем его провозглашения таковым в конституции невозможно. Требуется соответствующим образом «перенастроить» экономическое, социальное, политическое и прочие пространства страны» [3]. Действительно, если декларировать создание федерации без вызревших для этого предпосылок и возникших причин, то государство становится имитацией федерации и фактически функционирует по типу унитарного государства, рискуя рухнуть и перестать быть таковой при любом изменении политической ситуации. Примерами подобной федерализации можно считать попытки создания федераций в Советском Союзе, Чехословакии и Югославии.

Напротив, если конституционные реформы объективно назрели, фактически сложился комплекс неотъемлемых предпосылок и причин, существующие общественные отношения безотлагательно требуют принципиально иного правового подхода к регулированию, то федерализация может стать одновременно и необходимостью, и благом. Классическим, сравнительно успешным примером

трансформации унитарного государства в федерацию посредством конституционных реформ является современная Бельгия.

Таким образом, одним из критериев, по которому можно судить как о серьезности намерений власти и общества, так и о необратимости проводимых «сверху» федеральных реформ, является их продолжительность: если реформы проводятся сравнительно быстро, без использования долгих процедур согласования и институтов непосредственной демократии, то, скорее всего, федерация будет фиктивной.

В-третьих, федерализация унитарного государства, административно-территориальные образования в составе которого обладают одинаковым юридическим статусом, отличается от федерализации государства регионального, имеющего в своем составе ряд автономных территориальных единиц, сформированных для осуществления публичной власти в интересах территориального сообщества (сообществ) граждан [4]. Автономные образования в силу уже имеющегося опыта самоуправления, как правило, сами выступают с инициативой федерализации, желая приобрести большую независимость в составе государства, и становятся наиболее мощными субъектами федерации в политическом и экономическом плане. Кроме того, как показывает практика, именно такие субъекты федерации в будущем чаще всего стремятся к сепарации. Принцип равноправия в этом случае реализовать чрезвычайно сложно, и такая федерация становится асимметричной со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В-четвертых, при трансформации унитарного государства в федерацию проект новой федеральной конституции разрабатывается, как правило, специально созданным органом. Чаще всего это делает правительственная комиссия, задачей которой является представление учредительному органу либо собственного проекта, либо «сведенных воедино» нескольких проектов, предложенных представителями различных политических сил или видными юристами. Известно, например, что автором Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа [5], которая провозгласила федерацию в России и полностью вошла в текст первой советской Конституции 1918 г., был В.И. Ленин; а в разработке федеральной Конституции Австрии 1920 г. [6] принимал участие крупнейший ученый-юрист Г. Кельзен. И если Конституционная комиссия под руководством Я.М. Свердлова в 1918 г. самостоятельно разработала единственный проект первой советской Конституции, то Конституционная комиссия, составлявшая проект российской Конституции в 1990 - 1993 гг., пыталась создать компромиссный вариант из нескольких предложенных проектов [7].

В-пятых, трансформация унитарного государства в федерацию не может не отразиться на форме правления и форме государственно-правового режима. Анализируя становление федерации в разных странах мира, можно выявить следующую закономерность: федерализация ведет, с одной стороны, к установлению республиканской формы правления если не де-юре, то хотя бы де-факто; с другой стороны, к упрочению институтов демократии.

Обусловленность сочетания федеративной формы территориально-государственного устройства с республиканской формой правления вполне очевидна: одним из существенных признаков республики является принцип разделения властей по горизонтали. В условиях федерализма этот принцип не только реализуется, но еще и усиливается вертикальным разделением властей с усложнением механизма сдержек и противовесов, что не свойственно для монархии. Поэтому в ходе федерализации унитарное государство либо отказывается от монархической формы правления, декларируя и учреждая республику (Россия в 1918 г., Австрия в 1920 г.), либо сохраняет монархию лишь как дань политической традиции (современная Бельгия) [8].

Характерно, что в случае создания федерации параллельно с учреждением государственности республиканская форма правления нового государства даже не

ставится под сомнение. Так было, например, в Индии и Пакистане. Кроме того, многие исследователи признают, что Канада и Австралия фактически являются парламентскими республиками, их монархическая государственность достаточно символична.

Кроме того, ряд федеративных государств имеют сложную форму правления, которая определяется как «нетипичная», и ее «нетипичность» связана как раз с сочетанием монархических институтов с федеративной системой органов власти. В частности, это Объединенные Арабские Эмираты и Малайзия, где выборность главы государства ограничена кругом наследных монархов - соответственно эмиров и князей. Это необходимо, с одной стороны, для сохранения традиций исламского общества, с другой - для обеспечения равноправия субъектов федерации.

Таким образом, наблюдается закономерность: федеративная форма территориально-государственного устройства оптимально сочетается с республиканской формой правления и демократическим государственно-правовым режимом. Следовательно, если происходит трансформация унитарного государства в федерацию, то ее успех обусловлен наличием устоявшихся республиканских демократических институтов и традиций. В противном случае становление институтов федерализма будет сочетаться с трансформацией формы правления и государственно-правового режима, что, в свою очередь, либо сделает процесс федерализации долгим и мучительным, либо приведет к отказу от федерализма.

***

1. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеевкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. С. 342.
2. Ившина И.Н. Федерализация как способ изменения формы государства // История государства и права. 2014. № 19. С. 33.
3. Валентей С.Д. Экономические проблемы становления российского федерализма. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/Federalizm/1999/Federalism1-1999Valentey/Federalism-1999Valentey000.htm>. (дата обращения 06.11.2020 г.)
4. Чертков А.Н. Территориальное устройство Российской Федерации. Правовые основы. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2009. С. 67.
5. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582. Ч. 2. Ст. 1.
6. Конституция Австрии 1920 г. // Конституции государств Европы. М.: Изд-во НОРМА, 2001.
7. Сафонов В.Е. Генезис российского федерализма в советский и постсоветский период: Конституционно-правовая проблема теории и практики // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2.
8. Ившина И.Н. Федерализация как способ изменения формы государства // История государства и права. 2014. № 19. С. 35.

Удычак Ф.Н., Шадже А.М., Фулапов С.С.
От истоков к утверждению принципа равноправия

*Адыгейский государственный университет
(Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-163

idsp: ljjournal-01-2021-163

Аннотация

Проследивание сложной истории признания принципа равноправия граждан в теории и практике современного права позволяет глубже уяснить социальное и нормативно-правовое содержание данного принципа, гарантии и способы его

реализации в условиях формирования гражданского общества на основе принципов социальной справедливости, свободы и самоуправления населения.

Ключевые слова: государство, равноправие, естественно-правовая теория, юридическое равенство, социальное равенство, политическое равенство, социальная справедливость.

Abstract

Tracing the complex history of recognition of the principle of equal rights of citizens in the theory and practice of modern law allows us to better understand the social and legal content of this principle, guarantees and ways of its implementation in the conditions of formation of a civil society based on the principles of social justice, freedom and self-government of the population.

Keywords: state, equality, natural law theory, legal equality, social equality, political equality, social justice.

Традиционно под конституционными принципами понимают основополагающие идеи, имеющие различную форму выражения, определяющие содержание и характер правового регулирования общественных отношений, составляющих предмет конституционного права как самостоятельной отрасли российского права [1].

Еще в Древней Греции сформировались представления о равенстве как о критерии справедливого отношения общества и государства к своим членам. Не случайно на Западе Древнюю Грецию называют «классической страной идеи равенства». Однако античные, а затем и более поздние представления о равенстве были совершенно отличны от современного понимания равноправия. Даже формально это было еще не всеобщее, абсолютное, а относительное равенство; именно в этом качестве оно получало законодательное закрепление путем провозглашения равенства только свободных граждан-мужчин (так называемое аристократическое рабовладельческое равенство) либо равенства представителей отдельных сословий, социально-классовых, партийно-государственных бюрократических групп (разновидности сословно-иерархического, классово-политического и иных форм проявления относительного равенства) [2].

В этот период общепризнанным было положение о том, что для неравных в социальном отношении равный правовой масштаб неприменим: равное стало бы неравным, если бы не соблюдалась надлежащая мера [3]. Поэтому неравенство социального положения влечет неравенство и в правовой жизни, что исключает, естественно, какие бы то ни было формы проявления демократии и самоуправления населения. Человечество должно было пройти сложную эволюцию длиной в тысячелетия, прежде чем из первоначального представления об относительном равенстве был сделан вывод о равноправии в государстве и обществе.

Впервые идея всеобщего равноправия и упразднения сословных привилегий получает теоретическое обоснование у идеологов буржуазно-демократических революций и в последующем находит практическое, а именно формально-юридическое закрепление в качестве важнейшего принципа нового (буржуазного) конституционного строя. Именно с констатации «той самоочевидной истины, что все люди созданы равными», начиналась и Декларация независимости США 1776 г., открывшая эпоху современного конституционализма.

Далее принцип равенства граждан, их прав и свобод стал одним из основных лозунгов первых демократических революций. Французская декларация прав человека и гражданина 1789 г. закрепила положение о том, что люди рождаются свободными и равными в правах. Эти нормы были направлены против дискриминации и сословных

привилегий. Затрагивающий сначала интересы граждан конкретного государства в дальнейшем данный принцип стал распространяться на человека как такового. В 1948 г. Всеобщая декларация прав человека [4] провозгласила равенство всех людей в их достоинстве и правах (ст. 1). Аналогичные формулировки содержатся и в других базовых международно-правовых документах.

В большинстве конституций современных цивилизованных государств положение ст. 1 Всеобщей декларации либо непосредственно включено без изменений, либо подразумевается или содержится в несколько модифицированной редакции. Например, в ст. 12 Конституции Словацкой Республики, ст. 1 Хартии основных прав и свобод Чешской Республики, ст. 6 Конституции Болгарии буквально процитировано положение Всеобщей декларации о том, что люди являются свободными и равными в своем достоинстве и в правах [5].

Выдающуюся роль в формировании современных конституционных идей равноправия сыграла естественно-правовая теория. Ее представителями были обоснованы два основополагающих начала, составившие в последующем основные конституционные принципы режима равноправия граждан, равно, как и требований народного самоуправления. Это, во-первых, суверенность народа как источника всей полноты власти в правовом государстве и, во-вторых, признание естественных прав человека как общесоциальной категории, отражающей объективно необходимые каждому человеку как биосоциальному существу возможности пользоваться элементарными благами. Именно народный суверенитет и естественные права человека обеспечивают, как отмечал в свое время основоположник буржуазного эгалитаризма Ж.-Ж. Руссо, такую форму общественного устройства, которая, не разрывая сложившихся уз общения, гарантирует свободу и равенство всех членов общества. С установлением верховенства народа-суверена все граждане одинаково подчинены его власти, но вместе с тем они и одинаково господствуют, обладают равными правами участвовать в осуществлении этой власти.

Поэтому суверенная власть народа, не ущемляя естественных прав человека, способна обеспечить полное равноправие граждан [6]. Соответствующие идеи естественного равенства граждан сохраняют свою актуальность и сегодня. Фактическое отношение к ним, уровень воплощения этих идей на законодательном уровне и в правоприменительной практике являются, пожалуй, наиболее яркими показателями реального демократизма того или иного общества и государства. Не случайно Всеобщая декларация прав человека в первой же статье торжественно провозглашает равенство и свободу человека.

Вместе с тем общедемократические идеи равенства и справедливости получают конкретное юридическое наполнение в конституциях и правовых системах государств по-разному и, как правило, в условиях острых социальных противоречий и конфликтов.

Принцип равенства, в соответствии с которым все члены общества должны быть поставлены в одинаковые условия, всегда был и остается одним из важнейших идеалов справедливого общественного устройства.

Понятие равенства стало все глубже проникать в общественное сознание, и в настоящее время можно без преувеличения утверждать, что государство признается демократическим и является таковым только при условии, что оно признает принцип равенства в отношениях между людьми и между народами и прилагает необходимые усилия для осуществления его на практике [7]. Так, В.А. Четвернин исходит из того, что правовое равенство всегда есть чистое равенство людей перед единой для всех нормой, никак не откорректированное с учетом их социальных и биологических различий [8].

Принцип равенства (равноправия) означает требование одинаковой меры правовой свободы для всех людей независимо от их общественного положения и условий жизни. Заметим, что многие исследователи стремятся разделять принцип равноправия и равенства, хотя эти оба понятия идентичны. Нередко в таких случаях имеет место терминологическая путаница, которая может негативно повлиять на содержание понимания идеи и сущности реализации данного принципа.

Рассматриваемый принцип включает в себя несколько аспектов - юридическое, социальное и политическое равенство.

Юридическое равноправие означает, что субъекты обладают одинаковым набором прав, свобод и обязанностей. В данном аспекте речь идет именно о правовом, а не о фактическом равенстве людей, достигнуть которого невозможно.

Также режим равноправия - это категория социально-правовая, которая адекватно выражается не только на уровне правовых явлений, но прежде всего в реально существующих и получающих последующее правовое закрепление фактических общественных отношениях. Достигнутый «итог» заключается в фиксации в рамках социальных отношений объективно достигнутой степени равенства и справедливости, реального положения граждан в обществе во всем многообразии его проявления. В таком понимании социальных отношений категория социального равенства предстает как проявление социального аспекта режима равноправия и имеет уже не распределительный характер, а предстает как ценностная величина, отнесенная ко всей совокупности экономических, социально-культурных, политических отношений, включая их правовую форму, и ко всем возможным уровням социального положения личности.

Политическое равенство означает равенство людей независимо от их государственной принадлежности – гражданства, поскольку многие права и свободы гарантируются любой личности, что отражается формулой «все равны перед законом и судом», а также словами «каждый имеет право», «каждому гарантируется». Данный элемент принципа равенства закреплен, в частности, в ст. 21 Хартии основных прав Европейского союза 2007 г.[9]

Можно также констатировать, что понятие равноправия, особенно равноправия, относящегося к человеку, имеет тенденцию к расширению и охватывает все более широкие сферы как в нашей стране, в которой возрастает значение правовых норм, направленных на оказание помощи тем слоям населения, которые в силу объективных обстоятельств нуждаются в дополнении формального равноправия равенством фактическим, так и в международной практике.

***

1. Зенин С.С. Динамизм конституционного принципа народовластия в Российской Федерации: теоретический аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 11. С. 4.
2. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011. С. 489.
3. Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979. С. 157, 209.
4. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948// Российская газета. 05.04.1995. № 67.
5. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. М.: Юстицинформ, 2011. С. 112.
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938. С. 25 - 37.
7. Крылов Б.С. Проблемы равноправия и равенства в российском конституционном праве // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 43.
8. Четвернин В.А. Лекции по теории права. Вып. 4. М., 2010. С. 48.
9. Хартия Европейского Союза об основных правах (2007/С 303/01) [рус., англ.]. (Вместе с "Разъяснениями..." (2007/С 303/02)): принята в г. Страсбурге 12.12.2007 // СПС Консультант Плюс. 2015.

Лузан Д.К., Хохлова Д.Р.

Представитель как участник арбитражного процесса

*Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-164

idsp: ljjournal-01-2021-164

Аннотация

В Российской Федерации существует определенный правовой механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в суде. Право на судебную защиту – это одно из конституционных прав человека, являющееся немаловажной предпосылкой защиты и гарантии других прав человека. В Конституции Российской Федерации в статье 18 закреплено положение, определяющее, что права и свободы граждан обеспечиваются правосудием, а статья 46 определяет, что каждому человеку гарантируется судебная защита его прав и соответственно свобод. Осуществление предусмотренных основным законом принцип предполагает наличие такой фигуры в процессе, как представитель. В настоящей статье отражен анализ правового статуса представителя как участника арбитражного процесса, а также требования, устанавливаемые законодателем в отношении такого лица.

Ключевые слова: судебная защита, доверитель, представитель, арбитражный суд, объем полномочий представителя

Abstract

In the Russian Federation, there is a certain legal mechanism for protecting human and civil rights and freedoms in court. The right to judicial protection is one of the constitutional human rights, which is an important prerequisite for the protection and guarantee of other human rights. Article 18 of the Constitution of the Russian Federation stipulates that the rights and freedoms of citizens are guaranteed by justice, while article 46 stipulates that everyone is guaranteed judicial protection of their rights and freedoms. The implementation of the principles provided for by the basic law presupposes the presence of such a figure in the process as a representative. This article reflects the analysis of the legal status of a representative as a participant in the arbitration process, as well as the requirements established by the legislator in relation to such a person.

Keywords: judicial protection, principal, representative, arbitration court, scope of the representative's powers

Институт представительства в арбитражном процессе выступает неотъемлемой частью реализации основополагающих принципов арбитражного судопроизводства, где представитель – гарант защиты прав и законных интересов лиц, участвующих в деле. Данная правовая категория отражена в главе 6 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

В правовой доктрине некоторые авторы подразумевают под представительством помощь в наиболее благоприятном осуществлении прав. Такого мнения придерживается и Е. В. Салогубова, которая в качестве института представительства подразумевала деятельность лица-представителя от имени представляемого, направленную на надлежащую реализацию прав и законных интересов доверителя в арбитражном процессе с целью получения наиболее благоприятного исхода рассмотрения дела. Тем самым представитель предотвращает нарушение прав и законных интересов представляемого, а вместе с тем, оказывает содействие суду для полного и всестороннего рассмотрения и разрешения дела [1].

В теории права существует также институт гражданско-правового представительства, с которым процессуальное представительство имеет ряд схожих

признаков, а потому, считаем необходимым провести четкую дифференциацию между указанными институтами. В первую очередь между отраслями различаются цели и характер возникающих отношений между представителем и доверителем. Так, гражданский закон устанавливает в качестве цели представительства возможность создания, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей от имени представляемого, в то время как АПК РФ предусматривает защиту в арбитражном суде прав и законных интересов представляемого с целью благоприятного рассмотрения и разрешения дела.

Законодатель не закрепил представителя в качестве лица, участвующего в деле, однако данный факт не выступает препятствием для реализации им своих правомочий. Поскольку представитель выступает в процессе в защиту не собственных прав, а другого лица-доверителя, то в таком соображении и предусматривается фундаментальная задача участия представителя в арбитражном процессе. На основании указанного, считаем необходимым установить следующее определение дефиниции «представительство» – это осуществление одним лицом в пользу другого процессуальных прав и обязанностей с целью защиты нарушенных или оспариваемых прав. Тем самым можно отметить, что представитель реализует делегированные доверителем правомочия только в тех пределах, в которых закон определяет самостоятельно.

Согласно части 1 статьи 59 АПК РФ граждане обладают возможностью выбора: распорядиться своим правом в пользу представителя или нет, при этом, такая диспозитивная норма не лишает граждан иметь представителей.

В теории юриспруденции приводятся различные классификации видов представительства в арбитражном процессе. Одной из наиболее распространенных является классификация, в основе которой лежит момент возникновения представительства в арбитражном процессе. Исходя из этого, представительство различают законное и договорное. Первое основывается на прямом указании закона. Например, согласно части 2 статьи 59 АПК РФ, права и законные интересы недееспособных граждан защищают в арбитражном процессе их законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители. Договорное же представительство возникает только на основании соглашения сторон. Такой вид представительства наиболее часто осуществляется гражданами в должности юриста, или адвокатами, которые получили этот статус в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2]. Однако в данном случае законодатель предусмотрел обязательное условие для такого участия: наличие высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности. Данному виду представительства – договорному – посвящена часть 3 статьи 59 АПК РФ. Также следует обозначить, что договорное представительство получило название "профессиональное представительство" - такое понятие введено Федеральным законом от 28.11.2018 N 451-ФЗ [3].

Исходя из положений статьи 59 АПК РФ, которая раскрывает понятие процессуального представительства, представителем в арбитражном суде может быть лицо, являющееся дееспособным, а также с оформленными надлежащим образом и подтвержденными полномочиями на ведение дела. Исключением в данном случае являются лица, указанные в статье 60 АПК РФ, к которым относятся: судьи, арбитражные заседатели, следователи, прокуроры, помощники судей и работники аппарата суда. Но следует учитывать, что это не распространяется на случаи, если указанные лица выступают в арбитражном суде в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей. Также одним из исключений являются лица, не обладающие полной дееспособностью либо состоящие под опекой или попечительством.

По нашему мнению, необходимо наиболее подробно рассмотреть вопрос относительно требований, предъявляемых к представителю. Обратимся к статье 21 Гражданского кодекса РФ, в которой раскрывается понятие дееспособности. Таким образом, полная дееспособность возникает с момента достижения совершеннолетия, т.е. с 18-летнего возраста. Конечно, в гражданском и семейном законодательстве предусмотрены исключения, когда полная дееспособность может возникнуть ранее наступления совершеннолетия: например, объявление несовершеннолетнего эмансипированным.

Следующее требование гласит о том, представителем может быть лицо, которое не указано в статье 60 АПК РФ. Эти исключения были упомянуты и подробно рассмотрены ранее. Заключительное требование, предъявляемое к представителю, состоит в том, что полномочия лица должны быть надлежащим образом оформлены и подтверждены. Порядок оформления и подтверждения полномочий представителя предусмотрены в статье 61 АПК РФ. Перечисленные требования, которым должен соответствовать представитель в арбитражном суде, должны быть надлежащим образом исполнены. Отсутствие хотя бы одного из названных требований говорит о том, что лицо не может выступать в качестве представителя в арбитражном суде. Также следует учитывать, что приведенные в части 6 статьи 59 АПК РФ требования не относятся к законному представителю.

Итак, на основании положений АПК РФ можно привести перечень лиц, имеющих право быть представителем в арбитражном процессе. Во-первых, это законные представители. Во-вторых, это лица, предоставляющие профессиональную юридическую помощь (юристы) и адвокаты [4]. В-третьих, представителями могут быть иные лица, участие которых предусмотрено АПК РФ и иными нормативными актами. Юридическая помощь может быть оказана работниками юридических служб юридических лиц, работниками органов государственной власти и органов местного самоуправления, участниками и работниками организаций, оказывающих юридические услуги, а также индивидуальными предпринимателями, нотариусами, патентными поверенными либо другими лицами, которые законом специально уполномочены на ведение своей профессиональной деятельности. В-четвертых, имеют право быть представителями органы юридических лиц, но только в отношении дел этих юридических лиц, а также участники ликвидационной комиссии, в том случае, если организация находится в процессе ликвидации.

В соответствии с пунктами 2 - 4 части 5 статьи 10 ФЗ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» высшим образованием в РФ являются бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации [5]. То есть, можно сделать вывод о том, что для участия в качестве представителя в арбитражном процессе, лицу необходимо иметь одну из указанных степеней.

Для того, чтобы с точностью определить представителя как участника арбитражного процесса, необходимо обозначить, в первую очередь, его полномочия. В связи с тем, что представителями совершаются определенные процессуальные действия от имени представляемых ими лиц, а также по их поручению, то исходя из этого, объем его полномочий определяется процессуальным положением доверителя. Помимо прочего, объем полномочий представителя определяется и тем, какие именно из имеющихся у доверителя полномочий ему были переданы. Следовательно, представитель самовольно не может определять предел разрешенных и запрещенных действий.

Статья 62 АПК РФ содержит положения, определяющие полномочия представителя. Представитель вправе совершать от имени представляемого им лица все необходимые процессуальные действия, за исключением тех действий, которые указаны во 2 части этой же статьи, но только в том случае, если другое не предусмотрено в доверенности или каком-либо ином документе. Часть 2 содержит

положение о том, что в доверенности, выданной представляемым лицом, или другом документе должно быть специально оговорено право представителя на подписание искового заявления и отзыва на исковое заявление, заявления об обеспечении иска, передачу дела в третейский суд, полный или частичный отказ от исковых требований и признание иска, и другие перечисленные в указанной норме.

На основании вышеизложенного, считаем необходимым определить общие черты, характеризующие представителя как лицо, участвующее в деле: во-первых, он выступает от имени и в интересах своего представляемого; во-вторых, представитель осуществляет права и обязанности представляемого, а не свои собственные; в-третьих, он своими действиями порождает определенные правовые последствия для доверителя; в-четвертых, представитель действует в рамках предоставленных ему полномочий.

Резюмируя, подведем итог: институт представительства в арбитражном процессе позволяет развивать принципы приоритета судебной защиты прав и равенства всех перед законом, также представительство позволяет подтвердить полноценную реализацию гарантии права граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Указанное позволяет сказать об эффективности действия института представительства в российском арбитражном процессе.

***

1. Арбитражный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. – 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.К. Треушникова. – М.: Городец, 2016. – С. 154–155.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
4. Гринь Е.А., Батлукова А.Д. Адвокатская этика – основа деятельности адвоката // В сборнике: Поколение будущего. сборник избранных статей Международной студенческой научной конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 97-99.
5. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ с изм. и доп. от 01.09.2020 г. // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

Чеботарева И.Ю., Удычак Ф.Н.

Правовые ограничения государственной власти

*Адыгейский государственный университет
(Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-165

idsp: ljjournal-01-2021-165

Аннотация

Власть не знает собственных границ, поэтому она всегда стремится к неограниченному расширению властного пространства. Тем не менее наиболее последовательное связывание с помощью права государственной власти можно осуществить с использованием определенных способов и средств. Исследуя различные формы политико-правовых ограничений в российской правовой системе, следует сделать вывод о необходимости их комплексного использования через формирование правового режима ограничения государственной власти.

Ключевые слова: государственная власть, правовые ограничения власти, злоупотребления политической властью, разделение властей, правоограничивающие средства.

Abstract

Power does not know its own boundaries, so it always strives for unlimited expansion of the power space. Nevertheless, the most consistent linking with the help of the law of state

power can be carried out using certain methods and means. Investigating various forms of political and legal restrictions in the Russian legal system, it should be concluded that it is necessary to use them comprehensively through the formation of a legal regime for restricting state power.

Keywords: state power, legal restrictions on power, abuse of political power, separation of powers, law-limiting means.

Государственная власть способна не только на позитивные действия, создающие благоприятные условия для развития общества, но и на различные злоупотребления, негативные действия. В связи с этим ограничение власти в настоящее время приобретает огромную значимость, выступая в качестве реального способа повышения эффективности реализации властных полномочий [1].

Движение к демократическому, правовому, социальному государству актуализирует проблему так называемой «связанности» государства правом, установления пределов и ограничений государственной власти с целью утверждения гуманистических идей о человеке, его правах и свободах.

Правовое ограничение есть правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц [2]. Правовые ограничения могут выражаться в запретах, приостановлениях, обязанностях, мерах наказания и т.д.

Ограничения используются в области социального управления вместе с возникновением самого управления. Особенно это касается власти. Всякую власть, и прежде всего государственную, необходимо упорядочивать, организовывать. Дело в том, что власть не знает собственных границ, всегда стремится к неограниченному расширению властного пространства, что ведет, как правило, к ущемлению интересов личности.

Противопоставить такой тенденции государственной власти к неограниченному расширению может право. С момента своего возникновения право, таким образом, выступает не только инструментом воздействия на общественные отношения, но и средством обеспечения нормального функционирования государственной власти. Для того чтобы упорядочить социальные отношения с помощью права, государство должно было конституировать себя законодательным путем [3].

Право, бесспорно, как инструмент социального управления может и должно воздействовать на властеотношения, может и должно их упорядочивать в интересах всего гражданского общества.

Прообраз идеи правового государства возник, по сути дела, как противоядие от злоупотреблений политической властью, как реакция на произвол, деспотизм, тиранию. Именно в связывании, ограничении правом государства и заключается сущность правового государства. Право здесь выступает как антипод произвола и как барьер на его пути. Ведь поскольку политическая власть (особенно и главным образом власть исполнительная) имеет склонность к вырождению в различные злоупотребления, для нее необходимы надежные правовые рамки, ограничивающие и сдерживающие подобные склонности, возводящие заслон ее необоснованному и незаконному превышению, попранию прав человека. Правовые ограничения необходимы именно для того, чтобы недостатки властной личности не превратились в пороки государственной власти. Вот почему можно сказать, что правом ограничиваются не собственно управляющие воздействия со стороны государственных структур на личность, а лишь препятствия, вредные, возмущающие факторы, необоснованные и противоправные ущемления интересов граждан.

Между тем в современной России данные идеи пока воплощаются с большим скрипом, высказывается даже справедливое мнение о том, что в сложившихся реалиях у нас в стране складывается кризис конституционализма, который состоит в отсутствии одного из главных его признаков - «наличия действенных норм и процедур, ограничивающих власть» [4].

Наиболее последовательное связывание с помощью права государственной власти можно осуществить с использованием следующих способов и средств.

1. Ограничивать государственную власть (хотя и косвенно) призваны прежде всего сами права и свободы человека и гражданина. Права личности, предоставляя определенные возможности, свободу, позволяют ей реализовать свою власть, составляют в своей основе, собственно, главную часть права вообще. Поэтому следует согласиться с Э.Ю. Соловьевым в том, что «правового регулирования в строгом смысле слова («права по понятию») просто нет там, где отсутствуют права человека...»[5].

Нужно понять, что государство само себя никогда не ограничит (какое бы оно ни было), что ограничить власть может только другая власть. То есть власть государства можно ограничить правами человека и гражданина, которые выступают своеобразным проявлением власти личности, волей гражданского общества, составляют главную часть права вообще.

Только осознание необходимости инициативного поведения в правовой сфере, повышения юридической и политической культуры сможет стать настоящей гарантией приоритета прав человека и гражданина как высшей ценности над правами государства.

Именно права человека и гражданина положены в основу системы сдержек и противовесов, правового режима ограничения для государства.

Необходимо не только закреплять широкий спектр способов защиты прав человека, формировать обширный круг правозащитных органов и общественных объединений, но и информировать население о таких способах. Государство должно взять на себя обязанность заботиться о правовом просвещении народа, о повышении уровня информированности всех категорий лиц, чьи права и законные интересы нарушаются или могут быть нарушены. В этих целях в Российской Федерации на современном этапе разрабатывается и внедряется система электронного правительства, разрабатываются регламенты предоставления государственных и муниципальных услуг, совершенствуется система мер ответственности за неправомерные действия должностных лиц.

2. Среди правоограничивающих мер особое место занимает проблема разделения властей. Ее главное требование, выдвинутое Д. Локком и Ш. Монтескье в период борьбы буржуазии с феодализмом, заключалось в том, что для утверждения политической свободы, обеспечения законности и устранения злоупотреблений властью со стороны какой-либо социальной группы, учреждения или отдельного лица необходимо разделить государственную власть на законодательную, исполнительную и судебную. Причем каждая из этих властей, являясь самостоятельной и сдерживающей друг друга, должна осуществлять свои функции посредством особой системы органов и в специфических формах. Механизм правового ограничения в отношении государства получил практическое воплощение в развитых странах в конституционно-правовой и государственно-политической системе сдержек и противовесов, создавая правовые лимиты произволу.

«Конституция, - подчеркивает А. Шайо, - предназначена для того, чтобы государство и живущие в нем люди ограничивали себя для взаимной пользы. Сама по себе она представляет собой пустые слова или привычку, которой можно пренебречь. Может ли конституция дать защиту, быть барьером, если в нее не верят, если сильнейший заинтересован в том, чтобы перешагнуть через него? Как бы ни была

важна, даже необходима вера в конституцию, конституционализм как противоположность произволу нуждается в институциональных гарантиях. Это достигается такой организацией ветвей власти, в которой они ограничивают друг друга»[6].

Система сдержек и противовесов, установленная в Конституции РФ, законах, представляет собой совокупность правовых ограничений (запретов, обязанностей, наказаний и т.п.) в отношении конкретной государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной. Так, применительно к законодательной власти используется довольно жесткая юридическая процедура законотворческого процесса, которая регламентирует основные его стадии, порядок осуществления. В системе противовесов важную роль призван играть Президент РФ, который имеет право применить отлагательное вето при поспешных решениях законодателя. Деятельность Конституционного Суда РФ также можно рассматривать в качестве правосдерживающей, ибо он имеет право блокировать все антиконституционные акты. Законодатель в своих действиях ограничивается и другими средствами, установленными в Конституции Российской Федерации и в других нормативных актах.

В отношении исполнительной власти используются ограничения ведомственного нормотворчества и делегированного законодательства, запреты на принятие ею ведомственных актов, затрагивающие такие отношения, которые должны быть урегулированы только законом. Сюда же можно отнести установленные в законе определенные сроки президентской власти, импичмент, вотум недоверия правительству, запрет ответственным работникам исполнительных органов избираться в состав законодательных органов и т.п.

Для судебной власти тоже есть свои правоограничивающие средства, выражающиеся в Конституции РФ, процессуальном законодательстве, в его гарантиях, принципах: презумпции невиновности, праве на защиту, равенстве граждан перед законом и судом, гласности и состязательности процесса, отводе судьи и т.д.

Кроме всего прочего, важно более четко зафиксировать правоограничения, которые запрещают осуществлять функции, принадлежащие по закону другому органу. Деятельность государственных структур должна ограничиваться их компетенцией, которая основывается на принципе «Дозволено только то, что прямо разрешено законом».

3 Федерализм тоже может внести свой вклад в дело ограничения государственной власти. Как своеобразное государственное устройство «федерация дополняет горизонтальное разделение власти еще и разделением ее по вертикали и тем самым становится средством ограничения государственной власти, системой сдержек и противовесов» [7]. Это создает своего рода «двойную безопасность» для прав человека и гражданина. При реально действующих федеративных отношениях различные государственные структуры и ветви власти будут контролировать друг друга, уменьшать вероятность злоупотреблений и произвола в отношении личности.

Федерализм призван стать эффективным элементом в системе ограничения государственной власти при условии разграничения полномочий и предметов ведения федерации и ее субъектов, четкого определения мер федерального вмешательства в дела субъектов, определения видов ответственности за неправомерные действия органов государственной власти всех уровней. Для оптимизации федеративного устройства России целесообразно провести укрупнение субъектов, но оно должно осуществляться в жестких правовых рамках на основе четко продуманной государственной концепции укрупнения субъектов РФ. Вектором развития современной России выступает децентрализация государственной власти, связанная с расширением полномочий субъектов РФ и усилением их ответственности.

Представляется даже возможным внесение в Конституцию 1993 г. дополнений и изменений, которые призваны закрепить механизмы поддержания единства правового

пространства страны. При этом нужно предусмотреть гарантии для субъектов Федерации от установления диктатуры федеральных органов по отношению к ним.

4. Еще один способ ограничения политической власти - верховенство закона и его господство в общественной жизни. В правовом государстве закон, принятый верховным органом государственной власти при строгом соблюдении всех конституционных процедур, не может быть отменен, изменен или приостановлен актами исполнительной власти. Закон принимается депутатами, которые являются представителями всего народа и которые выражают соответственно общественные интересы, в отличие от инструкций и приказов, принимающихся министерствами, агентствами и ведомствами в своих узкоотраслевых или даже корпоративных интересах. Поэтому при расхождении ведомственных распоряжений с законом должен действовать последний как обладающий высшей юридической силой.

Система механизмов обеспечения верховенства закона в Российской Федерации требует совершенствования и должна быть заложена как в Конституции РФ, так и в законе «О правовых актах Российской Федерации». При этом сам закон нужно формулировать таким образом, чтобы он выражал социальные интересы народа и действительно регулировал основные сферы общественной жизни. Следует четче определить систему правовых актов, отразив их иерархию; предусмотреть форму, процедуру разработки и принятия различных видов правовых актов; установить запрет для органов государственной власти выходить за рамки своих правотворческих полномочий. Именно в положениях Конституции Российской Федерации должна быть установлена такая система правовых актов с однозначным разрешением вопроса о соотношении норм федеральных конституционных законов и международных договоров РФ. Целесообразно также предусмотреть гарантии от чрезмерного «указного» правотворчества, когда на уровне подзаконных актов закрепляются нормы, которые должны находиться в законах.

5. Современное Российское государство нуждается в разработке и закреплении концепций правовой политики в отдельных сферах жизнедеятельности личности, в том числе в сфере ограничения государственной власти. Взаимная ответственность государства и личности тоже может внести свой вклад в дело ограничения политической власти. В условиях правового государства личность и властвующий субъект (как представитель государства) должны выступать в качестве равноправных партнеров, заключивших своеобразное соглашение о сотрудничестве и ответственности.

В системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина важнейшее место должны занимать меры юридической ответственности в отношении органов публичной власти и должностных лиц. Необходимо установить реальную ответственность как для высших органов государственной власти и соответствующих должностных лиц (начиная с полноценных импичмента для президента, вотума недоверия правительству и т.д.), так и для всего остального «служивого люда» [8].

Причем «задачи ограничения государственной бюрократии можно решать разными путями, с помощью разных приемов юридической техники. Где-то достаточно провозгласить права граждан, из которых будут вытекать обязанности государства и его должностных лиц, а где-то следует закрепить в статье конституционного акта прямой запрет должностным лицам на какие-то действия, да еще и конкретизировать его.

Все названные и некоторые иные правовые ограничения призваны создавать систему сдержек для бюрократии от возможных ее злоупотреблений. Здесь важно также иметь в виду, чтобы выстраивание системы правовых ограничений для государственной власти, с одной стороны, направляло энергию государства на общественные дела, а с другой - не превращалось в препятствие для эффективного управления, не мешало полезной деятельности власти.

Всем этим обосновывается потребность ограничения государственной власти, заключения ее в надежные правовые рамки. Исследуя различные формы политико-правовых ограничений в российской правовой системе, следует сделать вывод о необходимости их комплексного использования через формирование правового режима ограничения государственной власти.

***

1. Саломатин А.Ю. К вопросу о системе правовых ограничений государственной власти в современной России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1. С. 265.
2. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 166.
3. Воротилин Е.А. Идеи правового государства в истории политической мысли // Политология. Курс лекций. М., 1993. С. 33 - 34.
4. Добрынин Н.М. Деконституционализация - ожидаемое или норма жизни? // Государство и право. 2010. № 5. С. 12.
5. Право, свобода, демократия // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 6.
6. Шайо А. Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма. М., 2011. С. 77.
7. Федерализм и демократия // Государство и право. 1992. № 4. С. 143.
8. Малько А.В. Конституционная политика как особая разновидность правовой политики // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 2.

Чимаров Н.С.

Правовые основы организации парламентского контроля в странах «Восточного партнерства»

*Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-166

idsp: ljjournal-01-2021-166

Аннотация

В статье представлен анализ основных направлений парламентского контроля в шести отдельных государствах, образованных на территории постсоветского пространства и укрепляющих свое парламентское взаимодействие с рядом европейских институций. Акцентируя внимание на роли органов представительной демократии в реализации принципиальных установлений для торжества демократии, автор в своих оценках миссии парламентского контроля исходит из примата действия принципа верховенства права, реализуемого в духе законности и надлежащей правовой процедуры.

Ключевые слова: верховенство права, демократия, конституционализм, парламент, парламентаризм, парламентский контроль, интеграционный институт.

Abstract

The article presents an analysis of the main directions of parliamentary control in six separate states formed on the territory of the post-Soviet space and strengthening their parliamentary interaction with a number of European institutions. Focusing on the role of representative democracy bodies in the implementation of fundamental principles for the triumph of democracy, the author, in his assessments of the mission of parliamentary control, proceeds from the primacy of the rule of law, implemented in the spirit of legality and due process.

Keywords: rule of law, democracy, constitutionalism, parliament, parliamentarism, parliamentary control, integration institution.

Многогранность и всеобъемлющий характер парламентской деятельности определяют необходимость обращения к опыту работы парламентов как отдельных стран, так и различного рода интеграционных институтов парламентского

характера. В этой связи несомненный интерес вызывают отдельные стороны проявления парламентаризма на территории постсоветского пространства. Примером предметного изучения указанного вопроса может служить функционирование Восточного партнерства (далее – «ВП»), представляющего собой восточное измерение Европейской политики соседства. Следует заметить, что Восточное партнерство было учреждено в марте 2009 г. как совместная инициатива: ЕС; стран-членов ЕС и шести восточноевропейских и закавказских стран-партнеров - Республики Азербайджан, Республики Армения, Республики Беларусь, Грузии, Республики Молдова и Украины. Придерживаясь своей главной цели по укреплению политической ассоциации и экономической интеграции между ЕС и отмеченными странами-партнерами, «ВП» продекларировало целесообразность своей работы по укреплению демократических институтов и надлежащему управлению в интересах обеспечения устойчивости к внешним изменениям.

Уточняя общий вектор движения «ВП» в сторону упрочения демократии, Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) ссылается на свою резолюцию № 1812 (2011) «Влияние Восточного партнерства Европейского союза на качество управления и экономическое развитие в Восточной Европе», соответствующую рекомендацию № 1971 (2011) и подчеркивает, что пять из шести стран-партнеров являются полноправными членами Совета Европы и как таковые связаны общими обязанностями и конкретными обязательствами в отношении основополагающих принципов демократии, соблюдения прав человека и верховенства права, взятыми при вступлении в Совет Европы [3].

В целях координации работы парламентов указанных шести стран Восточного соседства 3 мая 2011 г. членами, представляющими Европейский парламент парламенты Восточноевропейских партнеров, была учреждена Ассамблея парламентского соседства ЕС и Восточных партнеров - Парламентская ассамблея EURONEST. Согласно ст. 1 Учредительного Акта, Парламентская ассамблея EURONEST основана на взаимных интересах и обязательствах, а также на принципах дифференциации, долевой собственности и ответственности [4]. Закрепляя понятие членства каждого национального парламента государств-участников «ВП» (Национальная ассамблея Республики Армения, Милли Меджлис Республики Азербайджан, Парламент Грузии, Парламент Республики Молдова, Верховная Рада Украины), ст. 3 Учредительного Акта закрепляет следующие основания членства:

а) быть частью конституционной системы одной из стран - участниц «ВП»;
б) быть избранным в соответствии с обязательствами ОБСЕ и прочими международными принципами демократических выборов;

в) взять на себя обязательства по защите и поддержке прав человека, фундаментальных свобод, плюралистической демократии и принципа господства права. Представляется, что отмеченные параметры членства составляют квинтэссенцию парламентского контроля как в национальных пределах каждого из отмеченных шести государств, так и в масштабе всей системы «ВП». Контрольная функция Парламентской ассамблеи EURONEST зафиксирована в ее первом (из семи) полномочии: «позиционировать себя как форум для парламентских дебатов, контроля и рассмотрения всех вопросов, относящихся к Восточному партнерству, а также как парламентский институт такого Партнерства» [4].

Сущностные основы парламентского контроля «по линии» Парламентской ассамблеи EURONEST отражены в ее Резолюции от 9 декабря 2019 г. № AP102.659v03-00. В соответствии с п. «А» преамбулы данной Резолюции и согласно принципу верховенства права, эффективный парламентский контроль является столпом хорошо функционирующей демократии и играет важнейшую роль в демократическом управлении путем содействия повышению качества политики, программ и практик исполнительной власти и придания большей легитимности этой политике [2, с. 3]. При

этом, полномочия по парламентскому контролю направлены на охват всей политики и политических действий правительства, его органов и не должны ограничиваться реализацией законов и бюджета исполнительной властью государств-участников «ВП» (бюджетного контроля) (п. «D» Резолюции). Исходя «из буквы и духа» указанной Резолюции № AP102.659v03-00, независимый, неограниченный и хорошо функционирующий парламент, который обладает всеми своими полномочиями по конституции, в том числе свободой осуществления реального контроля над правительством и его органами, становится главным институтом с целью укрепления принципа верховенства права, включая эффективную борьбу с коррупцией. Непременным условием эффективности парламентского контроля выступают оценки, расследования и наблюдения за государственными учреждениями и их действиями организаций гражданского общества, СМИ и правозащитных учреждений.

В соответствии с отмеченной Резолюцией № AP102.659v03-00, в круг решаемых проблем при выполнении контрольных полномочий парламента в государствах-участниках «ВП» включены:

1. Улучшение ситуации с представительством женщин в парламенте государств-членов ЕС и стран «ВП»;
2. Поддержка и дальнейшее развитие политических систем, способствующих продвижению процесса постоянной коммуникации между правительством и парламентом и готовности правительства быть подотчетным парламенту;
3. Укрепление парламентского контроля в странах «ВП» посредством улучшения координации и сотрудничества между государственными ведомствами, парламентом и организациями гражданского общества, с предложением специального модуля обучения для сотрудников парламентов, или путем поддержания административных реформ;
4. Укрепление механизмов отчетности для систематического диалога между ветвями исполнительной власти и парламентом;
5. Обеспечение синхронизации между функциями всей парламентской инфраструктуры и ежедневными потребностями, и ожиданиями депутатов парламента, которые должны служить гарантом полноценного надлежащего законодательного и репрезентативного контроля;
6. Сопряжение повышения качества парламентского контроля в стране с обеспечением влияния на качество демократии суть ориентации государственных служб на граждан как важной предпосылки надлежащего функционирования государственного управления и социально-экономического развития стран «ВП»;
7. Учет и преодоление сложностей относительно масштаба и эффективности парламентского контроля в странах с сильной президентской властью (Азербайджан и Беларусь), где президенты обладают очень широкими полномочиями по сравнению с парламентом и правительством;
8. Постепенное внесение процедурных изменений, позволяющих проведение расширенных дебатов о содержании и деталях проводимых последовательных конституциональных и административных реформ с оппозицией и другими заинтересованными субъектами с целью укрепления надзорной роли главного законодательного органа;
9. Осуществление парламентского контроля за продвижением реформы избирательного законодательства с созданием равных возможностей для представительства всех этнических меньшинств и прекращением

практики избирательной географии или «джерримендеринга» (от англ. «Gerrymandering»).

10. Обеспечение прозрачности расследования каждого известного случая коррупции внутри парламента и других госучреждений;
11. Признание особой роли оппозиции в осуществлении парламентского контроля и недопущение любых попыток ограничения оппозиции в ее функциях надзорного контроля, с обеспечением законодательно гарантированных прав для тех, кто не принадлежит к коалиции или большинству;
12. Укрепление свободы выражения мысли, независимости СМИ и академической сферы как главного приоритета для лучшего парламентского контроля;
13. Усиление контроля над сектором безопасности как сферы особого внимания парламентского надзора [2, с. 4-9].

Признавая несомненную ценность зафиксированного в Резолюции Парламентской ассамблеи EURONEST проблемного поля для области парламентского контроля следует обратить внимание на то обстоятельство, что существующее различие форм и конструкций государственного правления и конституционных установлений в каждой стране во многом предопределяется характером конкретной политической системы общества, величиной территории государства, условиями его сосуществования с окружающим миром, фактором религиозности населения, национальными традициями и др. [1, с. 124].

Резюмируя изложенное, представляется необходимым заметить следующее: *во-первых*, условием дальнейшего развития парламентаризма в государствах-участниках «ВП» выступает наиболее полное соблюдение основных принципов демократии (суверенитет народа, управление большинством с учетом интересов меньшинства, реальное представительство народа, политический и идеологический плюрализм); *во-вторых*, предложенная для парламентского контроля в государствах-участниках «ВП» тематическая платформа, неотъемлемыми компонентами которой являются фундаментальные ценности, включая демократию, верховенство права, уважение к правам человека и его фундаментальным свободам, а также вопросы относительно рыночной экономики, стабильного развития и надлежащего государственного управления, свидетельствует о глубине содержания парламентского контроля и его корреспондирования принципиальным положениям национального конституционализма в каждой отдельно взятой стране; *в-третьих*, опыт нормативного регулирования рассмотренной предметной области парламентского контроля в государствах «ВП» заслуживает безусловного внимания и может быть учтен в работе национальных парламентов других стран.

***

1. Волков Д.В., Чимаров Н.С. Общая характеристика парламентаризма и особенности его реализации в отдельных государствах - участниках СНГ // Материалы VI международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития государственности и публичного права» (Санкт-Петербург, 25 сентября 2020 г.), в 2-х т. Том. 1.-СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – С. 123-131.
2. Резолюция Парламентской ассамблеи «Евронест» от 9 декабря 2019 г. № AP102.659v03-00 «О парламентском контроле как инструменте укрепления демократии, подотчетности и эффективности государственных учреждений в странах «Восточного партнерства». – Брюссель: Издательство «Парламентская ассамблея «Евронест», 2019. – 10 с.
3. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1865 (2012) «Совет Европы и Восточное партнерство Европейского союза». – URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2012%5D/%5BMar_s2012%5D/Res1865_gus.asp (дата обращения: 18.12.2020)
4. Учредительный Акт Парламентской ассамблеи EURONEST от 3 мая 2011 г. № PE 461.419/CPG. – URL: http://www.epgencms.europarl.europa.eu/cmsdata/upload/2458fe83-5b23-4351-96f1-fd0cf8aaec19/CONST_ACT_RU.pdf (дата обращения: 21.12.2020)

Чимаров С.Ю., Бялт В.С.

Правовая основа укрепления служебной дисциплины в полиции Российской империи по «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г.

*Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-167

idsp: ljjournal-01-2021-167

Аннотация

В статье представлен анализ нормативно-правовой регламентации дисциплинарной ответственности полицейских чиновников Российской империи к середине второй половины 80-х гг. XIX в.. Акцентируя внимание на строгой систематизации вопросов дисциплинарной ответственности служащих российской полиции в указанный период времени, авторы выявляют наиболее значимые законодательные положения, положенные в основу дисциплинарной практики по отношению к чинам полиции и корреспондирующие ходу проводимого реформирования отечественной полицейской институции.

Ключевые слова: полиция, служебная дисциплина, дисциплинарное воздействие, дисциплинарное взыскание, дисциплинарная ответственность, преступление, проступок.

Abstract

The article presents an analysis of the legal regulation of the disciplinary responsibility of police officials of the Russian Empire by the middle of the second half of the 80s. XIX century. Focusing on the strict systematization of issues of disciplinary responsibility of Russian police officers in the specified period of time, the authors identify the most significant legislative provisions that form the basis of disciplinary practice in relation to police officers and correspond to the course of the ongoing reform of the domestic police institution.

Keywords: police, service discipline, disciplinary action, disciplinary action, disciplinary responsibility, crime, misconduct.

Обширный опыт нормативно-правового регулирования отдельных вопросов служебной дисциплины среди служащих полиции, нашедший свое отражение в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г. (далее-Уложение 1885 г.) [3], базировался на ранее разработанных и введенных в действие «Уставе благочиния» от 8 апреля 1782 г., основу которого составило «Зерцало Управы благочиния», состоящее из XV правил: 7 правил добронравия; 4 правил обязательств общественных; 4 «качеств определенного к благочинию начальства и правил его должности» [4], а также «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. (далее – Уложения 1845 г.) [2]. Следует заметить, что уже к 1857 г. вопросы дисциплинарных правоотношений среди служащих в полиции были закреплены в «Своде общих губернских учреждений» (Книга I «Общее Образование Управления в губерниях», раздел V «Об отчетах и ответственности», глава 2 «Об ответственности», отделение 1 «Предметы и порядок ответственности» (ст. 242-251) и отделение 2 «Последствия ответственности» (ст. 252-275), вошедшего в «Свод законов Российской Империи» 1875 г. [1]. Согласно положению ст. 242 отмеченного свода, за рачительное и усердное исполнение своих должностных обязанностей каждый служащий вправе был рассчитывать на награду, а виновный за упущение по службе или «злонамеренное»

нарушение обязанностей подвергался «неупустительной, по мере вины, ответственности и взысканиям». При этом ответственность должностных лиц возбуждалась на основании:

- а) поданных установленным порядком жалоб;
- б) обнаруженных самим начальством злоупотреблений и упущений;
- в) донесений относительно принуждения должностным лицом к принятию незаконных мер;
- г) судебного решения;
- д) временных обзрений;
- е) рассмотрения дел, ведомостей и отчетов (ст. 244).

В решении вопроса поддержания служебной дисциплины в рядах полиции важное значение имело уточнение правовых категорий «преступление» и «проступок». Следует отметить, что согласно положению ст. 1 Уложения 1885 г. между отмеченными понятиями отличия не проводилось, а под преступлением или проступком понималось «как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано» [3].

Выявляя нормативные положения применительно к служебной дисциплине чиновников полиции, необходимо отметить их правовое закрепление в ст. 446-459 (отделение 3 «О преступлениях и проступках чиновников полиции», глава XI «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особым родам службы», раздел V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной») Уложения 1885 г. Исходя из содержания ст. 446 следует, что если чиновник полиции допустил «по нерадению» преступление, которое он мог предотвратить, то исходя из обстоятельств дела или важности совершенного преступления, он подвергался: а) выговору с занесением в послужной список; или б) вычету от 3 мес. до 1 г. из времени службы; или в) «удалению» от должности. Если же совершение преступления произошло не по «нерадению», а с умыслом, то в данном случае полицейский чин приговаривался за бездействие власти к одному из наказаний, предусмотренных ст. 341-342 по правилам Уложения 1845 г.

Несоблюдение полицейским чиновником установленного порядка извещения соответствующих должностных лиц о совершенном преступлении или непринятие им необходимых мер к задержанию участника преступления, действия полицейского карались по указанным нормам ст. 446. В случае умышленного сокрытия полицейским преступления или его следов, последний подвергался наказанию на основании правил об укрывателях по норме ст. 124 правил Уложения 1845 г.

В случае произвольного содержания кого-либо под стражей в непригодном для этого месте и без особых к тому причин, виновный полицейский чин на основании ст. 448, исходя из обстоятельств дела и с учетом состояния, звания, возраста и пола задержанного лица, подвергался наказанию в виде: а) вычета от 6 мес. до 1 г. из времени службы; или б) «отрешению» от должности; или в) «исключению» со службы. Согласно ст. 449, в случае противодействия содержащимся под стражей лицам в подаче начальству каких-либо запрещенных законом бумаг, полицейский чин в первый раз подвергался взысканию в виде выговора; во второй раз – в виде вычета от 3 до 6 мес. из времени службы; в третий раз – в виде «отрешения» от должности.

За несоблюдение закрепленных в ст. 450 Уложения 1885 г. нормативных положений относительно сроков предоставления доклада начальству о взятии под стражу каких-либо лиц, полицейский чиновник подлежал наказанию в первый раз в виде строгого выговора; во второй раз – в виде «вычета» от 3 до 6 мес. из времени службы; в третий раз – в виде «удаления» от должности.

В случае содержания кого-либо под стражей сверх определенного судебным решением срока и без особых законных к тому причин, виновный в таком деянии полицейский чин на основании установления ст. 451 подвергался строгому выговору за задержание под стражей лишние сутки. За незаконное задержание свыше одних суток, виновный подвергался «отрешению» от должности, а если мотив необоснованного задержания включал в себя вражду, месть или иной вид умысла, то в данном случае виновный подвергался высшей мере наказания по правилам ст. 480 Уложения 1845 г.

Нерадение полицейского чиновника, сопряженное с побегом арестованного, каралось одним из наказаний, предусмотренных ст. 447 отмеченного Уложения 1885 г., а допустившие побег стражи согласно ст. 452 данного Уложения 1885 г. наказывались аресту от 7 дней до 3 мес.

В случае применения к лицам, содержащимся под стражей, насилия или иной неуказанной и недозволенной законом меры для предупреждения побегов или усмирения заключенных, виновные в подобного рода деянии тюремные смотрители, надзиратели и стражи исходя из обстоятельств дела и в соответствии со ст. 453 подвергались наказанию в виде: а) или строгого выговора; б) или «удаления» от должности; в) или «отрешения» от должности.

Анализ нормативных положений последующих ст. 454-459 Уложения 1885 г. позволяет также оценить правозащитную направленность их содержания, нацеленного на защиту граждан от полицейского произвола. Отмеченное в отношении пресечения нарушения прав человека со стороны чинов полиции корреспондирует правовой позиции известного реформатора полицейского дела Р.Пиля, назначенного в 1822 г. на должность министра внутренних дел Англии и разработавшего 9 принципов деятельности полиции. В соответствии с восьмым принципом Р.Пиля, полиция должна всегда действовать только в пределах своих функций, не допускать узурпации полномочий судебных органов, мести отдельным лицам или государству, авторитетно подходить к определению вины и наказанию виновных [5, с. 34].

В период существования Российской империи (1721-1917 гг.) специальных дисциплинарных уставов для полицейских чинов не существовало. При оценке некоторых положений служебной дисциплины чинов полиции и правомерности применения к провинившимся наказания различные источники по полицейскому праву апеллируют к справочным пособиям, содержащим инструкции и фрагменты отечественных законоположений, а также выступавшими в качестве методических рекомендаций полицейским чинам относительно практического применения отдельных канонов дисциплинарного воздействия

Резюмируя изложенное, мы отмечаем, следующее: *во-первых*, в период существования Российской империи (1721-1917 гг.) специальных дисциплинарных уставов для полицейских чинов не существовало. При оценке некоторых положений служебной дисциплины чинов полиции и правомерности применения к провинившимся наказания различные источники по полицейскому праву апеллируют к справочным пособиям, содержащим инструкции и фрагменты отечественных законоположений, а также выступавшими в качестве методических рекомендаций полицейским чинам относительно практического применения отдельных канонов дисциплинарного воздействия; *во-вторых*, в период со второй половины XVIII по вторую половину XIX вв. в полицейском ведомстве Российской империи произошли кардинальные изменения по вопросам систематизации дисциплинарной ответственности чинов полиции, способствующие повышению эффективности реализации их правоохранительной миссии и дальнейшему укреплению служебной дисциплины в полицейских рядах. К середине 80-х гг. XIX в. динамика изменений относительно нормативно-правового закрепления дисциплинарной ответственности

полицейских чинов наиболее полное закрепление получила в соответствующих статьях «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г.

***

1. Свод законов Российской Империи, издания 1857 года. Том второй. Часть I. Общее губернское учреждение. – СПб.: В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388149/#page/2/mode/1up> (дата обращения: 10.11.2020).
  2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – 898 с.
  3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Издано проф. Императорского Училища правоведения Н. С. Таганцевым. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1886. – 714 с.
  4. Устав благочиния или полицейский. Утвержден 8 апреля 1782 г. – СПб.: Типография Сената, 1782. – 75 с.
  5. Чимаров С.Ю. К вопросу о «принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3 (75). – С. 33-34.
-

Научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№69, 01.2021

Январь 2021 г.
Часть 4

Подписано в печать .22.01.2021 Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.5,52
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович